ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

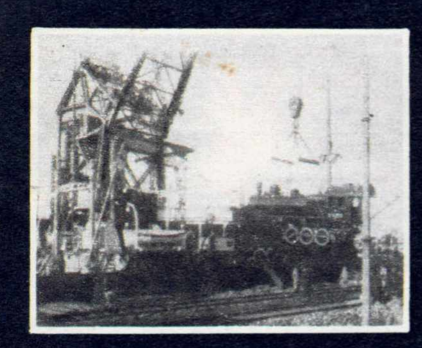
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 29 ИЮЛЬ 1989

Я ЖИВУ НА ЗЕМЛЕ...

ЖИВОПИСНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ ТАТЛИНА

НА «ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ» ПЕРЕСТРОЙКИ

ФОТОПАМЯТЬ ИСТОРИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (3234)

15—22 ИЮЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Вова Кожин из села Сростки (см. в номере материал, посвященный 60-летию В. М. Шукшина «Что с нами происходит?»).

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 26.06.89. Подписано к печати 11.07.89. А 08879. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 814. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЕДИНОЛИЧНИКИ

Полвека назад ясным летним днем я первый раз увидел крестьянина — то был мой прадед Иван Иванович. «Единоличник» — теперь мне кажется, что я тогда же разглядел над живыми глазами белобородого старика тавро, припечатанное напористыми пришельцами, взявшими волю распоряжаться судьбами миллионов и миллионов жителей отечественных весей... Единицы единоличников давно повымерли в колхозно-совхозном пространстве. Обезлюдели и тысячи деревень, вполне лояльных аграрной политике партии. Жизнь отошла от них, лишенных перспективы развития. Так было, так есть, хотя крепнут слухи о многоукладности в социалистическом государстве, об аренде земли, о возвращении к ленинскому пониманию кооперации.

Николай БЫКОВ
Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

И вот свершилось: снова передо мной крестьянин. Мне хотелось пощупать его, приобнять, взять за руку. Я так и поступил — пощупал налитые силой плечи, приобнял его, потного и горячего от работы, взял его широченную ладонь, способную собраться в кувалду.

— Айгас,— представился он.— Фамилия Казеровский. Айгас Казеровский, крестьянин.

Совсем белые, вылинявшие на солнце волосы, обнаженный торс, шорты, сандалии на босу ногу. Смеется: «Не видели крестьянина?» Не видел. Давно не видел. Полвека не видел.

Просторный двор. Дом деревянный, давно потемневший, многооконный. Сарай со скотиной. Рядом яблони и ряды картошки, а дальше — луг с травой в валках и уже тюкованным сеном. За лугом угадывается речонка, за ней — лес...

— Все вокруг колхозное?

— Все вокруг мое! — подхватил игру Айгас.— Слышите жаворонка? И жаворонок мой!

Он, как полководец на рекогносцировке, познакомил меня с видимой окрестностью — своими владениями.

— Земля деда моего. И дом этот дед Янис поставил шестьдесят один год назад. У деда здесь еще лес был, а земля его была еще и там, у дороги, до той горки. И там — за сараем... У меня двенадцать гектаров тут, я только начинающий. А дед Янис долго еще жил, но земли уже не имел... Так есть.

Так было, Айгас! И старые яблони тому свидетели. И старый сруб дедова сарая на валунах, сложенных в 1925 году... В сарае идут, по стружкам видно, спешные плотницкие работы: часть потолка сгнила, требует ремонта, пол настелили новый. В обновленный хлев Айгас поставит восемь коров, десяток телят. За перегородкой по соседству с коровником уже стоят десять бычков на откорме. Каждый через год даст две тысячи рублей, к тому времени пойдет и молоко... А пока копают и ссыпают в высоченные мешки молодую картошку — цена на рынке держится вдохновляющая...

Ах, какая это была весна в Латвии! Какое молодое лето!.. События развивались стремительно. Взволнованное возможностью перемен население

сельских районов устремилось по дороге надежд. Мелькали станции: «Совхозная», «Колхозная», «Коллективный подряд», «Семейная ферма», «Аренда» и, наконец, «Крестьянская». Многие, образно говоря, вышли раньше нее. С таким делом, как землепользование, не торопятся. Но весна брала свое. В середине апреля в Риге собрались новохозяева и учредили на своем съезде Союз сельских хозяев Латвии. Он выразил волю всех жителей села республики — и тех, кто остается совхозным работником, и колхозников, и кооператоров-арендаторов и, главное, первопроходцев — крестьян нового типа. Съезд учредителей Союза констатировал, что идеей обновления жизни в селе захвачены почти сто пятьдесят тысяч членов нового Союза. Их поддержали и горожане. Старики не упустили случая напомнить, что когда-то Латвия продавала за кордон и особый бекон, и масло. Сейчас дожились до того, что республика не в состоянии накормить собственное население. За последнее время более чем на миллион гектаров сократились сельскохозяйственные угодья — на миллион с «гаком»! Тут уж не до бекона; хватило бы всем едокам хлеба и картофеля. Причины упадка? Они общие для многострадального Отечества нашего. А Латвийская ССР ко всему прочему еще и развитие промышленности форсировала — планово и непомерно. И в общем-то безропотно. В результате объем промышленной продукции возрос без малого в шестьдесят раз, а продукции колхозно-совхозного хозяйства — менее чем в полтора раза...

Движение за возрождение жизни в сельских районах республики напоминало половодье, но меньше всего походило на стихию разлива. Накануне съезда инициаторов пригласили на бюро ЦК Компартии Латвии, там и обговорили ситуацию в республике, цели и задачи нового Союза. Такое политическое обеспечение, конечно же, помогло делегатам съезда выработать и принципы, и решения.

Отчуждение от земли, забвение интересов жителей села, ликвидация отцовых хуторов, поголовное подчинение интересам казарменной системы управления привели к тому, что огосударствление, по Л. Карпинскому, заместило, фактически перечеркнуло обобществление. А ведь ради него проводилась операция по насаждению колхозов, а позже перелицовка колхозов в совхозы. Попытки приостановить мучительное умирание деревни — конечно, не в одной Латвийской ССР — оставались на бумаге. На сельскохозяйственном съезде в Риге подсчитали, что структура отрасли претерпела двадцать восемь реорганизаций! Все чаще в лозунгах встречались слова «хозяин» и даже «крестьянин». Неизменными оставались политика райпарткомов и производственные отношения...

Из Декларации о создании Союза сельскохозяйственников Латвии:

— ССЛ объединяет колхозников, крестьян, арендаторов, кооператоров, рабочих, служащих, специалистов, руководителей, ученых, преподавателей, студентов, школьников и других заинтересованных лиц с целью возрождения труда сельского человека...

Так за что же выступает новое, по существу, объединение всех жителей сельских районов? За самоуправление, кооперацию ленинского толка... Сколько чернил и крови пролито в защиту двух форм хозяйствования — колхозной и совхозной! Две стороны медали единообразия, скудоумия сторонников «управления» сельским хозяйством. На повестке дня — многоукладность. МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ЗАВИСИТ ОТ МНОГООБРАЗИЯ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ. Тридцать делегатов из трех тысяч присутствовавших на съезде учредителей ССЛ отстаивали позиции крестьян — единоличников, частников, «неформалов колхозного строя». Тридцать человек — процент. Один процент. Один шанс. Один росток, но он из тех, что пробивает асфальт. И на этот пока одинокий росток в мае упал живительный луч внимания перестроившихся властей. Они приняли Закон Латвийской Советской Социалистической Республики «О крестьянских хозяйствах в Латвийской Советской Социалистической Республике».

ИЗ ЗАКОНА «О КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ»:

— Вмешательство в производственную деятельность крестьянского хозяйства со стороны государственных, кооперативных и других общественных организаций и учреждений запрещается.

— Крестьянину, желающему создать крестьянское хозяйство, земельный участок предоставляется в порядке, установленном Земельным кодексом Латвийской ССР, из земель государственного запаса, государственного лесного фонда, земель колхозов, совхозов и других предприятий и организаций.

— Земля, другие природные ресурсы, являющиеся исключительной собственностью государства, предоставляются крестьянину в вечное пользование. Право пользования землей и другими природными ресурсами переходит к наследникам крестьянина.

— Деятельность крестьянского хозяйства основывается на личном труде крестьянина и его семьи.

— Крестьянину принадлежит исключительное право распоряжаться продукцией своего хозяйства.

— Исполкомы районных Советов народных депутатов вправе освобождать крестьянина первые пять лет от уплаты сельскохозяйственного налога, а также предоставлять льготы при взимании указанного налога.

— Крестьянские хозяйства имеют право объединяться для осуществления отдельных видов деятельности в кооперативы, товарищества, союзы, сохраняя свою хозяйственную самостоятельность, а также беспрепятственно выходить из них (выделено мной.— **Н. Б.**).

...Не скрою, хотелось полностью переписать латвийский Закон «О крестьянских хозяйствах» — это документ необыкновенный в истории и Латвийской ССР, и СССР. Он годится не только для самых серьезных размышлений, но и как пример для ответственных действий. Сколько говорено ностальгического о мужике, своей земле!.. Время плачей миновало. Пример Латвии — отличный стимул к переделу земли, лежащей нередко мертвым капиталом под спудом маломощных колхозов и совхозов. Думаю, что горе горькое даже не в том, что полки магазинов хронически пустуют,— апатия селян, боязнь ответственности, риска, желание числиться в колхозе за рубли страшнее любых иных социальных болезней. Произошло как бы самораскулачивание — человек, предавая себя, отказался от службы на земле, бросил ее и ушел куда глаза глядят. А те, что остались, попирают землю дедов, ни во что не ставя былые ценности землевладельцев — так ископытили душу живую мужиководствующие районного и иных масштабов...

Сейчас самая работа землеустроителям! Их время — более тысячи человек в республике зарегистрировались в райисполкомах как крестьяне. Вольные землепашцы. Большинство хотят обзавестись скотом — молочным, мясным. Такова традиция. Тепличное хозяйство на любителя. Зерновое — как подсобное при развитом животноводстве. Откорм свиней сулит быструю отдачу!..

У моего знакомого Айгаса Казеровского с хутора Бренгули Цесисского района, кроме вышеназванных десяти бычков на откорме, еще две коровы и овцы. Но коров, как было обещано, после реставрации сарая будет больше.

— А лошадь будет?

— Нет, наверное. У меня два трактора, автомашина...

Ивета, жена землевладельца, с гордостью сообщила, что первый трактор у Айгаса уже давно, еще со школьных лет — сам собрал из бросовых узлов. На первых свиданиях с Иветой только и говорил о своем тракторе — личном. До сих пор на ходу! Есть и мощный колесник МТЗ-82. Купил. На капремонте еще и подержанная «Победа» — сгодится. В ней несколько десятков лошадей. Есть и «Жигули». Взял кредит — иначе бы не купить машину и трактор.

— Земли мало попросил, колхоз обещал прирезать...

— Колхоз остается? Конкурент?

— Колхоз мне лично не нужен. Думаю, государству тоже не нужен. Зачем мертвому приварки? — так по-русски?

— Припарки! Но и «приварки» правильно.

— Судите сами, молоко убыточное, цены закупочные — курам смешно. Животноводство на государственной дотации. Доярки — прохожие люди, таких половина. Остальные — местные старухи. Мы, частники, даем почти треть колхозного плана по молоку.

— А теперь вы сами будете продавать молоко?

— Я буду его продавать колхозу. И мясо — колхозу. Мне колхоз нужен для сервиса. Там и мастерская, и запчасти, и горючее, и комбикорма. Если колхоз переизберут в кооператив — этот союз мне дороже обойдется. Но центр, усадьба для обслуживания крестьян все равно нужны. На рынке, конечно, мясо вдвое дороже; но если у меня будет больше пяти тонн мяса — на рынок не поедешь! А так выигрыш во времени и взаимных услугах...

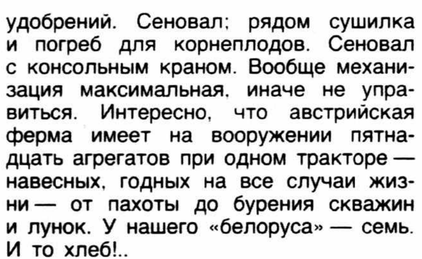
Молодой отец вслух рассчитывал судьбу — свою и своей семьи — на завтра; а вокруг нас стояли притихшие Ивета, брат Арис, бабушка Эльза, сын Марис, которому вчера дед Константин сделал собственные вилы, и маленькая Зайга, а за ней пес Дига и последний член семьи — котенок Фунцис. Вот их сколько под крышей Бренгули — любую репу вытащат сами, только бы выросла репа. Большая-пребольшая.

«И жаворонок мой»,— сказал Айгас.

Главное в моем мироощущении во время последней поездки к крестьянам Латвии было — они не рабы. Грубо? Но так есть — это любимое присловье моих молодых и пожилых собеседников. Пожилые собеседники были тоже — недалеко от Цесиса, где семье с русской фамилией Антоновы дали не только землю. Усадьбу — дом и хоздвор — крестьянам помогает строить и обустроить АПО. Молодой хозяин Юрис очень серьезен, весь в заботах. Интересно, что «показательная ферма» досталась ему после конкурса, объявленного Цесисским агропромышленным объединением. Было десятка два претендентов. Еще бы! АПО объявило, что поможет построить ферму, стоимость которой более двухсот тысяч; но передаст ее во владение только надежному хозяину. Победил на конкурсе, изложив программу и показав на словах умение, механизатор дальнего колхоза Юрис Антонов. И вот, не дожидаясь, когда будет дом, переехали всей большой семьей на свою землю: отец (из Латгалии, батрак при Ульманисе), мать, жена, брат, дети, коровы... У них почти девяносто гектаров, больше половины — пашня. Жена Тамара — экономист. Дело, думаю, пойдет...

Такие фермы АПО намерено «тиражировать». Тут даже создали специальное межхозяйственное объединение для их обустройства. Таков путь от аренды к самостоятельному подворью. Моделей столько, сколько будет хозяев. Но есть две, рекомендуемые АПО,— австрийская и своя, доморощенная. Разница в техническом оснащении. Основа хозяйства — пятьдесят гектаров и двадцать пять коров со сверхрекордным для большинства колхозов удоем — не ниже шести тысяч килограммов молока в год, и чтобы жирность не ниже четырех процентов... Условия, модель отработаны — не с потолка взяты. Дом с гаражом. Второй гараж на три бокса для сельхозмашин и тракторов. Зернохранилище. Склад минеральных

удобрений. Сеновал; рядом сушилка и погреб для корнеплодов. Сеновал с консольным краном. Вообще механизация максимальная, иначе не управиться. Интересно, что австрийская ферма имеет на вооружении пятнадцать агрегатов при одном тракторе — навесных, годных на все случаи жизни — от пахоты до бурения скважин и лунок. У нашего «белоруса» — семь. И то хлеб!..

— Мы в долгу перед крестьянином,— признал как собственную вину председатель АПО в Цесисе Роберт Рукис.— Наша районная сессия народных депутатов недавно решила распустить лежачие колхозы. Содержать их накладно, просто немыслимо, а если с января будут утверждены новые закупочные цены, то... Цены эти уже объявлены. Очень для нас несправедливые цены. Если центр на них настоит, то у нас рентабельность многих колхозов и совхозов упадет до нуля. А если решат им еще и долги простить, то сами понимаете... Банкротство — слово международное. Так есть...

Слушая Роберта Рукиса, я думал об иллюзиях сохранить тысячи разоренных хозяйств — ради чего? Ради деклассированных работников, чьи жизни на излете? У людей, воспитанных в среднестатистическом колхозе-совхозе, хроническом должнике государства, дело давно валится из рук, а земля деградирует. Потеря квалификации, а еще пуще совести вызвана серьезными просчетами в деятельности партийных и советских органов, особенно на местах. Слава богу, после апреля 1985 года ходко пошли изменения в производственных отношениях. Там, где разрешено людям самим определять свою судьбу, жители села сами и выбрали себе новые формы собственности. Но совсем не значит, что тот, кто не спешит перейти в крестьянское сословие, способен поднять экономику колхоза или совхоза, к которому приписан. Просто привычка — вторая натура, получать легче, чем давать, тем более зарабатывать. Такова реальность. Немало так называемых колхозников держатся за привычные связи с работодателями — ни риска, ни ответственности. Получается, что, отказываясь от шанса стать землепользователем, землевладельцем, они тем самым голосуют за... колхоз-должник, совхоз-банкрот. В Латвии крестьянин никогда не был богатым. А раскулачивали обладателей нескольких десятин, двух-трех коров, пары лошадей... Теперь держать пять коров можно, однако не очень выгодно. Выгоднее иметь пятнадцать — крестьянину выгоднее, а государству лучше, если хозяин возьмет двадцать пять и более. Жизнь проверит через год-два все модели, все разрешенное многообразие. Но уже этой весной колхозники в Страуке самораспустились — создали ассоциацию арендаторов и семейных ферм. Шаг к землевладению по «Закону о крестьянских хозяйствах».

Почему все-таки колхозник не повалил на собственные хутора? Ну, то, что в колхозе работа не бей лежачего, ясно. Но главные причины экономические. Низкие закупочные цены на продукцию. Страх перед кредитом.

Бывшая сибирячка, а ныне свободная крестьянка Рута Подниекс так сказала:

— Глаза в руки надо!

Это значит, все надо считать, трижды считать. Подписываешь договор ли, контракт ли — следи за второй стороной, представителем государства. Сама Рута при разных расчетах только в прошлом году трижды ловила на ошибках совхозного экономиста. Когда они с Карлисом брали аренду, то подрядились платить за полхлева более трехсот шестидесяти рублей, за сарай для сена — еще двести с лишком, да за воду из артезиана — двести, да за электричество... Тут не до прибыли. Теперь порешили проситься в крестьяне. Им совхоз вроде бы верит, райисполком должен согласиться. А там — вольная воля. Но крестьянин за все платит втрое дороже. Хотя и мне приходилось слышать, будто между крестьянами и колхозами равенство. Это не так. И госхозяйство, и колхоз надежно защищены — разоряются по нескольку раз за жизнь, а пó миру не идут; им и сейчас обещают списать долги. Крестьянин рассчитывает на самого себя, платит за все кровными. И платит не по уму, дорого. УАЗ стоит три тысячи рублей с чем-то, а для частника дороже — его надо покупать в складчину. Очень дóроги тракторы нужных марок. Точнее, нет пока у наших крестьян нужных марок тракторов.

Зато! Зато свободный труд. Свободного труда у крестьян навалом. «Работы одна другую гонят»,— сказала Рута Подниекс. Когда-то ее мать выслали в Томскую область за то, что не всех коров отвела в колхоз — отвела шесть, двух оставила... С годовалой Рутой и ее отцом упрямая Мальвина тряслась месяц в теплушке, где было не продохнуть. Шел 1949 год, плененные немцы возвращались домой, их места за Уралом занимали тысячи своих, в том числе и латыши, любители жить хуторами. Теперь дом новых крестьян Подниексов полная чаша. Восьмилетний Каспар за рулем трактора, он горд, что тянет тележку с сеном поперек поля. Бабушка Мальвина довольна. У ее дочери не шесть коров, как у нее когда-то, а девяносто шесть — телок. На выращивании. А коров не две — четыре. У них — телята. Пятнадцать овец. Внуки работящие — Каспар восьми лет и Дайрис семнадцати, учится на строителя. Внучка есть, Айга,— пока в техникуме, но хочет стать крестьянкой. Сибирского изгнания не забыть. Но все в прошлом... Весна 1989 года — весна раскрепощенияя. Так сказала не старая Мальвина, а председатель АПО Роберт Рукис. Не ведаю, какой у него интерес, но чувствуется, что он помогает крестьянам. Такая директива.

Латвия — первая. Кто следующий?

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ СЧЕТ «АНТИСПИД» — 70000015 ВО ВНЕШЭКОНОМБАНКЕ СССР

Счет открыт журналом «Огонек» после опубликования в № 26 статьи «Лучше не думать?». Вся валюта, которую нам удастся собрать, немедленно будет передана на закупку одноразового медицинского оборудования — шприцев, систем для переливания крови, внутривенных катетеров, диализаторов и т. д., — а также производственных линий, изготавливающих это одноразовое оборудование.

При перечислении денег необходимо указывать и номер счета, и его название — «АнтиСПИД».

Наша страна, подвергшись нападению СПИДа позже многих других, оказалась перед лицом врага гораздо менее защищенной. Огромное число наших сограждан, взрослых и маленьких, обречено на заражение вирусом в больницах и поликлиниках только потому, что наше здравоохранение практически не имеет одноразовых шприцев, капельниц и других одноразовых медицинских изделий. Перспектива ближайших лет тоже удручает: ведомства, виновные в сложившейся тяжелой ситуации, продолжают действовать, мягко говоря, не очень активно, и сегодня уже ясно, что «расшевелить» их к нужным срокам мы не успеваем: время упущено безнадежно. Промышленность в ближайшие годы не сможет выпускать нужное стране количество одноразовых изделий. Совет Министров СССР до сих пор не считает возможным выделить необходимые 250—300 миллионов инвалютных рублей, которые бы полностью решили проблему с закупкой оборудования по производству одноразовых медицинских изделий. Повторим строки из материала «Лучше не думать?»: «СПИД все кровожаднее требует жертв, и мы удовлетворяем эти требования. Жертвоприношение продолжается». Да, многочисленные жертвы дефицита, и не только среди взрослых, но и среди детей, УЖЕ есть, и самыми срочными мерами можно лишь пытаться предотвратить или уменьшить жертвы будущие.

Единственно возможной сегодня такой срочной мерой журнал «Огонек» считает благотворительный целевой сбор валюты. Отбросив соображения ложной скромности, хотим сказать: зная, что наше издание пользуется авторитетом и сочувствием у многих людей и внутри страны, и за рубежом, мы решились открыть благотворительный счет прямо при «Огоньке». Журнал обязуется, как посоветовал нам в своем письме Б. Н. Ельцин, «постоянно отражать на своих страницах весь процесс, всю технологическую цепочку превращения денежных пожертвований в шприцы, капельницы и другое одноразовое оборудование: контракты — закупка производственных линий — их установка — начало работы — распределение готовой продукции по больницам». Будем рассказывать и о препятствиях, возникающих на пути освоения валютных средств.

Распоряжаться собранной валютой будет создаваемый сейчас при журнале общественный совет экспертов. В него войдут наиболее компетентные бизнесмены, медики, специалисты в области медицинской промышленности.

Итак, мы обращаемся ко всем советским гражданам, зарабатывающим валюту:

актерам, музыкантам, певцам, выезжающим на гастроли за рубеж,

к «звездам», которые могут давать за рубежом благотворительные концерты,

к писателям, поэтам, публицистам, ученым, чьи книги издаются за рубежом,

к спортсменам,

к художникам и скульпторам, чьи произведения продаются на валюту,—

просим часть заработанной валюты перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к совместным фирмам, государственным предприятиям, кооперативам, занимающимся внешнеэкономической деятельностью,— часть валютной прибыли вы можете перечислять на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к соотечественникам, ныне проживающим за рубежом, ко всем благотворительным, религиозным и светским организациям в разных странах — просим вас перечислять деньги на счет «АнтиСПИД».

Сообщаем, что уже выразили готовность сделать пожертвования Д. Лихачев, Р. Щедрин, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Г. Каспаров, Д. Гранин, Р. Паулс, А. Рыбаков, Б. Окуджава, Т. Толстая, А. Синявский, В. Войнович, В. Спиваков, А. Сахаров, Б. Ельцин.

Советские подписчики журнала еще не успели получить 26-й номер «Огонька», а в редакцию уже стали поступать предложения иностранных фирм о сотрудничестве.

Первым пришло телефаксное сообщение от представительства японской фирмы «КЁХО ЦУСЁ КАЙСЯ»:

Представительство имеет информацию от нескольких фирм-изготовителей о заинтересованности экспорта в СССР одноразовых шприцев и систем. Просьба сообщить, через какие официальные организации будут осуществляться закупки на валюту, поступающую на счет «АнтиСПИД».

С уважением, глава представительства

А. САСЭ.

Вслед за этим сообщением мы получили письмо от совместного предприятия СССР — США «КОМЕД» по медтехнике и компьютерным системам.

После ознакомления со статьей Аллы Аловой «Лучше не думать?» сообщаю Вам следующее.

Наше предприятие имеет возможность ввести в строй несколько комплексов по изготовлению из советского сырья одноразовых шприцев и игл к ним мощностью 0,5 миллиарда шприцев и 1 миллиард игл на производственной площади не более 10 000 м^2 и численности персонала 240 человек.

Мы могли бы полностью обеспечить всю страну одноразовым инструментом. Мы располагаем также предварительным согласием нескольких промышленных предприятий СССР, готовых освоить выпуск названной продукции и располагающих необходимыми трудовыми и производственными ресурсами.

Со своей стороны, мы готовы на оплату поставки оборудования комплексов по производству одноразовых инструментов на условиях долгосрочного кредита, например, 20% общей стоимости оплатить в свободно конвертируемой валюте, а остальное в течение нескольких лет покрыть поставками стружки любых металлов, сгоревшими и практически выбрасываемыми в СССР электродвигателями, продажей части производимых шприцев в третьих странах и т. п.

Предлагаемое оборудование рассчитано на длительный срок службы, высокоавтоматизировано и надежно, экологически безопасно, способно обеспечить выпуск одноразовых систем переливания крови путем перенастройки и изготовления соответствующих пресс-форм.

Мы полностью разделяем Ваше мнение, что проблема выпуска одноразовых инструментов должна решаться не поэтапно, но одномоментно и срочно, причем речь идет не только о шприцах.

Изучение этой проблемы привело нас к выводу, что возможности срочного решения проблемы выпуска одноразовых инструментов в полном объеме в течение не более одного года в СССР имеются. Требуется только ответственность и добрая воля.

С уважением

Феликс РОЗЕН, вице-президент (с американской стороны) совместного предприятия «КОМЕД».

Параллельно в редакцию пришло удручающее сообщение из Госкомстата РСФСР об истинном положении дел с одноразовыми шприцами в нашей стране. Из него следует, что даже те необнадеживающие, скупые обещания Минздрава СССР и Минмедбиопрома СССР, которые были нам даны в последнее время, весьма безосновательны, это обещания в научно-фантастическом жанре.

Для обеспечения потребностей органов здравоохранения в шприцах и иглах однократного применения в 1988—1990 годах на предприятиях Российской Федерации предусмотрен ввод мощностей по выпуску 1,4 миллиарда шприцев и 3,5 миллиарда игл. Но его выполнение в первый же год пошло на срыв. С нарушением установленных сроков (только в марте 1989 года при задании на 1988 год) введены мощности по выпуску 100 миллионов штук шприцев на Тюменском заводе медицинского оборудования и инструмента Минприбора СССР. На Ленинградском заводе медицинских полимеров Минмедбиопрома СССР вместо предусмотренных к вводу мощностей на 200 миллионов штук фактически в 1988 году была введена линия по выпуску 100 миллионов штук в расчете на год. Под угрозой срыва находится и выполнение заданий по вводу мощностей, предусмотренных на 1989 год, так как на ряде объектов до сих пор не приступили к строительным работам. К их числу относятся Мценский биохимический завод (Орловская область) Минмедбиопрома СССР, Тюменский завод медицинского оборудования и инструмента, медико-инструментальный завод имени В. И. Ленина (Горьковская область), оптико-механический завод «Призма» (Ярославская область) Минприбора СССР.

А. П. ЗАХАРОВ, заместитель председателя Госкомстата РСФСР.

6 июля в редакцию приехал пастор Московской церкви Евангельских христиан-баптистов Михаил Яковлевич ЖИДКОВ.

— Я рад тому, что редакция создала благотворительный валютный счет «АнтиСПИД». Это благородное дело. Наша церковь поддержит его.

Для баптистов и вообще для христиан естественно участвовать в благотворительной деятельности. Теперь благотворительность, к счастью, не пресекается. Нам практически вернули то, что отобрал закон 1929 года...

Баптистская церковь действует почти во всех странах мира, баптистов сейчас около 40 миллионов. И мы предпримем все от нас зависящее, чтобы проинформировать всю баптистскую общественность о вашем благотворительном счете «АнтиСПИД».

С аналогичным сообщением обратился в редакцию Секретарь Республиканского Совета Церкви христиан-адвентистов седьмого дня РСФСР Михаил Михайлович МУРГА.

— Наша церковь имеет более 50 зарубежных периодических изданий. Мы постараемся в самое ближайшее время опубликовать в них номер вашего счета «АнтиСПИД» с тем, чтобы верующие нашей церкви приняли как можно большее участие в этом благородном деле.

Три художника из нон-конформистской группы «XXI» (Малая Грузинская, 28), Борис БИЧ, Андрей КАРПОВ, Анатолий ЛЕПИН, откликнулись на призыв журнала и решили перечислить на счет «АнтиСПИД» часть валютных средств от продажи своих картин за рубежом. Анатолий Лепин:

— Все мы не только художники, но прежде всего отцы, и нас беспокоит здоровье и жизнь наших детей. Название группы «XXI» символизирует «адрес» нашего творчества — XXI век, будущее. Мы бы хотели внести свою осязаемую лепту в то, чтобы у нас у всех это будущее просто было.

Мы позвонили Эрнсту Неизвестному в Нью-Йорк. Московские друзья Эрнста предупредили, что «Эрнст — человек непредсказуемый. Может и «послать». Деньги, конечно, даст, но вот станет ли разговаривать?..»

Эрнст не «послал».

— Сделаю все, что от меня зависит. Деньги перечислю. Но думаю, что могу сделать больше. Возможно организовать благотворительную выставку-продажу или еще что-нибудь более масштабное. Вам же нужно очень много денег... Не буду пока обещать ничего конкретного. Не люблю болтать. Как только что-то сделаю — сообщу.

Информацию собрала Алла АЛОВА.

ЗАЩИТИТЕ ГЛАСНОСТЬ●
ЕЩЕ РАЗ О ПАТРИОТИЗМЕ●

■

Когда на Съезде обсуждали хорошо всем известную формулировку «как правило», звучали голоса против такого подхода к работе Верховного Совета СССР. Приводились довольно убедительные аргументы, что работа в высшем органе страны не может полноценно осуществляться людьми, которые не в состоянии оставить свои ответственные посты. Говорилось, что работать «как правило» в Верховном Совете невозможно, что это будет создавать сложности в каждодневной работе парламента. Но тем не менее эта формулировка устояла, а вместе с ней и остаточный принцип работы в Верховном Совете: осталось от основной работы время, можно и в работе парламента участие принять.

Теперь, когда Верховный Совет работает, мы можем убедиться, что опасения депутатов подтвердились. Совсем недавно при обсуждении кандидатуры В. М. Каменцева на пост заместителя председателя Совета Министров СССР оказались недействительными результаты голосования. И все потому, что в зале присутствовало недостаточное для голосования количество депутатов.

Не потому ли произошел этот неприятный инцидент, что работающие «как правило» депутаты не смогли выкроить время для участия в формировании правительства страны? Что же говорить о менее значительных заседаниях? А в последние дни почти каждое заседание проводится с выяснением, почему присутствует недостаточное количество депутатов? Интересно, как будут в будущем нести ответственность за работу в Верховном Совете эти «неосвободившиеся» депутаты? Будут они ответственны за все решения парламента «как правило» или целиком, как остальные парламентарии?

Коль этот вопрос так или иначе возник и мешает нормальной работе Верховного Совета, замедляет ход обсуждения и без того при огромном дефиците времени, возможно, следует вернуться к нему? Еще раз обсудить целесообразность «непрофессиональных» парламентариев.

А. ГУРЕЕВ
Мытищи Московской области

■

Сейчас много говорят о патриотизме, и на этом фоне в писательской среде образовалось два (или, может быть, больше) лагеря. Почему писателя В. Белова называют писателем-патриотом, а близкого ему по тематике Б. Можаева никогда патриотом не называли? Почему В. Распутин где только ни называется патриотом, а близкий ему и по стилю, и по тематике и, как я считаю, более талантливый Е. Носов или даже В. Астафьев к сонму патриотов не причислены? Почему Ю. Бондарев — патриот, а тоже воевавшие Г. Бакланов или В. Быков патриотами не считаются?

В. Пикуль даже сам себя «патриотом» считает...

Этот вопрос меня беспокоит потому, что я учитель, мне детей воспитывать, а они мне задают вопросы. Отвечаю, как могу. Но почему в серьезных критических статьях, написанных опытными литераторами, одних отделили от других? Почему одни «патриоты», а другие вроде бы как и наоборот? Где критерий патриотизма?

Вот сейчас показали антиподов по телевизору. Первый воевал на афганской войне, второй во время всей этой войны против нее боролся из любви к своему народу и Родине. Оба пострадали — один остался инвалидом, другому отравляли жизнь. Одна половина зала (большая) — за первого, другая — за второго. Одни считают себя патриотами и громко об этом заявляют, другие говорят об этом тише или не говорят совсем. Поддержать инвалида-«афганца» — солгать своей совести... Кто же из них больший патриот? Ответ ясен.

В. СОКОЛОВ,
учитель
Сочи

■

С горечью ознакомился с письмом московского журналиста М. Виленского («Огонек» № 15, 1989 г.). Причем по мере чтения тяжесть на душе все нарастала.

Марк Виленский сообщает, что «убежденно считает себя русским», хотя по паспорту еврей. В этом еще нет ничего предосудительного: увы, история жестоко поступила с еврейской нацией, рассеяв ее по всему миру и заставив представителей ее ассимилироваться по месту проживания. Хуже, когда Виленский, перечисляя писателей, которые стали его «главными духовными наполнителями», не упоминает ни одного еврейского, даже замечательного Шолом-Алейхема. То есть совершенно ничего знать не хочет о своем многострадальном народе.

И уж совсем худо, когда автор письма начинает яростно доказывать полезность ассимиляции представителей всех других нацменьшинств нашей страны — украинцев, белорусов, молдаван и т. д. Он пишет: «От естественного, непонукаемого обрусения еще никто не заболел и не проиграл. Не зарегистрировано таких случаев». Ошибается. Зарегистрировано, высечено в анналах истории разящими фактами. Читает ли московский журналист московские газеты? Пусть возьмет «Правду» за 3 апреля 1989 г., заглянет в полосу «СССР — наш общий дом» и узнает, как тяжело заболели, как много проиграли в результате естественной ассимиляции малые народы нашей страны.

Ученый Л. Скворцов сообщает: «Проведена перепись. Но мне кажется, что до пятидесяти языков просто забыли. Вот оно — дилетантство в национальной политике». Хуже! Это означает, что 50 народностей в нашей стране исчезают или уже исчезли, ведь язык — на первом месте в определении понятий «нация», «народность».

Множество подобных фактов сообщается в последнее время в прессе. Ненасильственная, естественная ассимиляция опасней, чем насильственная. Последняя рождает протест, сопротивление. Первая — привычку постепенно забывать свой народ в угоду житейским благам.

Здесь мы подошли к самому трагическому: на позициях Виленского сегодня многие представители национальных меньшинств. Отсутствие национального самосознания и низменный практицизм в основе этого: зачем, мол, забивать голову себе и своим детям изучением двух языков, когда сегодня в любой республике можно обойтись только русским. И вот печальные последствия такой позиции. В Харькове, первой столице Украины, чуть больше одного процента украинских школ. Решили в двух новых открыть еще по одному украинскому классу. Туго идет комплектация. Даже несколько десятков семей, где любили бы язык своей родины, не набиралось.

Мы создали Красную книгу, которой взяли под охрану каждый невзрачный цветочек, если он исчезает. Строго штрафуем старушку, когда она срывает его и выносит на базар. Но нет Красной книги исчезающих народов.

В. ЗАЛИВАДНЫЙ,
журналист
Харьков

■

Помните, с каким восторгом приняла советская общественность известие о полной трансляции Съезда народных депутатов? Какой подъем политической активности вызвала эта акция в народе?

Но не будем торопиться с восхищениями по этому поводу. Ведь всякое доброе и открытое деяние хорошо тем, что оно не кончается вдруг, а становится каждодневным атрибутом нашей жизни. И потому ежевечернее транслирование в записи заседаний Верховного Совета может только радовать. Вернее, могло бы радовать, но...

Дело в том, что с неудовлетворением и очень большим разочарованием заметил, что трансляция записи идет с купюрами! Совершенно четко можно увидеть, как сбивается кадр, как явная порой несостыковка того, что говорилось несколько долей секунды назад, с тем, что идет после. Не знаю, делает это само телевидение по собственному усмотрению или получает на этот счет чьито «ценные указания», но сам факт подобного «вырезания» гласности не может не настораживать. Интересно, как сами парламентарии относятся к подобным вольностям Центрального телевидения?

Было бы здорово, если бы в данном случае гласность защитил Комитет Верховного Совета СССР по вопросам гласности, прав и обращений граждан. Считайте, уважаемые депутаты, что я гражданин, оскорбленный «урезанием» своих прав на гласность, обращаюсь к вам: «Защитите мои права, защитите гласность».

И. БУЛАХ
Новокузнецк

■

Совсем недавно обсуждалась на одном из заседаний Верховного Совета СССР кандидатура Язова на пост министра обороны СССР. Признаться, я ждал выступления будущего министра обороны, ждал с надеждой, что прозвучит трезвая оценка положения в Советской Армии. Ибо коррозия застоя, остаточные признаки сталинской командно-административной системы пустили глубокие корни в армейской жизни, мешают полноценно развиваться нормальным, здоровым процессам.

Казалось, что вместе с ликвидацией еще одной «зоны вне критики» откроются возможности для объективной оценки состояния дел в армии. Что вскрытые негативные явления, такие, например, как печально известная «дедовщина», в скором времени станут просто невозможными. Казалось, что сейчас, когда боль матерей стала достоянием гласности, высшее армейское руководство направит все силы на искоренение деформаций, имеющих место в таком социальном институте, как армия. Обо всем этом, о конструктивном подходе к перестройке в Вооруженных Силах, мне казалось, должен был говорить кандидат на пост министра обороны.

Но то, что услышали миллионы советских людей, повергло многих просто в состояние шока. Язов, как в «лучшие застойные времена», стал на точку зрения защиты мундира от возмутительных нападок на Советскую Армию журналистов и всех остальных, кто спит и видит, как бы нам опорочить возглавляемое тов. Язовым ведомство. «Дедовщины», оказывается, нет. Это либо выдумки фантазеров, либо «отдельные недостатки».

Думаю, что просто возмущение по этому поводу вряд ли поколеблет спокойствие высшего военного руководства страны, и поэтому предлагаю собрать в Москве всесоюзный форум, посвященный вопросам негативных явлений в армии. Делегатами на этот форум могут быть солдаты и офицеры, матери, чьи сыновья в мирное время вернулись домой из армии физическими или нравственными калеками, родители, чьи дети просто не вернулись домой живыми (и служили при этом не в Афганистане, а в Таманской дивизии, например). Все документы этого форума, резолюции и обращение к руководителям Министерства обороны СССР сделать достоянием гласности во всесоюзном масштабе.

А. ДЕМЧЕНКО
Москва

ПОСЛЕ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

«В связи с публикацией в 21-м номере журнала «Огонек» информации журналиста И. Мамичевой о гибели военнослужащих во время слета солдатских матерей сообщаю, что по этому факту военной прокуратурой сразу же в день происшествия возбуждено уголовное дело. Впоследствии оно принято к производству опытным оперативным работником военной прокуратуры МВО, создана следственная группа.

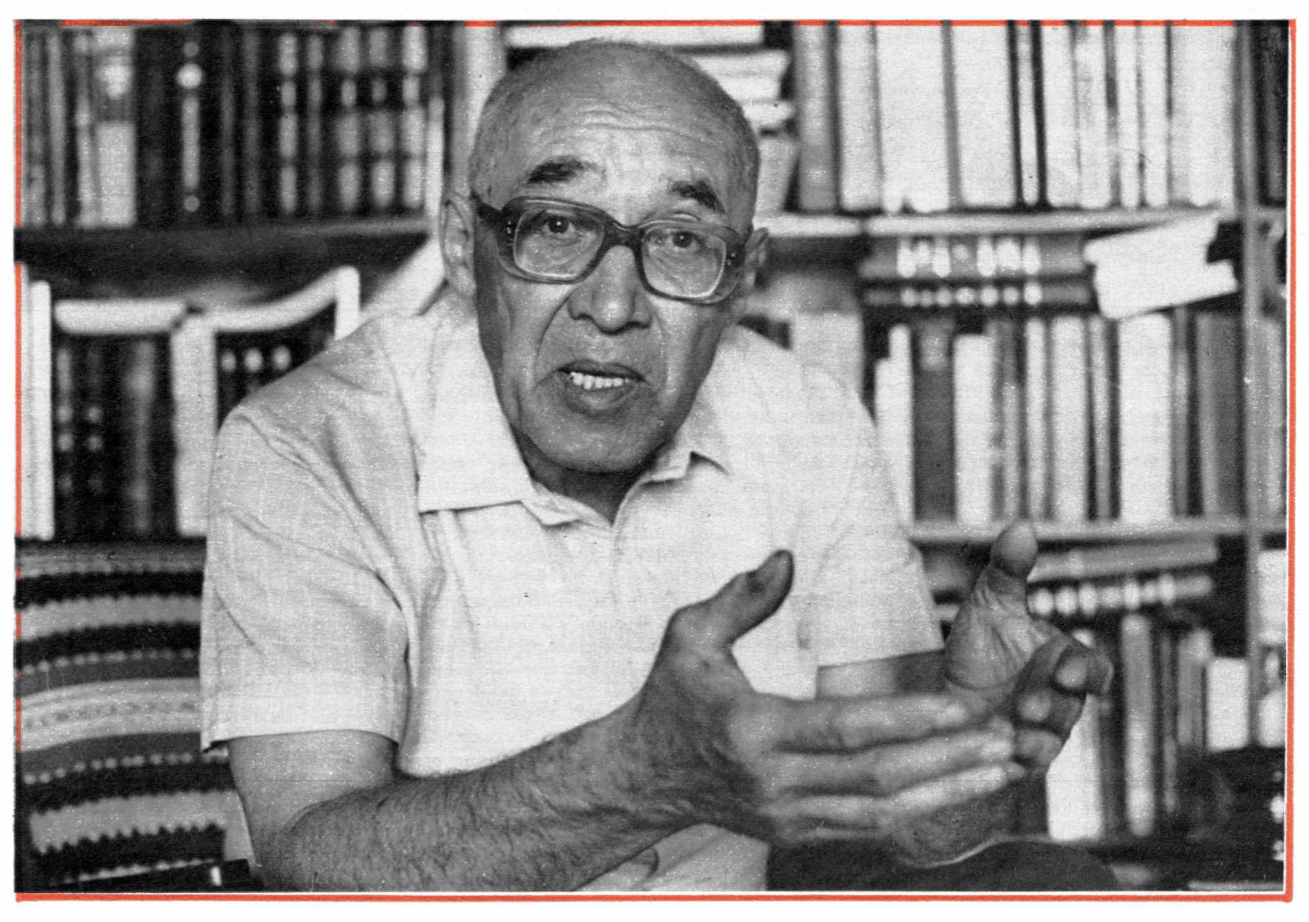
В настоящее время расследование дела еще не окончено, в связи с особой сложностью дела, необходимостью выполнения значительного объема следственной работы, проведения большого количества сложных экспертиз.

Следствие по делу находится на постоянном контроле военной прокуратуры МВО и Главной военной прокуратуры, о его результатах редакция будет проинформирована дополнительно.

Заместитель военного прокурора МВО
В. НАГИБИН»

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

СТЫДНО МОЛЧАТЬ!

Очень странное создается положение: об органах госбезопасности много говорят и пишут. Причем чем дальше, тем меньше хорошего. Комиссия Политбюро, Верховный суд, КПК реабилитируют и восстанавливают в партии невинно пострадавших, констатируя при этом, сколь грубо нарушался закон, и лишь органы госбезопасности, наши современные органы, молчат, будто воды в рот набрали. Считается, видимо, в верхнем эшелоне этих органов, что честный разговор с народом обо всех нарушениях и искажениях, допускавшихся на протяжении многих лет, их дискредитирует (в обычном этимологическом значении этого слова).

Я пять лет проработал следователем в прокуратуре, а потом многие годы, до выхода на пенсию, в органах госбезопасности. И мне есть что вспомнить... Есть и соображения, которыми хотелось бы поделиться с согражданами.

Мы думаем о своей истории, о прошлом. Оцениваем себя. Не дает мне покоя такой вопрос: а все-таки мы, работавшие в органах в хрущевское и брежневское время, в какой степени причастны к зловещей истории органов?

Не следует ли открыто и очень жестко разграничить то, что было злодейством и беззаконием, и то, что должны являть собой органы в период перестройки и создания правового государства?

Но где уж там! Раздувшись в застойное брежневское время до неразумных размеров, КГБ молчит и по-прежнему тихо делает свое дело.

Я пытался говорить о необоснованном раздувании штата. Нет! Дискредитировать органы госбезопасности нельзя...

Ржавчина многолетней лжи, коррупции, искажений этических ориентиров едва ли не уничтожила нашу нравственность, а мы по-прежнему боимся правды, мы крепко держимся за старое. Нехорошо это!

Недавно я беседовал с одним нашим отставным генералом о «чекистских» захоронениях 37-го года на Калитниковском и Донском кладбищах. Я удивлялся: почему молчат? Не лучше ли рассказать, как было, назвать имена, не дать разрастаться слухам... Генерал мне возразил: «Есть данные, что вообще не было там никаких захоронений по «нашей» линии».

Но как же так? Если не было, то почему не сказать, что не было. А после этого честно признаться, где и что было. Ведь есть у людей потребность знать могилы своих близких.

Но у нас считается, что лучше промолчать и двигаться все по той же колее: одно — для всех, другое — для служебного пользования, а вот третье — правда особой важности — для избранных. Неправильно это!

Мы любим говорить о чекистах первых лет Советской власти. Потом многолетняя «черная дыра», и следующий славный этап нашей истории — чекисты в период Великой Отечественной. Правда, потом опять «черная дыра», которая с небольшими перерывами тянется до наших дней.

Но «черные дыры», связанные с трагедией нашего народа, ведь и наша чекистская трагедия! Сейчас многие повторяют: в период сталинских репрессий погибло 30 000 чекистов... Так ли это? Возможно. Но в эти 30 000 погибших чекистов вошли и Ягода, и Фриновский, и Запорожец, и Заковский, и многие другие, такие же, как они. Которые сначала свирепствовали и уничтожали, а потом сами были уничтожены.

Конечно, были и чекисты с незапятнанной совестью, пришедшие на службу в органы в порыве революционного энтузиазма. Они скоро поняли, что идет война с народом, но были разоблачены в этом страшном понимании и вошли в число репрессированных.

Убежден, что в органах был еще один слой «добрых» чекистов. Они знали, что творится в органах, и потому старались делать добро и делали его. Иногда спасая обвиняемого от расстрела, иногда давая ему отдохнуть и собраться с силами, подчас в чем-то содействуя членам его семьи... Время было такое, что знаменитый доктор Гааз оказался бы не на месте. Вернее, место ему бы нашлось вполне определенное.

Убежден: было это! Не могло же все быть только черным или белым.

Но нужно постараться и об этом сказать искренно. Уйдя от правды, пряча ее, скрывая ужас чекистских «черных дыр», мы лишаем себя возможности с надеждой на доверие говорить о современности.

Для начала следовало бы сказать, что во многом работа органов госбезопасности была пустой, лживой, зряшной. Не во всем сами органы виноваты, не всю работу они сами себе выдумывали... Сколь часто именно они играли роль «козла отпущения»...

Из недавнего выступления в печати бывшего первого секретаря МГК КПСС Егорычева можно было понять, что в минувшее «застойное» время он тоже был в числе «борцов», за что и принял кару от Брежнева. А я случайно оказался свидетелем такого случая. В конце шестидесятых годов я был в кабинете начальника Московского управления КГБ: он просматривал мои материалы. В это время по телефону правительственной связи позвонил Егорычев и очень резко спросил, почему до сих пор не очищена от какой-то группы гра-

ждан приемная ЦК КПСС и арестованы ли зачинщики.

Егорычев был разгневан, и начальник ничего не сумел ему объяснить.

В это время в кабинет начальника вошли два ответственных сотрудника управления, только что побывавших в приемной. Из их доклада я понял, что произошло. Существовало правительственное постановление, по которому трудящиеся, имеющие строительные специальности, могли заключать договоры с организациями, занимающимися жилищным строительством. После трех лет добросовестной работы они заслуживали право получать жилую площадь. Однако большой группе таких рабочих, честно отработавших три года, жилплощадь предоставлена не была. Без всяких объяснений. Нет, и все! Они возмутились и пришли искать правды.

Их и велел Егорычев убрать из приемной. А зачинщиков арестовать.

И начальник управления, и ответственные сотрудники, доложившие о ситуации, отчетливо понимали, что здесь «не тот случай», привлекать к ответственности не за что.

Начальник сам позвонил Егорычеву и попытался ему все объяснить, но не сумел и слова вымолвить. Все заглушало начальственное требование: «Очистить, арестовать!»

К счастью, все-таки по этому случаю никто из рабочих привлечен к ответственности не был. Кто-то вмешался в это дело и прекратил его. Ну, а если бы не вмешался этот «кто-то»?

И ребенку ясно, что органы госбезопасности нужны. Никакое государство не сумеет обойтись без разведки и контрразведки. И чем больше, могущественнее государство, тем сильнее у него должны быть разведка и контрразведка. Но ведь не «тайная полиция». С того страшного времени, когда органы боролись с монархистами, троцкистами, уклонистами, оппозиционерами, безродными космополитами, вейсманистами-морганистами, врачами-убийцами, а потом сионистами, ревизионистами, диссидентами, антисоциалистами и всякими другими «истами», все поражено этой «белой немочью»: желанием выискать противников и не давать им житья...

И сейчас, если оглядеться, можно увидеть вокруг себя заслуженных ветеранов — борцов с большинством из перечисленных «истов». Почему нужно оглядываться? Да потому, что мимикрируют люди. Даже под «демократов»... Огромный аппарат КГБ не одних же «шпионов» ловит. И нужно им оправдывать свое положение, утверждать себя. И молчать о том, что делают пустое, а может быть, и вредное дело.

Это напоминает одну давнишнюю историю, рассказанную мне товарищем, у которого старая-престарая тетка в связи со старческим маразмом оказалась в сумасшедшем доме. Однажды он посетил ее и был поражен многочисленностью маразматических старичков в отделении. Все были тихи, с застывшим выражением на лице, полуоткрытыми ртами.

Они окружили товарища и его тетку и раскрывали рты, когда тетка ела принесенные гостинцы, успевая одновременно обмениваться между собой какими-то знаками и соображениями. Тетка с жадностью ела и безостановочно говорила, вспоминая своих гимназических подруг. Товарищ ласково успокаивал тетку: «Тише, тетя, тише...»

Вдруг он заметил, что все старички вокруг молитвенно повторяют: «Тише, тише...» Все до одного! И стоит ровный гул, в котором явственно слышно: «Тише, тише...»

Вот так и у нас. Командно-бюрократический аппарат делает что-то не то, а КГБ громко шепчет: «Тише, тише...»

Я хочу, чтобы поверили в мою искренность. Я не молод, всегда старался не врать, а сейчас тем более. На войну я уходил добровольцем. И в органы госбезопасности пошел после пяти лет работы в прокуратуре добровольно. И не ради корысти (в 1955 году ее и не могло быть), а ради, как я думал, тяжелой и нужной работы. Хотелось все свои способности отдать на благо страны.

Попал я в следственный отдел (как следователь прокуратуры) и почти три года занимался только пересмотром дел 1937—1952 годов. Тут и произошло первое мое прозрение, так как столкнулся я с вопиющими безграмотностью и беззаконием, полным презрением к человеческому достоинству. Да что говорить! Может быть, потому и не показывают эти дела, если только у меня на памяти сотни папок, где каждый протокол допроса обвиняемого начинался примерно так: «Мы — микробиологи, враги Советской власти...» и т. д. Конечно, я понимал важность восстановления справедливости, но тем энергичнее было мое стремление получить «живое» дело. Получил. Неудивительно: врагов не было. Были несчастные люди, которые что-то сгоряча крикнули, сказали, написали... Та же 58-10, а потом 70-я УК РСФСР. О, эти статьи! Немного, всего несколько таких дел у меня и было, а я чувствую себя подлецом, что не отказался вести их.

В 1958 году я перешел на оперативную работу, и так сложилась судьба, что почти все время был связан с идеологией. Всюду искали мы врагов Советского государства. Некто исхитрился и нелегально издал Н. С. Гумилева и кое-что М. И. Цветаевой. Да еще заработал на этом, так как книжечки шли и по 100, и по 150 рублей. А мы поймали его и ликовали. Как же! Пресекли возможность печатать антисоветчину. А Н. Гумилева и М. Цветаеву в своих оперативных документах (и в информации для партийных инстанций) характеризовали как писателей «идейно чуждых», «идеологически враждебных».

А потом пошли диссиденты, буржуазные националисты, сионисты, «отказники», крымские татары и вообще бог знает кто! Пастернак и Синявский с Даниэлем. Солженицын и всеми теперь позабытый Тарсис. Разве это была работа для советских органов госбезопасности?!

Появились сахаровские «Размышления». Они заслуживали того, чтобы глава государства ответил, вступил с автором в доброжелательный диалог. Нет! Ссылка...

Еще один всемирный позор: «психушки» для нормальных людей. Вспомним в этой связи лишь одного генерала П. Г. Григоренко, участника войны, заведующего кафедрой Академии имени М. В. Фрунзе.

Не все сейчас, наверное, помнят, с чего началось «диссидентство» генерала Григоренко. Будучи делегатом партконференции Ленинского района г. Москвы, он выступил на ней и очень резко критиковал Хрущева за различные ошибки во внутренней и внешней политике. Его выступление можно было сравнить с разорвавшейся бомбой: президиум конференции опешил и дал высказаться генералу до конца. Однако сразу же был объявлен перерыв, и Григоренко лишили мандата. Уже на следующий день в академии его исключили из партии. Через некоторое время Григоренко уволили из армии и разжаловали. Это чтобы пенсию он получал на общих основаниях. Вот он и работал до «психушки» рабочим в овощном магазине...

Органы госбезопасности занимались всем. С их подачи в Беляеве бульдозерами смели выставку художников-абстракционистов. «Идеологически чуждые художники!» По информации органов принимались несусветные решения о выдворении из страны писателей, нашей национальной гордости: Солженицына, Некрасова, Владимова, Войновича, Галича и других. Еще один результат деятельности «идеологических чекистов» — разгром «Метрополя».

Это так же дурно пахло, как дешевые манифестации, разыгрываемые у посольств США и ФРГ в Москве в хрущевскую эпоху. Ради политического эффекта и показушного единения партии и народа выпускался из бутылки джинн хулиганства и пошлости. Причем под руководством органов госбезопасности.

Иногда доходило до прямого идиотизма. Однажды в знак единения с «трудящимися» Москвы у посольства США «демонстрировали» вьетнамские студенты. Они заблаговременно вооружились рогатками и бутылками с чернилами. Из рогаток стреляли по окнам, а бутылки с чернилами разбивали о стены: на нескольких этажах были разбиты окна, а стены забрызганы чернилами.

Это было похоже на настоящий «шабаш», и пришлось все-таки применить конную милицию. Она наступала на толпу, а вьетнамские студенты, крепко взявшись за руки, пели «Интернационал»...

Примерно с 1968 года я занимался одним конкретным делом. Дело развивалось, требовало времени и поездок: во всех идеологических вывертах я участвовал лишь от случая к случаю. Моими противниками были настоящие враги Советского государства, и этим я оправдывал свою работу в органах.

Но все же чувствовал я себя мерзко, так как знал и понимал, что никакими врагами не являлись Сахаров, Некрасов, Неизвестный, Шемякин, Бродский. А я молчал. И что я мог сказать, что сделать, не занимаясь всем этим лично?

Однако в конце 70-х годов я познакомился с Василием Аксеновым, написавшим в то время резкий и талантливый роман «Ожог». Он в рукописи распространялся среди писателей. С разрешения начальства я встретился с Аксеновым и долго с ним разговаривал. Потом мы еще несколько раз встречались.

Я давно заочно знал его и как отличного писателя, и как несчастного сына еще более несчастной Е. С. Гинзбург, автора искренней книги «Крутой маршрут». Я искренне сочувствовал судьбе матери и сына. Может быть, поэтому мне удался разговор с Аксеновым, и он пообещал не распространять в дальнейшем рукопись романа «Ожог». Издавать роман он пока тоже не собирался. Состоялось, таким образом, джентльменское соглашение, которым я был доволен. Начальство тоже. Я рассуждал примерно так: за рубежом пока не выйдет безусловно талантливая книга, компрометирующая нашу действительность (такой строй мыслей был у нас тогда), а я ничем не погрешил против творческой свободы хорошего писателя. При этом надеялся, что наступят другие времена.

Потом Аксенова пригласил прочитать цикл лекций о советской литературе католический университет в Западном Берлине. Вот тут и произошло то, что надолго вывело меня из равновесия. Аксенов, закончив чтение лекций, вознамерился на несколько дней слетать в Париж, чтобы решить ряд технических вопросов с переводчиками и издателями двух своих книг. Об этом узнали наши посольские работники и настойчиво пригласили Аксенова до вылета в Париж посетить нашего посла в ГДР. Аксенов понял, что если он это сделает, то не видать ему Парижа, и отказался от встречи с послом. Кстати, наш посол в Париже, узнав о приезде Аксенова, отнесся к этому спокойно. В шифровке он предложил подождать, пока Аксенов закончит свои литературные дела.

Вот тут-то и услышал я в телефонной трубке начальственный баритон:

— Что же это у вас творится? Что это московские писатели себе позволяют? Почему своевольничают?

— Да ничего особенного. У Аксенова в Париже литературные дела. Он поехал туда на свои деньги. Вернется.

— Что значит «вернется»? Что значит «дела»? Кто дал ему право так себя вести? Это ведь и Евтушенко тоже поехал в Афины, а оказался вдруг на Кипре. Кто разрешил? И Ахмадулина... В Париж поехала, а теперь без разрешения второй месяц по Америке разъезжает, лекции читает. Так, знаете...

— Но ведь это писатели, поэты. Нельзя подходить к ним с такими мерками...

— А что, они не граждане СССР?

И дальше в таком же духе.

Вдруг мне позвонила жена Аксенова:

— В чем дело? Почему в очередном номере (кажется, в № 1 за 1978 год) «Нового мира» не публикуется повесть «Поиск жанра»? Он звонил из Парижа. Взбешен.

Я знал, как много значила для Аксенова эта публикация. Выяснил: слава богу, обычная редакционная неувязка, пойдет со следующего номера. Позвонил жене и попросил сообщить об этом Аксенову. Наконец, вскоре он вернулся в Москву, избавив меня от неприятностей.

А потом у него начались личные осложнения и возникла история, связанная с «Метрополем». Его начали буквально выпихивать из страны...

Однажды он позвонил и попросил о встрече. Аксенов не сказал зачем, просто нужно повидаться и поговорить.

Я этого тоже хотел. Мне казалось, что, зная меня как сотрудника КГБ, он хочет объяснить свой поступок, может быть, дать какие-то заверения.

Однако мне это было категорически запрещено. Почему? «Не о чем с ним разговаривать!» Зачем нужно было отталкивать Василия Аксенова? Ведь не он перед государством — совсем наоборот, государство перед ним виновато за страшную судьбу, несчастное, в том числе детдомовское и магаданское, детство.

С этим же «идеологическим контрразведчиком» из КГБ, запретившим встречу с Аксеновым, мне доводилось сталкиваться и раньше: когда из страны выдворили А. И. Солженицына и возмущенный Е. Евтушенко письменно протестовал против этого, наш блюститель идеологической чистоты творческой интеллигенции принял меры и отменил выступление Е. Евтушенко в Колонном зале Дома союзов. А однажды, когда у высокого начальства в моем присутствии решался вопрос о выезде в Израиль Э. Лазебниковой и Д. Маркиша — жены и сына Переца Маркиша,— «идеологический контрразведчик» категорически против этого возражал.

— Но почему же? — спрашивал высокий начальник.— Они ни в какие секреты не посвящены, пусть себе едут...

— Мы не можем дать в руки сионистам знамя...— твердил он.

Помню и другие эпизоды. Как-то довелось мне встретиться с Виктором Красиным, другом П. Якира. Красин хлопотал за П. Г. Григоренко, содержащегося в «психушке». Честно и добро хлопотал. Но ничего у меня не вышло: мое начальство расценило поступок Красина как «торговлю». Мол, вы нам Григоренко, а мы «поубавим обороты». Вскоре П. Якира и В. Красина судили, а потом была известная пресс-конференция.

Помню и как баптистов в поселке Нахабино разгоняли, а потом на автобусах отвозили подальше в лес. Там их отпускали, и баптисты возвращались домой, распевая псалмы на мотивы популярных песенок.

Глеб Якунин, Александр Мень, Дмитрий Дудко, православные священники, тоже испытали на себе весь «набор» приемов идеологической борьбы со стороны КГБ.

А подавление деятельности еврейских «отказников»? Здесь КГБ применялся максимум незаконных мер: «блокировались» квартиры участников этого движения, многих из них безосновательно задерживали и по нескольку дней содержали в КПЗ. Были случаи, когда наиболее активных из них накануне различных знаменательных дат и событий «превентивно» арестовывали и по неделе и более держали в подмосковных тюрьмах, заручившись санкцией прокуратуры. Нередко разгон всякого рода демонстраций «отказников» осуществлялся с помощью дружинников из рабочих коллективов. Это

было символично. И то сказать, органы милиции, более с законом связанные, неохотно шли на совместное осуществление такого рода акций.

Но иногда делали это артистически. Однажды большая группа «отказников» собралась в приемной ЦК КПСС. К приемной подкатили автобусы, прибыл солидный наряд милиции, и очень подтянутый, нарядный, «офицерская косточка», тогдашний начальник Управления наружно-постовой службы ГУВД г. Москвы четко, по-строевому скомандовал:

— К погрузке присту-пить!

И в две-три минуты все жалобщики были «погружены» в автобусы и отправлены в КПЗ...

Если серьезно: что можем мы сегодня посчитать виной «диссидентов» застойного времени? А. Сахарова, П. Григоренко, П. Якира, Г. Якунина, П. Литвинова, В. Челидзе?

Зачем я обо всем этом сейчас вспоминаю? Затем, чтобы показать, что занимались органы госбезопасности совсем не тем, чем должны были заниматься. Мне кажется, что и сегодня этот порок не изжит до конца. А может быть, существует закономерность? Если допустить, что «госбезопасность» — это сердце государства, то сразу возникает сравнение: здоровый человек никогда не чувствует своего сердца, будто его нет... Не то у больного: то зачастило, то спазмы и испарина, а то вроде бы в горле где-то пульсирует сердце и дышать не дает...

Встает самый главный для меня вопрос: почему же ты раньше молчал? Как же мог ты столько лет проработать с грузом на сердце? Оправдывать себя я не хочу. Я часто об этом думаю и казню себя. Но все же...

Время и все мы были крайне противоречивы. Помню отлично, как радость и счастье жизни переполняли меня в 1937—1940 годах, когда мне было 14—17 лет. А с другой стороны, какое это было ужасное время... Я как кошмар вспоминаю тягчайшие эпизоды минувшей войны, грязь, боль и глупость, с которыми пришлось столкнуться. Но тут же в душе возникает гимн народному подвигу, фронтовому братству и Победе. И когда, работая в органах, сталкивался я с безнравственностью и беззаконием сталинских репрессий, с полицейским стремлением «никуда не пущать и ничего не разрешать» всех лет застойного периода, то в то же время благодаря своей работе читал я провидческие «Размышления» А. Сахарова, романы А. Солженицына. В то же время имел я счастье беседовать с умнейшим человеком — Ю. В. Андроповым, и верилось: все впереди, нужно только быть на своем месте и наготове.

Среди моего служебного окружения были люди, думавшие так же, как я. Мы готовились к переменам...

Действительно, дьявольски противоречивое было время, и мы в нем столь же противоречивы. Нашему сознанию еще нужно было созреть, как, например, нашему отношению к Бухарину. Сначала однозначно — враг. Хотя не шпион и не террорист, разумеется. Потом, после реабилитации — эйфория: ах, какой умница, какой интеллигент! А потом пришло прозрение: он продукт своего времени.

Еще недавно, еще вчера, все мы думали, что идет борьба, а мы стоим на страже, мы защищаем... Что защищаем? Обскурантизм защищаем. В демократическом государстве органы госбезопасности не должны заниматься не свойственными им функциями, не имеют права «идеологизировать» свою работу.

Нужно было прожить жизнь, чтобы понять это? Неуютно жить с воспоминаниями о репрессиях, о «психушках», о держимордах, которым подчинялся, о борьбе с Сахаровым и Солженицыным, художниками-авангардистами и еврейскими «отказниками».

Сродни отравленное мое состояние вот такому ощущению. Еще совсем недавно я пил из крана московскую воду и считал, что она абсолютно чиста, ку-

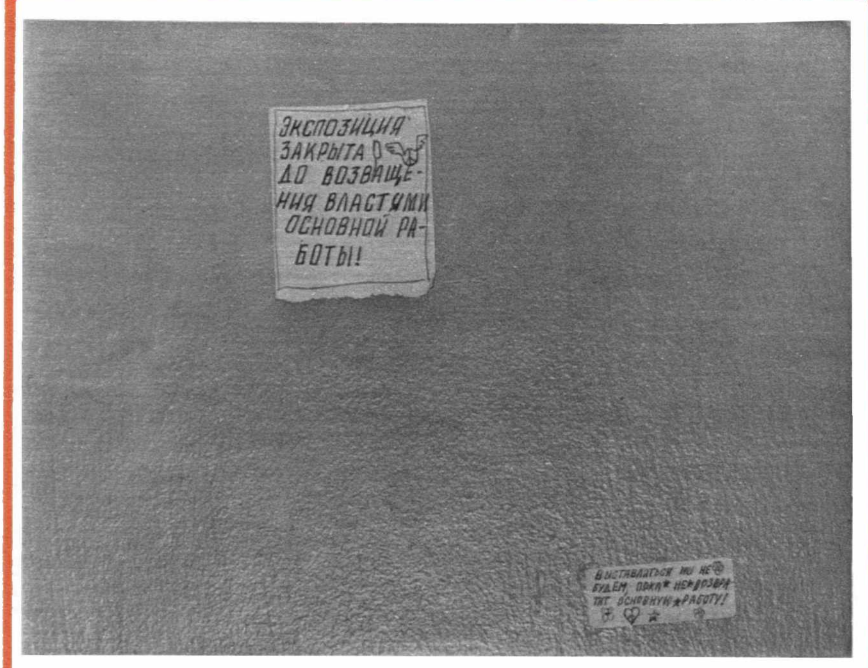

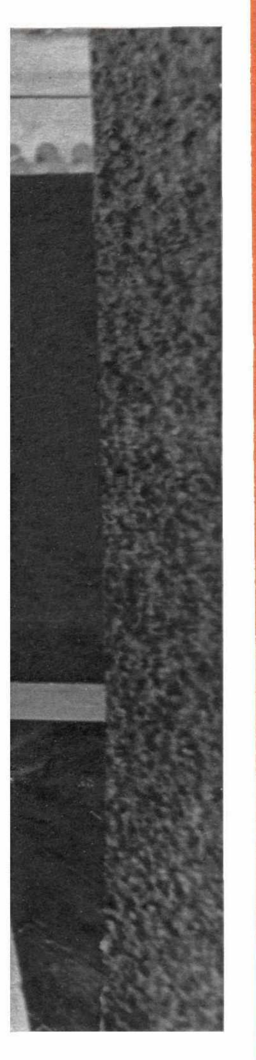

пался во всех подмосковных речках и наслаждался их свежестью, гулял с детьми по московским бульварам и считал, что чем больше с ними гуляю, тем полезнее для здоровья детей. А теперь нет! Вода — только кипяченая, купаться, гулять по бульварам — может быть, и вредно, и опасно.

Так и с нашей чекистско-идеологической работой. Подальше бы от нее, как от отравленного пестицидами водоема!

Мне кажется, что очень большое влияние на то, что госбезопасность с середины пятидесятых годов и до восьмидесятых (может быть, и до сего дня) занималась не свойственными ей функциями и делами, оказали кадровые изменения. Изгнанные «специалисты» были заменены партийными и комсомольскими функционерами, которые внесли в жизнь органов повальную некомпетентность, уверенность во вседозволенности и карьеризм. Это видели все, и действовало это разлагающе.

У меня на памяти случай — назначение такого функционера на должность заместителя начальника управления. По этому поводу В. Е. Семичастным был отдан одиозный приказ: «Мл. лейтенанта запаса N назначить на должность зам. начальника управления. Мл. лейтенанту запаса N присвоить воинское звание подполковника».

Вот так! Через четыре звания... Ю. Гагарин улетел в космос ст. лейтенантом, а вернулся майором. Совершив подвиг, перепрыгнул через звание. А N за так — через четыре!

Вскоре управление облетел анекдот: говорили о резолюции, которую N поставил на документе. Я ее видел лично. Из какого-то города сообщили, что в Москву выехал, скажем, Иванов, который во время войны являлся агентом абверовского разведоргана «Цеппелин». N на углу красным фломастером начертал: «Цеппели-на срочно установить и через органы милиции из Москвы выдворить».

А другой заместитель начальника управления, тоже в недавнем прошлом крупный партийный функционер, однажды, разгневавшись по поводу несерьезности и легкомыслия оперативного работника, крикнул ему вдогонку: «А ты небось и в «Современник» ходишь?!»

Таких в нашей среде было не один и не два. Постепенно и характер работы менялся, больше стали составлять отчетов и планов, в том числе перспективных планов, информаций в инстанции («информашки»), участились совещания, и уж какие речи говорились!

Однажды я вспомнил высказывание восточного мудреца: если хочешь понять человека, найди в его чертах сходство с тем или иным зверем. Например, человек похож на лису. И в характере у него будет нечто лисье.

С тех пор во время речей наших ораторов я развлекался так. Представлял себе оратора на той же трибуне, но в 1937 году... Что и как он мог в то время сказать... И прозрения не всегда были утешительными.

Но главное не это. Главное то, что сейчас единственное средство борьбы за «чистоту» органов госбезопасности — это резкое повышение профессионализма, компетентности, безоговорочное подчинение закону всех сотрудников этой организации снизу доверху. И очень важно всем сотрудникам органов государственной безопасности осознать, что сказать окончательно «нет» прошлому они должны. И желательно — вслух.

Я. КАРПОВИЧ,
полковник в отставке
Москва.

Фото Дмитрия ДЕБАБОВА

Солдат Я. Карпович. Отпуск после ранения.

Служебный кабинет: операция завершена.

Листовка времен хрущевской «оттепели».

Одна из первых разрешенных выставок художников-авангардистов на ВДНХА,1975 г.

Оперативная съемка: «диссидент» Петр Якир (справа).

Священник о. Дмитрий Дудко. Вынужденное телевизионное покаяние еще впереди.

СЛЕДЫ НА ЛУНЕ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Ярослав ГОЛОВАНОВ

ЛЮДИ ПРИЛЕТЕЛИ НА ЛУНУ. СБЫЛАСЬ МЕЧТА ОЧЕНЬ ДЕРЗКАЯ И ОЧЕНЬ ДРЕВНЯЯ.

Греческий софист и сатирик Лукиан Самосатский в 160 году нашей эры написал книгу «Истинные истории». Он начал так: «Я пишу о том, чего я никогда не видел, не испытал и не узнал от другого, о том, чего нет и не могло быть на свете, и потому мои читатели ни в коем случае не должны верить мне». Он, как говорится, честно признался, но зов его мечты был слишком силен, чтобы он мог не написать своих «Историй». Лукиан отправил на Луну своего героя Икаромениппа, немец Иоганн Кеплер в своем «Сне» описывал лунные горы, француз Сирано де Бержерак написал роман «Иной свет, или Государства и империи Луны». Много веков ученые мечтали, как поэты, а поэты, как ученые, изыскивали способы достичь Луны.

«Одни горы и горы, страшные, высокие горы, вершины которых, однако, не блестят от снега. Нигде ни одной снежинки! Вон долины, равнины, плоскогорья... Сколько там навалено камней... Черные и белые, большие и малые, но все острые, блестящие, не закругленные, не смягченные волной, которой никогда здесь не было, которая не играла ими с веселым шумом, не трудилась над ними!». Это Циолковский,— наверное, самый удивительный сплав ученого и поэта. Повесть «На Луне» он издал в 1893 году. В Житомире еще не родился мальчик — Сережка Королев, которому суждено было нарушить миллиарднолетний покой Луны.

Да, в 1959 году, когда его «Луна-2» принесла к подножию кратеров Аристилл, Архимед и Автолик пятиугольники наших вымпелов, бледный диск все еще продолжал вдохновлять поэтов, но люди уже знали, что Луна другая, что Луна достижима, что для них преодолима гигантская космическая дорога.

В XIX веке в Англии жил великий астроном Джон Гершель. Когда он умирал и священник спросил его, что было бы для него самым большим утешением и каково его последнее желание, старик горько улыбнулся и сказал очень серьезно:

— Самым большим удовольствием для меня было бы увидеть обратную сторону Луны...

Вы представляете, как же ему, отдавшему небу всю жизнь, хотелось ее увидеть!

Мы увидели ее в 1959 году, когда «Луна-3» сфотографировала лунный затылок, и, воскресив право предков-первопроходцев, мы окрестили вновь открытые моря и горы именами замечательных сыновей Земли: русского — Ломоносов, француза — Жолио-Кюри, американца — Вуд, венгра — Больяй, чеха — Мендель, югослава — Мохоровичич, шведа — Нобель, англичанина — Рамзай, голландца — Спиноза. К их памятникам на Земле прибавились новые — неземные памятники.

— Полеты к Луне стали возможными в результате общих усилий всего человечества,— говорил астронавт Фрэнк Борман.— Большую роль сыграли результаты, достигнутые русскими. Я имею в виду труды Циолковского и других советских ученых, запуск первого советского спутника Земли, первый полет в космос Гагарина, первый выход советского космонавта Леонова в открытый космос и другие свершения...

Общие усилия — это американские «Лунар-Орбитеры» и советские «Зонды», трудяга «Сервейер-3» со своим механическим ковшиком и ясноглазая «Луна-9», показавшая людям нашей планеты первую панораму Луны. Помню, справа лежал камень, эдакий большой булыжник, совсем рядом лежал — протяни только руку, и не верилось тогда, что это лунный камень. А лунные спутники наматывали невидимый клубок траекторий, и садились автоматы — пробовали, щупали, осматривали, прикидывали, и недоверчивый доктор Бэрри отбирал крепких парней в экипажи «Аполлона», и парни эти не знали еще, кому же из них придется поставить ногу на лунный булыжник, который был так близко — руку протяни — и так невероятно далеко.

Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин сели на Луну 20 июля 1969 года. Первые секунды они слушали лунную тишину. Потом Нейл сказал глухим, хрипловатым от волнения голосом:

— Алло, Хьюстон! Говорит Море Спокойствия. «Орел» сел.

Сквозь треск электрических зарядов он услышал в ответ далекий голос:

— Вы заставили нас всех позеленеть от волнения! Теперь мы перевели дух. Тут у всех улыбки на лицах...

— На Луне тоже две улыбки,— перебил Нейл.

— Не забудьте еще одну в космосе,— добавил Майкл Коллинз с лунной орбиты.

В Центре управления все просто обалдели от радости, вскакивали из-за пультов, кричали, обнимались, размахивали флажками, возбужденно обсуждали полет на Марс, будто этот полет планировался на будущую пятницу. На табло появилась эмблема «Аполлона-11» и засветились слова: «Задание выполнено!». Эндрю Сиа, один из инженеров Центра, воскликнул:

— Это настоящее приключение! Такое бывает раз в жизни! Это все равно что быть в команде Колумба!

Потом Нейл и Баз рассказали о спуске, о кратере и валунах,— теперь было время все объяснить. Они перелетели через кратер и сели в 6,4 километра от расчетной точки. Кабина стоит прямо, наклон не больше 4 градусов. Вокруг видна плоская равнина, много камней и самых разных кратеров, совсем меленьких и побольше, до 15 метров в диаметре. А в километре от них поднимается пологий холм. В общем, все в порядке, сейчас по программе надо пообедать, потом спать...

Пожалуй, он не был поэтом, этот человек, который записал в их программе, что, прибыв на Луну, они должны спать. Они не могли спать, когда за стеклами иллюминатора лежала лунная долина. Да и кто заснул бы на их месте — люди не стали бы людьми и никогда не прилетели бы на Луну, если бы могли спать в такие минуты. Люди просто проспали бы свою историю. И они не спали. У них было мало времени, ведь ресурс химических батарей для очистки воздуха рассчитан всего на 41 час. Это предельный срок.

— Мы отдохнем после прогулки по Луне,— предложил экипаж «Орла».

В Хьюстоне подумали и согласились.

Специалисты хорошо понимали, что наиболее сложный этап позади, что технически выход из кабины на поверхность, хотя и требует большого внимания и, конечно, может таить в себе нечто непредвиденное, все-таки гораздо проще, чем посадка, но они понимали также, что все ждут именно выхода, человека хотят видеть не в кабине, а на Луне. Понимали это и сами астронавты и готовились к выходу с великой тщательностью. Тут нельзя было допустить даже малой небрежности, оступиться, поскользнуться, упасть тем более. Первые шаги заключали в себе большой символический смысл, в конце концов вся эта многомиллиардная затея, весь десятилетний труд потрачены были именно ради этих шагов.

Они помогали друг другу облачаться в свои космические доспехи, это было необходимо: кабина тесная, а скафандры громоздкие. Через пять с лишним

Окончание. Начало см. № 28.

часов после прилунения Армстронг открыл люк и, двигаясь на коленях, протиснулся наружу. Повернувшись лицом к люку, Нейл начал спускаться. Его отделяли от Луны девять ступенек. Олдрин включил наружную телекамеру. Что чувствовал Армстронг? Позднее он говорил, что никаких особенных чувств не было, просто он старался быть предельно осторожным. Он коснулся Луны левой ногой — так купальщик пробует: «Не холодно ли?». Нога не проваливалась. И вот он стоял на Луне. Первый шаг человека отпечатался в черной пыли. Потом физик Роберт Джастроу подсчитает, что бесстрастная природа Луны сохранит этот след в течение миллиона лет. Теперь все ждали: что он скажет?

— Я думал об этом еще до полета,— откровенно говорил Армстронг.— И главным образом потому, что многие придавали этому такое большое значение. Я немного думал об этом и во время полета, действительно немного. И лишь после прилунения я решил, что сказать: «Один небольшой шаг для человека — огромный скачок для человечества»...

Он огляделся. Цвета в этом мире менялись быстро и неожиданно при изменении наклона солнечных лучей. Он сразу заметил, что странный, совсем не похожий на земной, свет Луны меняет известные краски, что светофильтр шлема тут ни при чем. Грунт был зернистый, темный, а иногда казался как бы влажным, слегка липучим, как горячий неутрамбованный асфальт. Камни тоже были как бы скользкими и очень легко сдвигались с места.

Прежде всего надо было научиться ходить «по-лунному». Слабая сила притяжения Луны была приятнее безразличной невесомости. Ноги чуть скользили в мелком, как пудра, но неглубоком слое черной пыли. Смещенный ранцем системы жизнеобеспечения центр тяжести (он стал выше и ближе к спине) заставлял Нейла чуть присесть и наклоняться вперед. Потом специалисты, анализирующие видеозаписи и снимки, назовут его стойку «позой усталой обезьяны». Проще было не ходить даже, а передвигаться вприпрыжку, хотя остановиться сразу было трудно. Со стороны похоже, будто движения засняты замедленной съемкой. Ноги двигались сонно, вяло. Через 20 минут, когда Баз присоединился к Нейлу, они попробовали прыгать. Это было легко и приятно, и Баз даже ухитрился прыгнуть на третью ступеньку лунного трапа.

Олдрин после возвращения подробно описал свои ощущения в этом странном мире «с намеком» на тяжесть: «Луна представляет весьма удобное и очень приятное место для работы. Она обладает многими преимуществами невесомости в том смысле, что на движение там требуется минимальная затрата сил. При ее тяготении в одну шестую земного тяготения получаешь вполне определенное ощущение, что ты находишься «где-то» и обладаешь постоянным, хотя порой и ошибочным чувством направления и силы. Будущим космонавтам я бы рекомендовал уделить первые 15—20 минут пребывания вне кабины только тому, чтобы выработать для себя способ передвижения по лунной поверхности.

Оказывается, в лунных условиях не так-то легко определить свое положение в пространстве. Иными словами, трудно понять, когда ты наклоняешься вперед, а когда назад и насколько сильно. Это, а также поле зрения, ограниченное шлемом, приводило к тому, что предметы на местности, казалось, меняли свою кривизну в зависимости от того, откуда на них смотришь и как стоишь...

За все время работы ни Нейл, ни я не испытывали усталости: не было желания остановиться и отдохнуть...

Технически самой трудной для меня задачей был забор лунного грунта, поскольку было необходимо заглублять в грунт трубки пробоотборников. Мягкий порошкообразный грунт Луны обладает удивительной сопротивляемостью уже на глубине нескольких дюймов. Это ни в коем случае не означает, что он приобретает твердость каменной породы, однако на глубине 5—6 дюймов начинаешь ощущать его постепенное противодействие. Еще одно удивительное явление состоит в том, что при всей своей сопротивляемости этот грунт был настолько рыхлым, что не удерживал трубку в вертикальном положении. Я с трудом погружал трубку в грунт, и все же она продолжала качаться из стороны в сторону...»

Америка ликовала, пела, плясала, гремела оркестрами. Конечно, находились и скептики. Один завсегдатай таверны в Медисоне заявил, что все это величайший обман человечества, а парни эти самые живут, как он точно знает, в Неваде и никогда не отрывались от Земли дальше чем на 30 футов. Хозяин другого ресторанчика взглянул на экран телевизора и вздохнул:

— Это один из голливудских трюков...

Но скептики были такой редкостью, что о них даже писали в газетах.

Миллиарды людей следили за работой Армстронга и Олдрина на Луне. Прямую трансляцию, насколько я знаю, не вели только Советский Союз и Китай. Потом показали короткие фрагменты высадки экипажа «Орла». Я хорошо помню плотные группы журналистов у телеэкранов в редакции «Комсомольской правды». Мы смотрели на двух неуклюжих, похожих на водолазов людей в белых скафандрах и заставляли себя верить: люди ходили по Луне! Как робко двигались они вначале, ну совсем как дети, делающие первые шаги от стула до стола. А потом освоились, осмелели, сделались торопливее, быстрее затопали в своих смешных башмаках, похожих одновременно и на кеды, и на унты, заходили живее, чуть наклонясь вперед и передвигаясь в странном ритме заводных игрушек, и маленькие облачка лунной пыли поднимались у их ног. Хотелось крикнуть им: «Осторожнее, ребята! Не споткнитесь! Представляете, если вдруг один из вас упадет сейчас, ну просто поскользнется, что будет тут у нас, на Земле?! Спокойно, ребята, вы молодцы...»

Восхищение и благодарность — вот те главные чувства, которые испытывали все честные люди Земли в эти минуты.

Укрепив на Луне флаг своей страны, они поставили рядом и флаг ООН, и маленькие флажки 136 государств мира, подчеркивая таким образом международный, а точнее — всемирный дух своей миссии. На памятном вымпеле, оставленном на Луне, были начертаны слова:

«Здесь впервые ступила нога человека с планеты Земля в июле 1969 от Р. Х.

Мы пришли с миром от всего человечества».

Рядом положили золотую оливковую ветвь — символ мира, а чуть поодаль — медали с именами тех, кто отдал свою жизнь делу покорения космоса: Вирджилла Гриссома, Эдварда Уайта, Роджера Чаффи, Владимира Комарова, Юрия Гагарина.

Благородство и такт этих символических актов контрастировали с чисто американским «шоу», автором которого явился президент. Никсон хотел непременно пообедать с экипажем накануне старта, но доктор Чарльз Бэрри с дерзкой непреклонностью не отменил карантина и не разрешил этот чисто рекламный обед. Тогда Никсон объявил день посадки на Луну нерабочим днем и решил, что он непременно поговорит с «Луной» по телефону с одновременной телепередачей. Газета «Нью-Йорк таймс» довольно прозрачно намекала, что из трех последних американских президентов Никсон менее других причастен к победе «Аполлона». «На этом фоне попытка разделить славу с тремя мужественными людьми, составляющими экипаж «Аполлона-11», когда они достигнут Луны, кажется нам весьма неподобающей,— писала газета в редакционной статье.— Помимо возражений с точки зрения дурного вкуса, есть и еще одно, более серьезное возражение против этого предложения. Время, которое выделило НАСА для действий космонавтов на Луне, является чрезвычайно ограниченным, менее 2,5 часа — и оно уже настолько заполнено различными задачами, что полный график научной деятельности, возможно, выполнить не удастся. Президент еще больше сократил бы это чрезвычайно ценное время своим ненужным разговором...»

Разговор все-таки состоялся, и, если говорить о содержании, назвать его нужным значит погрешить против истины.

Но выполнить намеченные эксперименты он не помешал. Надо сказать, отнюдь не в укор НАСА, что научная программа «Аполлона-11» была минимальной. Первоначально предполагалось захватить с собой блок приборов для проведения восьми научных экспериментов. За этот блок компания «Бендикс аэроспейс системс» получила от НАСА 51 миллион долларов. Но потом блок решили оставить на Земле. Главным научным итогом экспедиции было: человек может жить и работать на Луне. Кроме того, требовалось доставить образцы лунных камней. Армстронгу надлежало буквально в первые же минуты пребывания на Луне собрать «аварийные» образцы, то есть минимальную коллекцию, которую все-таки доставили бы на Землю, даже если бы не состоялся выход Олдрина и почему-либо потребовалось бы срочно покинуть Луну. Об этом Нейлу сразу напомнил Хьюстон, едва он сделал несколько шагов рядом с «Орлом». Камни — это было уже нечто вещественное, то, о чем можно не только рассказывать, но и показать, «дать пощупать». Камни были нужны обязательно.

Кроме камней, надо было добыть образцы грунта, установить сейсмограф, счетчик фотонов и лазерный отражатель, с помощью которого можно было бы измерить расстояние между Землей и Луной с очень большой точностью.

Все эти задания, в общем довольно нехитрые, экипаж «Орла» выполнил точно. Было собрано 22 килограмма образцов лунных пород. Установленный сейсмограф зафиксировал даже их шаги по Луне и старт «Орла» из Моря Спокойствия, а уже после отлета — некие толчки, в происхождении которых (метеориты или вулканизм) тогда разобраться не удалось. Ученым в обсерватории Макдональда в Техасе удалось получить отраженный луч лазера и установить, что от Луны до Земли 373.787.265 ± 4 метра.

«Научные результаты, которые следует ждать от этого завоевания, кажутся скромными,— писала потом парижская «Монд»,— во всяком случае, несоразмеренными с миллиардами долларов, которых оно стоило...».

Но кто тогда мог попрекнуть их научными результатами? Сели! Гуляли по Луне! Дело сделано!

А ведь дело еще не было сделано. И в Хьюстоне понимали: для полного триумфа нужен только счастливый конец.

Герметический контейнер с образцами уже в кабине. Первым, перепрыгивая через ступеньки, в нее поднимается Олдрин. Сидящий в Хьюстоне на связи Уолтер Ширра шутит:

— Баз — первый человек, который покинул Луну!

Через десять минут поднялся Армстронг.

— Вернувшись в кабину и сняв шлемы, мы почувствовали какой-то запах,— рассказывал потом Олдрин.— Вообще запах — это вещь весьма субъективная, но я уловил отчетливый запах лунного грунта, едкий, как запах пороха. Мы занесли в кабину довольно много лунной пыли на скафандрах, башмаках и на конвейере, при помощи которого переправляли ящики и оборудование. Запах ее мы почувствовали сразу...

Они поужинали и легли спать: теперь они уже имели на это право. Через семь часов началась подготовка к отлету. Они решили оставить на Луне все ненужное: теле- и кинокамеры, фотоаппарат, инструменты для отбора грунта, ранцевые системы жизнеобеспечения, чехлы от ботинок и разную прочую мелочь. Они поступали точно так же, как годящиеся им в прадеды герои Жюля Верна, которые тоже стремились облегчить гондолы своих монгольфьеров, чтобы поскорее взмыть вверх...

Увлекшись лунными приключениями, мы совсем забыли третьего члена экспедиции.

— Мне ни разу не удалось разглядеть «Орла» на поверхности Луны, но время от времени я слышал их,— так вспоминает командир основного блока корабля Майкл Коллинз свое пребывание на лунной орбите.— Находясь на Луне, лунная кабина всегда была обращена к какой-то точке Земли, поэтому Нейл и Эд все время могли поддерживать с ней связь. Я же находился на круговой орбите и за 2 часа полного оборота в течение 40 минут не мог ни с кем поговорить. Когда я попадал в поле видимости Земли, устанавливалась связь с Центром. Лунную кабину я все-таки не видел, поскольку она находилась за линией горизонта. За те 1 час и 15 минут, которые я находился на видимой стороне Луны, я мог поддерживать связь с внешним миром, с лунной кабиной мог говорить непосредственно лишь в течение 6—7 минут.

У меня было относительно много времени для того, чтобы поразмыслить обо всем понемногу. Я думал, конечно, о семье, но, кроме того, размышлял о Земле и о том, как прекрасно на ней жить и какой величественной она выглядит из космоса. Как приятно, думал я, увидеть ее голубую воду вместо безжизненного, пустынного мира, вокруг которого ты вращаешься. Понимаете, есть планеты и планеты. Пока я видел только две из них, но сравнивать их совершенно невозможно. Луна — удивительная планета, и для геологов она — настоящее сокровище. Но Землю я не променяю ни на что на свете...

Для меня самым приятным было видеть, как «Орел» поднимается с Луны. Это привело меня в сильное возбуждение, так как впервые стало ясно, что мои товарищи справились с задачей. Они сели на Луну и снова взлетели. То был прекрасный лунный день, если только можно говорить о лунных днях. Луна не казалась зловещей и мрачной, какой она иногда выглядит, если освещена Солнцем под очень острым углом. Радостно было видеть лунную кабину, которая становилась все больше и больше, сверкала все ярче и ярче и приближалась к точно заданному месту. Остались позади самые сложные этапы сближения, теперь надо было лишь осуществить стыковку и приземлиться. Электронно-вычислительная машина, разумеется, «докладывала», что все идет хорошо, но ее сообщения имели довольно отвлеченный характер. Разве сравнишь их с возможностью самому смотреть в иллюминатор и убеждаться в том, что «Орел» в самом деле надежно состыковался с кораблем.

Процесс стыковки начинается с того, что два аппарата соприкасаются и щуп входит в специальный якорь. Вместе их удерживают три миниатюрные защелки, и впечатление создается такое, будто два аппарата, один весом в 30 000 фунтов, а второй 5000 (это примерно 12,6 и 2,3 тонны.— **Я. Г.**), соединены бумажными скрепками. Соединение довольно непрочное. Чтобы сделать стыковку более жесткой, пускаешь в ход небольшой газовый баллон,

который приводит в действие механизм, буквально присасывающий один аппарат к другому. В этот момент срабатывают двенадцать механических запоров, аппараты прочно сцепляются.

Как только я пустил в ход газовый баллон, аппарат стал совершать ненормальные, рыскающие движения. В течение 8—10 тревожных секунд я опасался, что в такой ситуации стыковка не состоится и придется освободиться от лунной кабины и произвести стыковку заново.

Как бы то ни было, я немедленно приступил к делу, а Нейл сделал то же самое в «Орле», и совместными усилиями нам удалось выровнять положения аппаратов. Все это время действовала автоматическая стыковка, и вскоре мы услышали громкий щелчок — значит, сработали двенадцать больших запоров. Слава богу, мы жестко состыковались. Первым делом предстояло освободить тоннель, сняв для этого люк и убрав стыковочный якорь. Потом я «поплыл» по тоннелю, чтобы встретить их. Вот они оба, я вижу их блестящие глаза. Самое ужасное то, что я не могу вспомнить, кто из них первым вернулся со мной в «Колумбию». Я встретил их обоих в тоннеле, мы пожали друг другу руки, крепко пожали, и все. Я был рад видеть их, и они не меньше моего были рады возвращению. Они передали мне ящики с породой, с которыми я обращался так, будто они были битком набиты драгоценностями. Впрочем, так оно и было на самом деле...

(По некоторым подсчетам, стоимость одного килограмма лунного грунта, добытого в этой экспедиции, составляла 10 миллионов долларов за килограмм, или 3600 долларов за карат, что позволяет причислить эти камни к драгоценностям.)

Наверное, не без грусти отстыковали они «Орла», который сослужил им такую верную службу, и «налегке» полетели к Земле. На обратном пути было несколько телепередач с борта корабля.

— Где бы ни путешествовать, а хорошо возвращаться домой, — сказал Нейл с улыбкой. А Майкл добавил: — Этот наш полет мог показаться простым и легким. Я хочу вас уверить, что это совсем не так...

Но вот позади последняя передача с борта «Аполлона-11», 24 июля восьмисуточное путешествие было закончено в водах Тихого океана, неподалеку от Гавайских островов. Команда спасателей, сброшенная с вертолетов к плавающему космическому кораблю, подвела под него надувной плот и передала астронавтам специальные скафандры, которые изолировали их от внешнего мира, а вместе с ними — тех возможных микробов, которых они могли привезти с Луны. Карантин ждал теперь и «Колумбию», тщательно обмытую дезинфицирующим раствором. На авианосце «Хорнет» — они поднялись на палубу через час после приводнения — уже стоял специальный герметичный фургон, куда их и поместили. Через окошко фургона их могли приветствовать президент Никсон и моряки. Телефон позволял услышать голоса близких. Из Пирл-Харбора все в том же фургоне они полетели в Хьюстон, где в здании № 37 Центра пилотируемых полетов была оборудована специальная лаборатория. Там карантинный плен с ними разделили еще 15 человек: геохимики, микробиологи, фотографы, лаборанты, повара.

Астронавты были еще на «Хорнете», когда герметические чемоданы с «лунной поклажей» прилетели в Хьюстон. Днем 26 июля техник Джек Уорен (он тоже вошел в историю), облаченный в синий стерильный комбинезон и сверхстерильные перчатки, начал распаковывать первую космическую посылку. Контейнер освободили от трех слоев герметичной пластиковой упаковки, погрузили в ванну с кислотой, довели вакуум в камере, где он стоял, до лунных пределов (Уорен работал с помощью резиновых рукавов, находясь снаружи), прокололи контейнер шприцем, чтобы убедиться, что в нем нет никаких газов, и лишь после всех этих антимикробных манипуляций Джек осторожно отпер три замка и медленно поднял крышку.

За каждым движением техника, прижав носы к стеклу иллюминаторов, наблюдали четыре специально приставленных к камням человека: геологи Робин Брэд и Эдвард Час, минералог Клиффорд Рондел и Элбер Кинг, «консерватор», как все звали его тут, исполняющий функции «лорда — хранителя камней». Уорен достал каротажные трубки, счетчик фотонов, а потом распаковал камни.

— Началась эпоха инопланетной геологии! — патетически воскликнул Брэд, увидев в резиновых руках Уорена пыльные черные, очень невзрачные с виду, куски лунной породы.

На что они похожи? Мне приходилось рассматривать эти камни на Всемирной выставке в Осаке в 1970 году, а потом в Хьюстоне, и, мне кажется, более всего они похожи на комья застывшего асфальта, слегка припорошенного дорожной пылью. Даже самый любопытный человек поленился бы нагибаться здесь, на Земле, чтобы поднять такой камень. Ничего примечательного, за исключением того, что это лунные камни.

Через 18 дней карантин окончился. Теперь экипаж «Аполлона-11» ждали дороги славы: торжественные встречи в Нью-Йорке, Чикаго, Хьюстоне, чествование на вашингтонском Капитолийском холме, парады, обеды, череда нескончаемых приемов и пресс-конференций, 38-дневная поездка по 22 странам мира. И воспоминания. На всю жизнь.

Дальнейшие судьбы астронавтов сложились по-разному. Они не участвовали больше в космических полетах и вскоре ушли из НАСА. Они поселились в разных, далеких друг от друга городах страны и, насколько я знаю, не стремятся к встречам.

Майкл Коллинз какое-то время был помощником государственного секретаря США по связи с общественностью. Но потом он нашел себе работу гораздо более интересную для него: возглавил Национальный аэрокосмический музей при Смитсоновском институте.

Коллинз написал о своем полете к Луне книгу с красивым названием — «Неся огонь». Есть в ней такие слова: «Я, конечно, не надеюсь, что мне в жизни снова придется совершить что-либо, столь же потрясающее, как передача другим огня космических полетов. Но я надеюсь, что мне еще предстоит узнать много интересного, и это позволит мне отдавать свою энергию планам на будущее, а не предаваться воспоминаниям о прошлом...».

В одном интервью Коллинз говорил, что, может быть, это даже хорошо, что он кружил вокруг Луны, а не сел на нее, потому что груз славы и человеческого внимания — очень тяжелый груз. А когда его спросили, еще до полета, легко ли будет жить ему, человеку, который войдет в историю, он ответил:

— В историю войдут Армстронг и Олдрин, а я буду похож на того человека, который вторым, после Линдберга, перелетел через Атлантику.

О своем товарище по экипажу — Базе Олдрине Коллинз пишет в своей книге с болью и грустью: «Все внезапно кончилось. Баз был отброшен от «Аполлона», как рыба-лоцман от акулы, и начал судорожно плавать в поисках чего-то другого, такого же быстрого и опасного, к чему он мог бы пристать...»

Олдрин не нашел этой новой пристани. Это видно из его книги. Он тоже написал книгу и назвал ее «Возвращение на Землю». В книге этой действительно больше написано не о космосе и Луне, а о Земле. «Возвращение на Землю» — исповедь горькая, но откровенная. Есть там такие строчки: «Нас преподносили как идеальных, настоящих американцев. Против настоящих не возражаю. Но идеальные... У нас, как у всех, были свои проблемы. Давила необходимость выделиться. Давили передряги внутренней политики и соперничества. Вражда в космической программе была точно такой же, как и везде...

Мы стали какими-то рекламными персонажами, парнями, которые должны посещать те или иные собрания и банкеты. Мы стали людьми, рекламирующими космическую программу, мы перестали быть космонавтами в техническом смысле слова, когда закончили послеполетный карантин».

Люди, знавшие его давно, говорили:

— Его жизнь — блестящий пример «распавшегося американского героя», который не сумел вернуться целиком из космоса...

Он и сам пишет об этом в книге:

«Я побывал на Луне. Что мне делать дальше? Без цели я был, как пингпонговый шарик, который скачет по прихоти и воле других. Я глубоко переживал то, что поэты называют «меланхолией вещей свершенных»...».

Знаменитая рекламная поездка по миру произвела на База тягостное впечатление: «Однажды ночью в отеле Жоан (жена Олдрина) серьезно спросила меня: «Я знаю, в каком мы городе, но как называется эта страна?..»

Длительный карантин после возвращения с Луны был раем по сравнению с тем, что происходило теперь... В тот день, когда я должен был обратиться к Конгрессу, я находился в состоянии оцепенения. Я предпочел бы снова лететь к Луне, чем исполнять роль знаменитости. Единственные микрофоны, которые мне нравятся,— это микрофоны в кабинах самолетов или космических кораблей. Я бормотал штампованные фразы. Мне было не по себе. Но я обязан был улыбаться и выглядеть таким, каким меня хотели видеть...

Я заметил, что действую не на своем обычном уровне. Ранее я всегда знал, что мне делать, а теперь стал нуждаться в том, чтобы мне указывали и говорили, как поступить. А жизнь свое требовала. Слишком велика была конкуренция, чтобы позволить себе отстать. Я почувствовал, что болен. Всякого рода успокоительные пилюли, на которых я пытался жить, не помогали, и я обратился к врачам и к своему командиру. Я сказал, что нуждаюсь в психиатрической помощи»!

О болезни Олдрина в Америке много писали: кто объяснял его недомогание усталостью, кто говорил о том, что мозг его иссушила и сверлила мысль, что первые шаги по Луне сделал штатский человек, а не он, потомственный военный, полковник США. После полета ему не присвоили генеральского звания, и это его тоже обидело.

Наверное, все эти предположения справедливы в какой-то мере. Но, может быть, стоит прислушаться к его собственным словам и поверить самому Базу: устал от бестактности, измучен всей этой бездушной, наглой помпой, задавлен огромным рекламным щитом, на котором многоцветно и радостно улыбался миру он — Баз Олдрин — командир «Орла».

Здоровье его поправилось, но из авиации пришлось уйти. Некоторое время рекламировал по телевидению автомобили «Фольксваген», был президентом трех небольших фирм. Журналистов не любит, и они оставили его в покое в конце концов...

Единственный член этого экипажа, кто не стал писать книг,— Нейл Армстронг. Президент Никсон назначил его председателем Национального консультативного совета «корпуса мира». Нейл понимал, что назначение это должно послужить рекламой «корпусу», а превращаться в рекламный плакат ему не хотелось. Он упорно желал

Экипаж «Аполлона-11» — пленники карантинного фургона.

занимать такое место, которым он не был бы обязан «Аполлону-11». Через некоторое время Армстронг вернулся на родину, в штат Огайо, и стал профессором астронавтики в университете города Цинциннати.

Еще до полета один журналист задал Нейлу такой вопрос: «Что вы будете испытывать, когда поставите ногу на Луну?» Он подумал и сказал без рисовки:

— Я искренне надеюсь, что публика понимает, что речь идет о работе коллектива, а выбор того, кто поставит ногу на Луне, достаточно случаен. Получилось так, что выбор пал на меня, но он мог пасть и на другого человека...

Он вернулся с Луны и не изменил взглядов, высказанных прежде. С ровным упорством избегает он встреч с прессой и живет довольно замкнуто в кругу своей семьи на ферме в 40 километрах от города. В свободные дни он любит уезжать куда-нибудь подальше, плавать, ловить рыбу, слушать хорошую музыку. О себе он говорит: «Просто хочу быть университетским профессором и заниматься научной работой». Все официальные письма и бумаги так и подписывает: «Профессор Армстронг».

Коллинз пишет о своем командире: «Нейл живет в замке, окруженном рвом с драконами. По желанию, он спускает подъемный мост и делает вылазки,— что, впрочем, случается редко. И также по желанию, что для него очень важно, Нейл с достоинством возвращается в свое убежище и целиком посвящает себя лекциям по аэродинамике и летным испытаниям, в чем он большой знаток. Нейл знает свое дело и прекрасно справляется с работой».

Множество раз Армстронга спрашивали: не оставил ли он себе на память маленький лунный камень? Он пожимает плечами и говорит, что это ему и в голову не могло прийти.

В 1975 году в Хьюстоне я беседовал с одним американским журналистом, хорошо знавшим многих астронавтов НАСА, и спросил его, чем он объясняет столь упорное желание Армстронга всячески избегать любых «перегрузок вниманием» (это его собственная формулировка). Мой собеседник дал, как мне кажется, очень интересное объяснение. Я не ручаюсь за точность слов, но суть вот в чем:

— Армстронг понимает, что пожизненное звание — «первый человек на Луне» — всегда будет привлекать к нему внимание публики, а прессы особенно. И всякий раз от него ждут чего-то чрезвычайного, ну, разумеется, несоизмеримого с июлем 1969 года, но хотя бы достойного его подвига. Он понимает, что неизбежно будет только разочаровывать, поскольку сделать большего, чем он сделал, он никогда не сможет. Он понимает, что он не великий человек, не гений и не хочет корчить из себя великого, чтобы не быть смешным...

Летом 1970 года Нейл Армстронг был гостем Советского Союза. Он участвовал в работе научного конгресса по проблемам космонавтики в Ленинграде, был принят в Москве президентом Академии наук, встречался с советскими космонавтами в Звездном городке.

Полет «Аполлона-11» окончился уже давно. Жизнь его экипажа продолжается. Впрочем, конечно, и у полета этого было очень интересное продолжение. Но в июле 1969 года программа «Аполлон» достигла своего апогея. Сверкающие точки последующих побед лежат уже на кривой, которая тянется вниз. Эти новые экспедиции пополнили запасы лунных камней, увеличили опыт астронавтов и укрепили уверенность инженеров в технике. Но, в принципе, все эти дерзкие и опасные путешествия были уже не нужны. Да иначе и не могло случиться, если целью программы был лишь след на Луне, если это была лишь «программа престижа», как писали в США.

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

Потомок старинного польского рода, Валерий Салатко-Петрище родился в Иркутске в 1913 году. Семилетним ребенком был увезен матерью в Харбин, где жил до 1939 года; очень рано начал писать стихи и печататься — прежде всего в харбинском еженедельнике «Рубеж». Начиная печататься, взял псевдоним Перелешин, который и проставлен на всех его книгах. Первая книга — «В пути» — вышла в Харбине в 1937 году, последняя (пока что), тринадцатая,— «Вдогонку» — в США в 1988 году. Выходили книги и во Франции, и в ФРГ, в Голландии; в 1987 году опубликована прозаическая книга Перелешина «Два полустанка», воспоминания по литературной жизни русских общин в Харбине и Шанхае. С 1953 года поэт живет в Бразилии. Его перу принадлежат также две книги стихотворений на португальском языке, многочисленные переводы — по образованию Перелешин китаист. В зарубежном литературоведении Валерия Перелешина традиционно называют «лучшим русским поэтом Южного полушария...».

Одно из недавних писем в Москву В. Перелешин заканчивает так: «Примирение всегда лучше упорства в ненависти, и в нынешнем случае оно тем легче, что от нас, русских поэтов Зарубежья, никаких подписок, изъявлений, обещаний не требуется. Просто пришла пора позабыть старые распри, давно потерявшие смысл междоусобицы.

У многих из нас, как у меня, жизнь на исходе. Тем радостнее, что, прощаясь с нею, мне будет на кого и на что оглянуться с надеждой».

* * *

За свечой — в тени — Засвечье,
за шестком — в углу — Запечье,
за спиной — ничком — Заплечье,
за рекой — свистком — Заречье,
Заболотье, Задубровье,
Заозерье, Заостровье,
Забайкалье, Заангарье,
Забурунье, Заполярье,
Заамурье, Заонежье,
Заграничье, Зарубежье,
Забездомье, Заизгнанье,
Завеликоокеанье,
Забразилье, Запланетье,
За-двадцатое-столетье.

27.V.1972 г. Рио-де-Жанейро.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АРГОНАВТ

Мне в подарок приносит время
Столько книг, и мыслей, и встреч,
Но еще легковесно бремя
Для моих неуставших плеч.

Я широк, как морское лоно:
Все объемля и все любя,
Все заветы и все знамена,
Целый мир вбираю в себя.

Но, когда бы ведать, что с детства
Я Китаю был обручен,
Что для этого и наследства,
И семьи и дома лишен,—

Я б родился в городе южном —
В Баошане или Чэнду,
В именитом, степенном, дружном,
Многодетном старом роду.

Мне мой дед, бакалавр ученый,
Дал бы имя «Свирель Луны»,
Или строже: «Утес дракона»,
Или тише: «Луч тишины».

Под горячим солнцем смуглея,
Потемнело б мое лицо,
И серебряное на шее
Все рельефней было б кольцо.

И, как рыбки в узких бассейнах
Под шатрами ярких кустов,
Я бы вырос в сетях затейных
Иероглифов и стихов.

Лет пятнадцати, вероятно,
По священной воле отца,
Я б женился на неопрятной,
Но богатой дочке купца.

Так, не зная, что мир мой тесен,
Я старел бы, важен и сыт,
Без раздумчивых русских песен,
От которых сердце горит.

А теперь, словно голос долга,
Голос дома поет во мне,
Если вольное слово «Волга»
По эфирной плывет волне.

Оттого, что при всей нагрузке
Вер, девизов, стягов и правд,
Я — до костного мозга русский
Заблудившийся аргонавт.

19.VI. 1947 г. Шанхай.

ПУТЬ

Когда взойду к заоблачной вершине,
Светило дня опять увижу с гор:
Мне запретил Рабиндранат Тагор
Прервать подъем на первой половине.

В мирских делах звучит упрек пустыни,
В оседлости — кочевничий укор,
В усталости — грядущий приговор,
В телесности — попрание святыни.

Там, наверху, ни братьев, ни врагов,
Ни женских рук, ни хрупких очагов,
А сколько раз я жаловался Богу

На жизнь мою в бессолнечной стране,
На плен земной: за душу-недотрогу
Винил Его. А ночь была во мне.

14.X.1977 г. Рио-де-Жанейро.

* * *

В час последний, догорая,
Все желанья угашу:
Только мира, а не рая,
Умирая, попрошу.

Вечной славы мне не надо,
Но скользнуть бы наяву
В предвечернюю прохладу,
Тишину и синеву.

Пусть восходят в ярком свете
Отдаленные миры,—
Я усну, как дремлют дети,
Утомившись от игры.

9.I.1947 г. Шанхай.

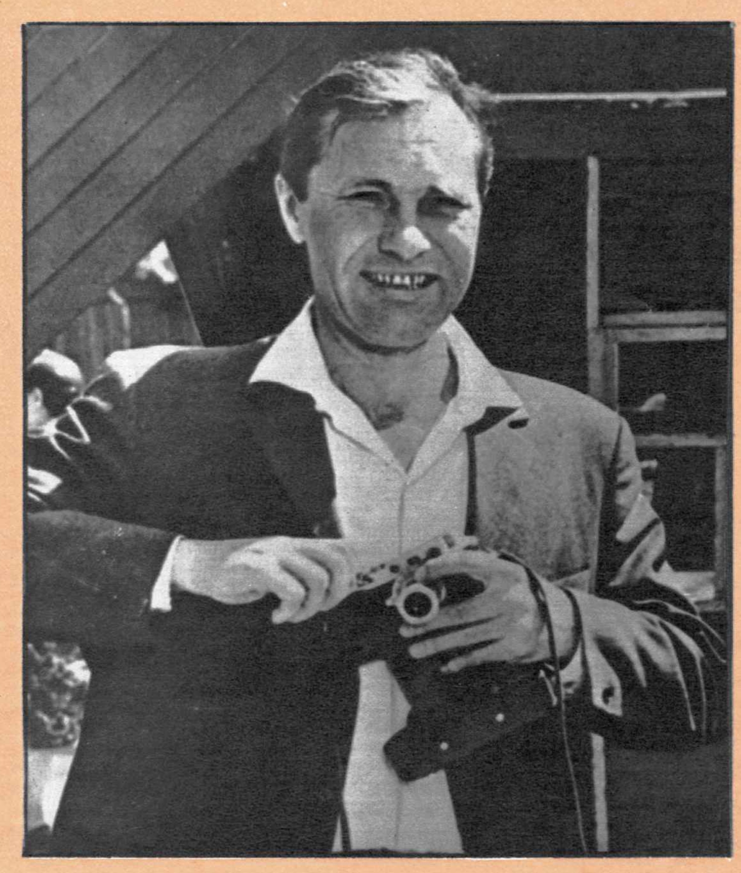

Фото из архива Дома-музея В. М. Шукшина в Сростках.

«Родился 25 июля 1929 года в селе Сростки Бийского района Алтайского края.

Родители — крестьяне. Со времени организации колхозов (1930 год)— колхозники. В 1933 году отец арестован органами ОГПУ. Дальнейшую его судьбу не знаю. В 1956 году он посмертно полностью реабилитирован.

В 1943 году я окончил сельскую семилетку, некоторое время учился в Бийском автотехникуме, бросил. Работал в колхозе, потом, в 1946 году, ушел из деревни...»

В этих скупых строках «Автобиографии» Василия Макаровича Шукшина — судьбы миллионов людей нашей страны. Здесь и трагедия крестьянства, и безотцовщина, и молох сталинского террора, и голод военных лет, и бездомность...

Помотавшись по стране, отслужив на флоте, Шукшин приезжает в Москву и поступает на режиссерское отделение ВГИКа в мастерскую М. И. Ромма. Ничего не дается ему с легкостью — и учеба, и первые шаги в кинематографе, и литературное творчество. «Никогда, ни разу в своей жизни я не позволил себе пожить расслабленно, развалившись...» И это поистине так. До последнего своего дня он трудился с мужицкой основательностью, упрямо гнул свое, и умер, как крестьянин на пашне, надорвав сердце во время работы.

Помню, как всех потрясла тогда, в 1974 году, смерть Шукшина. Вспоминается, что, кроме скорби об ушедшем таланте, о внезапно прервавшейся на полпути жизни, было еще нечто такое, что заставляло, если не всех, то многих, внимательно посмотреть вокруг себя, задуматься о судьбе отечественной культуры, страны, народа.

Предсмертный крик Шукшина: «Что с нами происходит?»— как удар в пожарный рельс, призвал общество проснуться, отрезвить, стряхнуть с себя путы обывательства, фальши, нравственной деградации.

Что-то было жертвенное, предупреждающее, символичное в этой смерти.

И сразу появилась потребность новыми глазами перечитать и пересмотреть то, что было сделано Шукшиным в кино и литературе.

Каждое появление его рассказов в периодике начиная с 1962 года вызывало бурю критических споров. Однако критические схемы, основанные на анализе внешних, чисто драматических конфликтов его вещей, как выяснилось, были слишком шаткие, поскольку содержание его новелл таилось не в бурных фабульных перипетиях, а в характерах и душах персонажей. Пока критики искали в прозе В. Шукшина «положительных» и «отрицательных» героев, сам писатель мыслил о них совсем в иных категориях. Его интересовали люди, полные душевной смутой, с надорванным сердцем, люди, тоскующие по смыслу жизни и слепо его ищущие. Этим героям автор прощал все: и их чудачества, и их бескультурье, и их ветреную, бесшабашную жизнь, и измену своему дому, и даже их нетерпимость и злобу. Единственно, чего он не прощал своим героям,— это душевной пустоты. Шукшин чутко уловил в атмосфере времени главную проблему нашей жизни — без поиска нравственного ориентира дальше двигаться обществу нельзя.

Его «чудики»— эти поистине «герои нашего времени»— были открытием в литературе. В них, в издерганных, мятущихся, беспокойных, растревоженных людях, он видел основу возрождения и преображения нации.

Они встречались ему повсюду, но большей частью — у себя на родине, в Сростках, в Бийске. Сюда он нередко наезжал работать: писать и снимать.

Кто-то заметил, что наиболее часто встречающееся в публицистике Шукшина понятие — это «правда». Сам писатель и его герои-«чудики», как сейсмографы, мгновенно реагировали на фальшь, на каждое проявление лжи. «Я ужаснулся правде,— пишет он в своих черновых заметках,— какая она страшная, объемная».

В. ВИГИЛЯНСКИЙ

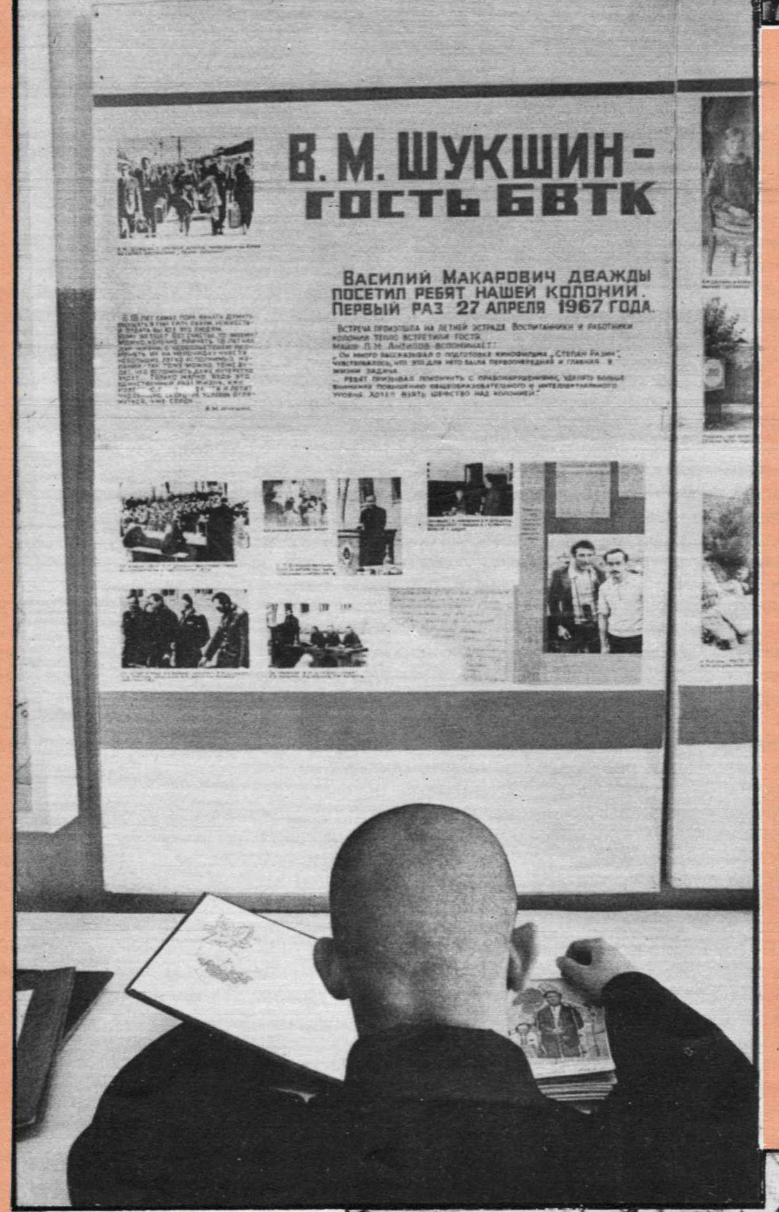
«ЧТО С НА
ПРОИСХОД

МИ
ИТ?»

25 июля этого года Василию Макаровичу Шукшину исполнилось бы 60 лет. Наш фотокорреспондент побывал на родине писателя в г. Бийске и в селе Сростки.

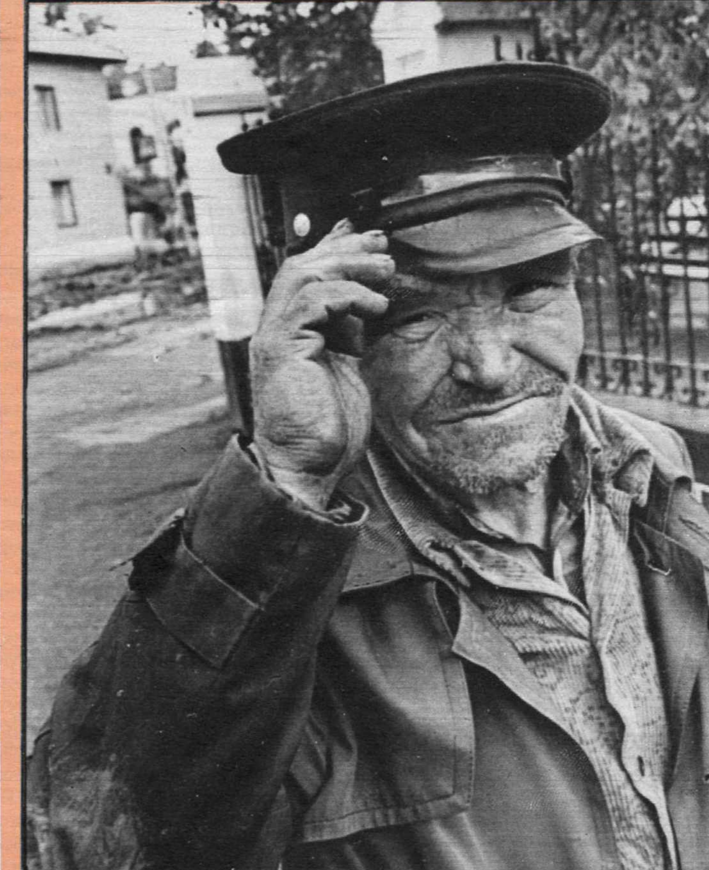

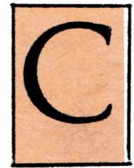
Фото
Марка
ШТЕЙНБОКА

ВЛАДИМИР ЕВГРАФОВИЧ ТАТЛИН

1885—1953

Среди художников русского авангарда 1910—1920-х годов Татлин занимает своеобразное место. Если Малевич был великим пророком, Кандинский — великим проповедником духовного, то Татлина можно назвать великим мастеровым. У него были золотые руки, творившие чудеса, и острый ум изобретателя. В историю мирового искусства он вошел как предтеча и даже родоначальник конструктивизма, как создатель проекта Башни III Интернационала, без которой не обходится ни одна история современного искусства. Но у истоков его движения стояла живопись.

Как и многие другие живописцы 1910-х годов, Татлин обрел свои корни в кружке М. Ларионова, что позволило ему освоить импрессионистическую систему, а затем испытать свои силы в сообществе неопримитивистов. В первом из известных нам живописном произведении — картине «Гвоздика» (1908) — Татлин обобщил опыт своего ученичества (он учился в Пензенском художественном училище), пожал плоды плодотворного влияния своего старшего друга, а вскоре после этого начал собственное, чрезвычайно быстрое, движение. Не прошло и двух лет, как Татлин оказался на передовой линии русского авангарда. Он осваивал опыт сезаннизма, брал уроки у древнерусского искусства, воспринимая основные принципы русского неопримитивизма. Как и другие художники этой группы, он нашел свой круг сюжетов: матросы, рыбаки, продавцы рыбы — все, что связано с морем. Как Ларионов воплощал в своих картинах свой солдатский опыт, так и Татлин — матросский. В молодые годы художник был юнгой и матросом, плавал по далеким морям. У Татлина сквозь обычные приемы примитивистской живописи уже в 1910 году начали пробиваться конструктивистские предзнаменования: он любил закреплять резкие повороты фигур, заставляя контурные линии натягиваться, а всю фигуру в целом пружинить; искал возможность трактовать эти линии как часть большой окружности или овала, иногда ради соблюдения этой формы нарушая естественные контуры фигуры и разрезая ее на части; его интересовали конструктивные возможности человеческого тела. В это же время создавались натюрморты, знаменовавшие интерес художника к сезанновской живописной сосредоточенности и внутренней структурности. Эти разные тенденции в творчестве Татлина в начале 10-х годов сконцентрировались в одной точке, знаменуя рождение «живописного конструктивизма». Выходом на новую позицию были такие произведения художника, как «Матрос» и «Продавец рыб» (оба 1911).

Картина «Матрос», являющаяся автопортретом, позволяет утверждать, что художник, разрушающий старое, во многом остается ему верен. Соприкосновение со старым возникает на самых различных пересечениях. Русская икона дает одно из них. В «Матросе» слышен отзвук житийной иконной композиции: по бокам от главного героя располагаются мелкоформатные изображения, видимо, того же персонажа. Нельзя не обратить внимания на принцип соединения квадрата (формат картины) и круга, образуемого основными линиями композиции. Тяготение к этой гармонии заставляет вспомнить некоторые традиционные иконографические типы.

Другой момент соприкосновения со старыми традициями — обращение к опыту парадного портрета. Татлин прибегает к элементам демонстративности, решительно поворачивая голову матроса, создавая на холсте некое подобие боевой ситуации. Самым главным художественным средством становится для него натянутая линия. Она не просто обводит силуэт фигуры, а словно обозначает «ребра» объема, конструирует его разворот, закрепляя позу и останавливая время. Кратковременное перерастает в длящееся, ибо Татлин доводит до кульминации движение, находя последнюю точку в данной его фазе, и эта исчерпанность движения позволяет художнику высвободить модель из-под власти времени.

Высшей точки живопись Татлина достигает в «Натурщицах», над которыми он работает в течение нескольких лет, завершая цикл картинами Русского музея (около 1913) и Третьяковской галереи (1913). Художник последовательно преодолевает бытовой аспект, реальное состояние модели, все более отвлекаясь от натуры и в конце концов представляя живой организм как некое безусловное и совершенное устройство. Он подвергает пересмотру программу традиционного жанра «ню», который хотя бы в малой мере включает элемент любования женским телом. Этот элемент отсутствует в последней «Натурщице» за счет чистого анализа конструктивной основы реального явления.

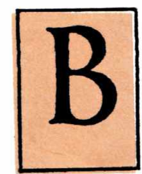
Работами 1913 года заканчивается развитие живописи предреволюционного времени. Татлин переходит к другим задачам, создавая своеобразную скульпто-живопись. Он отказывается от изображения и начинает строить конструкции из различных материалов. Сопоставляя эти материалы, художник выявляет особенности и возможности каждого из них. Нередко он покрывает краской металлические или деревянные поверхности. При этом краска не выступает как цвет, она используется прежде всего ради выразительности фактуры. Предметы, созданные Татлиным, не претендуют на то, чтобы вызывать какие-то эмоции. Они обретают свое значение в том, что существуют, оказываются явлениями реальности. Вместе с тем это предметы, которые не могут заинтересовать практически, поэтому они остаются в сфере эстетического. Можно сказать, что Татлин переживает в это время эстетический этап конструктивизма, из которого он впоследствии выходит ради того, чтобы посвятить свое творчество созданию вещей, полезных для человека и одновременно целесообразных в своей форме.

На рубеже 1910—1920-х годов возник один из самых дерзких архитектурно-художественных замыслов XX века — проект «Башни III Интернационала», созданный Татлиным. Огромное сооружение Башни не могло быть воздвигнуто в те годы хозяйственной разрухи и нищеты. Но тем более величественным рисовалось оно в воображении современников, а для потомков явилось вдохновляющим примером смелой инженерной мысли.

В поздние годы Татлина увлекала еще одна идея — создания летательного аппарата без мотора. В своих воспоминаниях о Татлине, публикуемых ниже, один из известных советских художников, Виктор Борисович Эльконин, рассказывает и об этом эпизоде увлекательной татлинской биографии.

Дмитрий САРАБЬЯНОВ

ВЕЛИКИЙ МАСТЕРОВОЙ

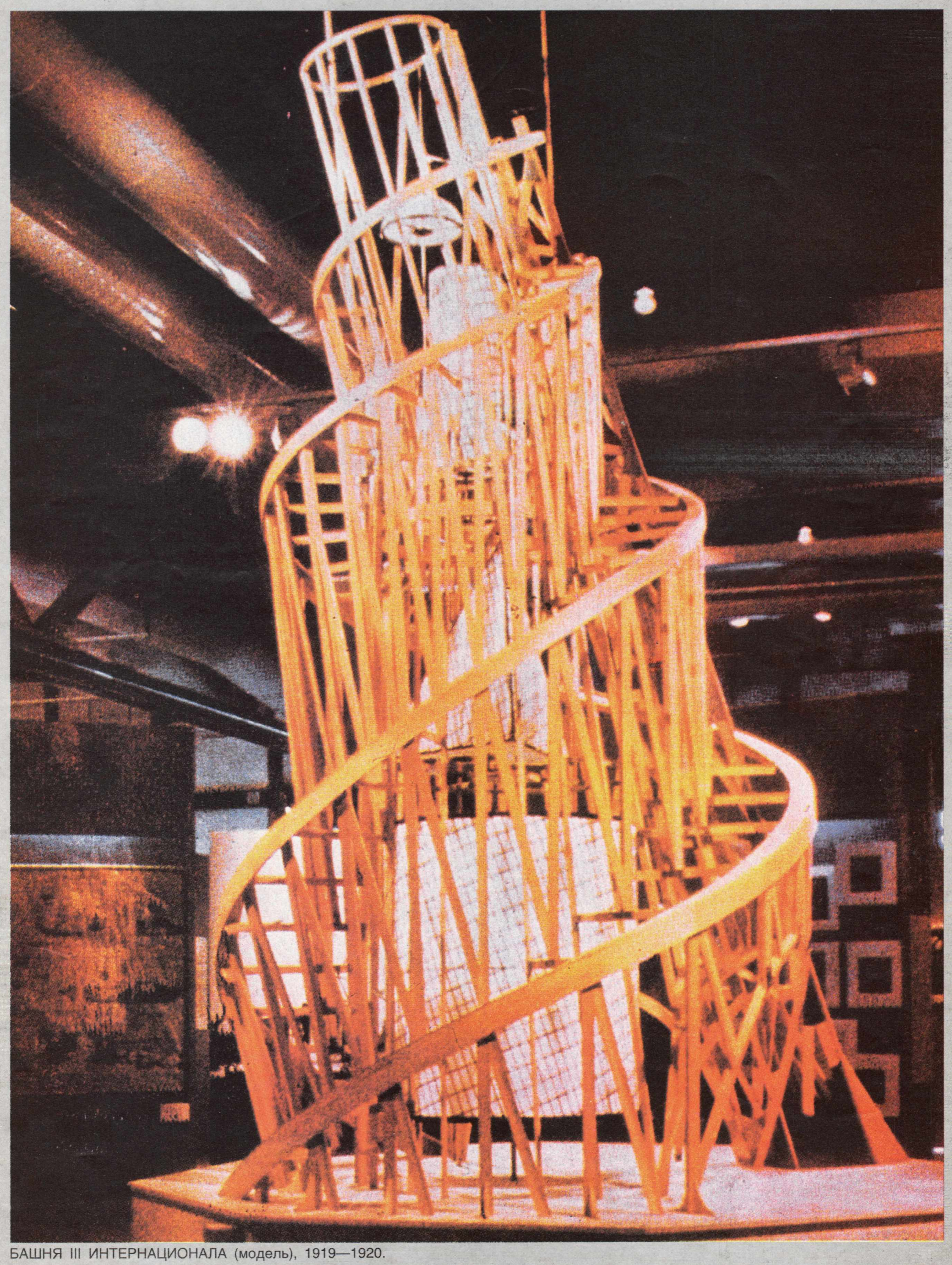
Впервые я встретился с Татлиным в 1928 году, на «вторниках» у художника Льва Александровича Бруни. В пестрой обстановке тех «вторников» он выделялся и внешностью, и поведением, и своей несколько загадочной славой. «Башня III Интернационала» уже была позабыта, в выставках он давно не участвовал. Все наши вхутемасовские учителя и вообще все художники, которых я знал, входили в какое-нибудь художественное общество. Но Татлин ни в одно художественное общество не входил, ни с кем не объединялся. Он был сам по себе.

Хозяин «вторников» — Лев Александрович Бруни был одним из моих учителей. Он был неприлично молод для профессора и не только годами (ему было тогда тридцать четыре года), но и особенно мальчишеской внешностью, которая делала его неотличимым от студента.

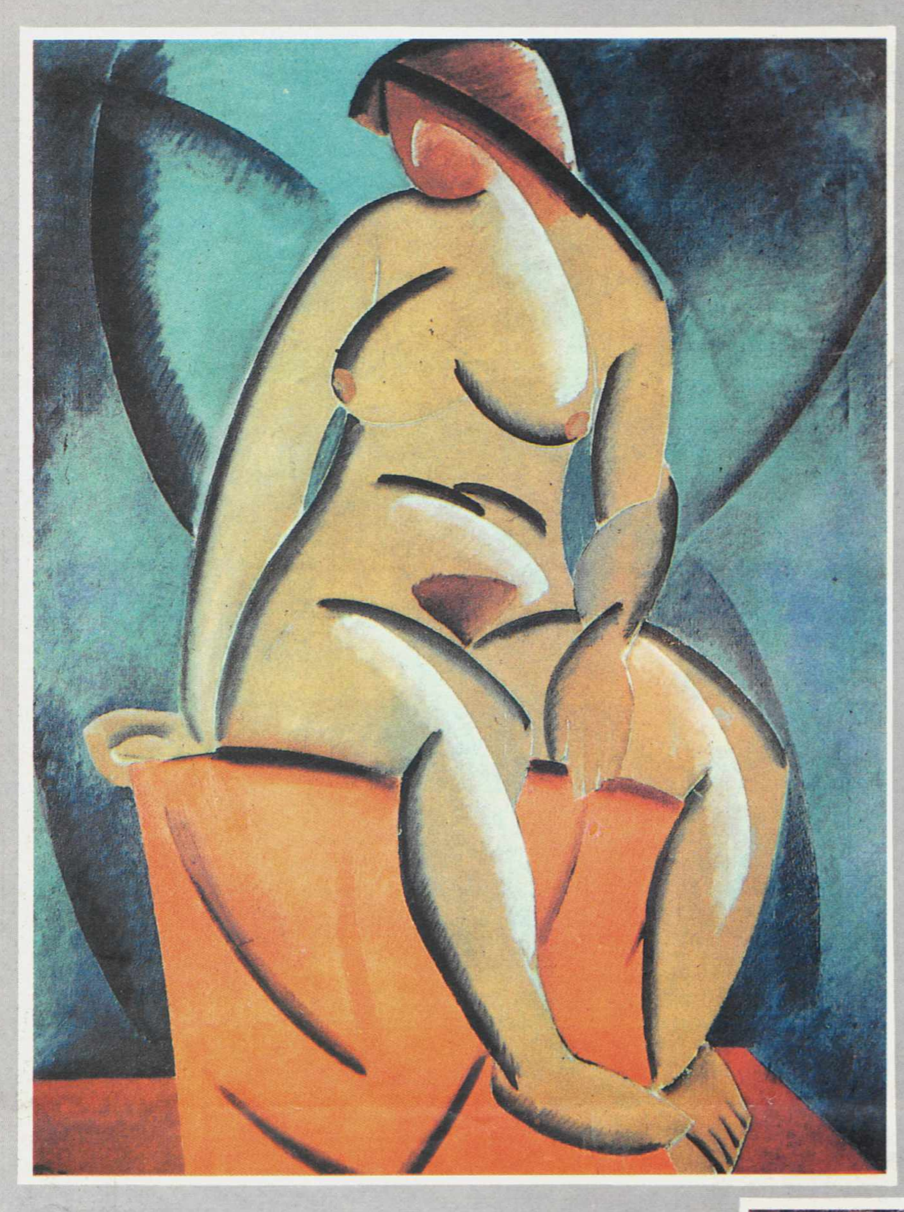
Бруни жил на Мясницкой, 21, в доме баженовской постройки, где до революции размещалось Училище живописи, ваяния и зодчества. Это здание, как и основное на Рождественке, 11, принадлежало ВХУТЕМАСу и ВХУТЕИНу.

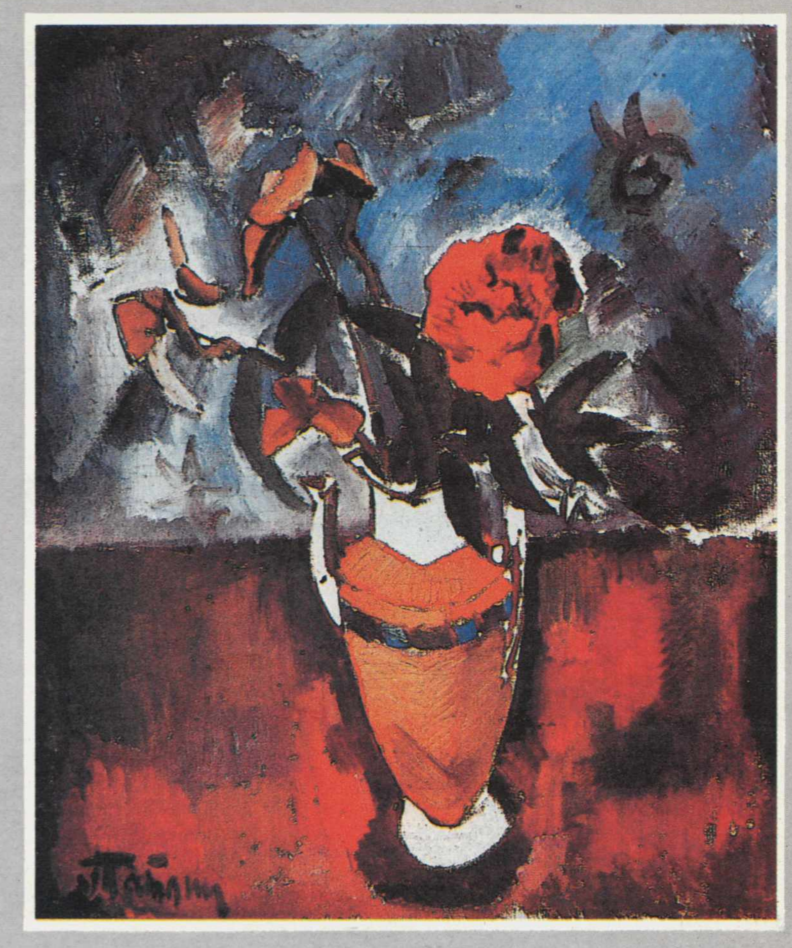
Татлин жил в этом же дворе, на втором этаже небольшого двухэтажного дома. Квартира его была обставлена аскетически. На стене висела только одна картина, его большая «Натурщица» 1913 года, которая сейчас принадлежит Третьяковской галерее. Для того чтобы прийти к Бруни, Татлину нужно было только пересечь двор. Он и делал это почти всякий вторник. А там и правда было хорошо. Общего стола не было, сидели на диване, на стульях, у стен, было два небольших стола. Подавали только чай и тарелочки с хлебом. Когда ставились эти тарелочки, домработница Настя замечала: «Хлеба только!», так что добавки никто не ждал. Разговор велся то в отдельных группах, то становился общим. Было живо, интересно, непринужденно. Вина для общего оживления не требовалось. Бутылка сухого, принесенная кем-либо, только изредка украшала стол.

Татлин был молчалив, ни в какие споры не вступал, оценивал какие-либо явления художественной жизни редко и не в связи с общим разговором, а вроде бы ни с того ни с сего, отвечая ходу собственной мысли. Помню, как он вдруг сказал об интереснейшей личности — художнике Петре Васильевиче Митуриче: «Слушай, а Митурич — самостоятельный мужчина». В татлинском понимании это была очень высокая оценка.

БАШНЯ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА (модель), 1919—1920.

БУКЕТ. 1911—1912.

НАТУРЩИЦА. 1913.

ГВОЗДИКА. 1908.

Держался Татлин подчеркнуто простецки, ко всем, даже малознакомым людям, обращался на «ты». Какой-то был в этом элемент маскировки, и все же всякий непредубежденный человек при более близком знакомстве неизбежно чувствовал его значительность, незаурядность.

У Татлина был глаз на талант. Но похвалу получить от него было делом маловероятным. Сказанное им «ничего» воспринималось как высокая оценка.

И все-таки несмотря на то, что Татлин больше молчал, он был душой общества. Этим он был обязан очень оригинальному музыкальному дарованию: играл на бандуре и пел под свой аккомпанемент. Бандура эта, кажется, находится теперь в Музее музыкальной культуры. Она того заслуживает. Татлин сделал ее своими руками, и бандура эта сама по себе была произведением искусства. Сорта дерева были подобраны не только для прекрасного звучания инструмента, но и с тонким художественным вкусом, все поверхности были обработаны необыкновенно красиво.

Татлин играл потрясающе. Все, кто его слышал, никогда не могли забыть. Он играл и пел. Пел украинские думы, исполняя их артистически, как пели слепцы-бандуристы, и при этом еще как-то так закатывал глаза, что у него почти не видно было зрачков. Я сам в детстве видел и слышал таких слепцов в Полтаве, на Ильинской ярмарке.

После украинских дум он пел духовные стихи, такие, например, как «Гора Афон, гора святая, мне не забыть твоих чудес...», и в заключение обычно — мещанские романсы, из которых наибольший успех имела «Андалузская ночь».

Андалузская ночь горяча, горяча,
В этой ночи и страсть и бессилье,
Так, что даже спадает с крутого плеча
От биения сердца мантилья...

Но пением и игрой на бандуре не исчерпывались радовавшие общество «вторников» таланты Татлина. У него был еще один талант, очень в нашем кругу ценимый: он мастерски читал Хлебникова. Татлин, по-видимому, обладал феноменальной памятью. Он знал наизусть многие поэмы Хлебникова, в том числе большую поэму «Ночной обыск», читал, не глядя в книгу, от первой строки до последней. Тогда Хлебников считался, да и сейчас для большинства остается, поэтом заумным, «поэтом для поэтов». В чтении Татлина Хлебников раскрывался как поэт простой, ясно воспринималась его высочайшая поэтическая культура, при полном отсутствии эстетства и рафинированности.

Внешне Татлин на первый взгляд совсем не был похож на художника, скорее его можно было принять за трудягу мастерового. Он был худ и довольно высок, черты лица крупны и как бы вырублены топором, жидкие волосы гладко причесаны на косой пробор.

ПРОДАВЕЦ РЫБ. 1911.

Какие-то его замечания, которые вроде бы и не были оценочными, в его устах звучали одобрением. Был, например, такой художник Роман Семашкевич, стихийный талант, сейчас забытый, может быть, потому, что был репрессирован и не вернулся. Он написал картину — река и баржа, а на барже стоят два человека, и один у другого прикуривает. Татлин поглядел и сказал: «Смотри, прикуривает!» И это уже значило, что художник стоящий и картина хорошая.

...«Летатлин» делался в башне Новодевичьего монастыря. В эту башню никто не допускался. Татлин вообще любил окружать то, что он делал, некоей загадочностью, тайной.

Наконец «Летатлин» был закончен и выставлен в Итальянском дворике Музея изящных искусств. К стеклянной крыше музея было подвешено два «Летатлина». Один представлял собой скелет летательного аппарата, хитроумно связанную особыми ремнями гармоническую конструкцию из гнутого дерева (металл в «Летатлине» не применялся), а другой — законченный аппарат.

Оба варианта были необыкновенно красивы, ими просто можно было любоваться. И как-то не думалось — может эта машина полететь или не может. Но вообще-то рассчитано все было так, чтобы человек мог летать, управляя ею с помощью своей мускульной энергии. Правда, попытка полетать на «Летатлине» не удалась, но Татлин полагал, что летать надо учиться. Люди учатся ходить, потом плавать, естественно, что и летать...

Татлин не отличался легким характером. Он был подозрителен, ему все время казалось, что у него хотят украсть его замыслы. Говорят, что, когда он еще до революции был в Париже, у Пикассо, он там пел, играл на бандуре, но что он са́м художник — от Пикассо скрыл, считая, что, если Пикассо узнает, самого главного не покажет.

Рассказывали также, что, когда Татлин участвовал в выставках, он свои работы завешивал холстом и снимал этот холст только тогда, когда начинали пускать на выставку публику, полагая, что таким образом идеи его не будут украдены и использованы.

И отношения его с другими художниками были сложными, он часто ссорился даже с близкими людьми. Напряженность в отношениях его с Малевичем — уже факт истории искусств. Помню рассказ Бруни, что в Ленинграде Татлин жил в том же доме, что и Малевич, этажом ниже и как раз под ним, и когда он слыхал над собой шаги Малевича, то подымал многозначительно кверху палец и говорил — «ходит!».

Во ВХУТЕМАСе был такой случай — Татлину пришлось по какому-то делу пойти к декану одного из факультетов. Тот сидел за столом, занимался своими бумагами и не обратил на приход Татлина никакого внимания. Тот подождал пару минут, потом сказал: «Я Татлин, а от тебя отними этот стол, одни кальсоны останутся».

Я встречался с ним в Театре Красной Армии, где он оформлял спектакль «Дело» Сухово-Кобылина.

В это же время я писал здесь театральные гобелены в ренессансном духе для спектакля «Укрощение строптивой»; спектакль оформлял главный художник театра Ниссон Абрамович Шифрин. Татлин както встретил меня на лестнице и в упор, без «здравствуй», сказал: «Слушай, напиши мне розы, а я тебе за керосином схожу» (типично татлинский юмор).

С постановочной частью отношения у него были очень напряженные. Татлин всю постановку делал из дерева, даже первая падуга была из дерева, деревянный «занавес» с подхватами. Дерево оставалось натуральным, Татлин его не красил. Он боролся за правду материала. Ему нужно было, чтобы зритель не был во власти иллюзорных подделок, чтобы он видел, из какого материала что сделано, и у него получалась изобразительная метафора, в данном случае ткань из дерева. В театре это понимания и сочувствия не встречало. Так называемые «театральные люди» не могли понять, зачем нужно делать падугу из дерева, когда проще и дешевле сделать ее из крашеного холста.

Татлин в это время был уже полностью отстранен от всех видов художественной деятельности, и то, что он получил постановку в одном из лучших в то время московских театров, надо полностью отнести за счет гражданского мужества Шифрина, который понимал значение Татлина и хотел его поддержать творчески и материально.

Художественная активность Татлина в эти годы направлена была только на театр. Ходил тогда даже такой анекдот (а может, и вправду это было), как приезжает в Париж какой-то наш деятель, его там спрашивают: «Ну, как там у вас Мейерхольд (а Мейерхольда к тому времени уже забрали), он отвечает: «Мейерхольд в театре сейчас не работает».— «Ну, а Татлин как?» — «А Татлин сейчас в театре работает».

Еще раньше, чем «Дело», Татлин делает во МХАТе-II спектакль «Комик XVII столетия» Островского, тоже в дереве, деревянную Москву XVII века. Спектакля я, к сожалению, не видел — только изумительный макет. Зато видел другую постановку — пьесы Алексея Файко «Капитан Костров» в Театре Революции. Сюжета совершенно не помню, но то, что сделал там Татлин, не забудешь.

Вращающийся круг поворачивался не в плоскости пола, а наклонно к нему, и это создавало необычную пространственную ситуацию,— подобной мне ни до, ни после видеть на сцене не приходилось. Декорация первого акта представляла Волгу. Круг был покрыт листами белой жести. На первом плане стояла на-

МАТРОС. 1911.

ДОСКА № 1. 1916.

стоящая просмоленная черная лодка и на лодке — жердь с привязанной к ней выцветшей красной тряпкой. Лодка с жердью отражались на поверхности жести. И все. Фоном служил дугообразно подвешенный задник, по-театральному «горизонт», на нем ничего не было нарисовано, никаких облаков и вообще никакого неба — просто серая ткань. И такими аскетическими средствами Татлин необыкновенно убедительно создал поэтическую картину русской реки. Простота, ясность и поэтичность.

Неутомимое стремление Татлина к правде материала иногда приводило его к сложным ситуациям. В Камерном театре Татлин, оформляя пьесу о челюскинской эпопее, настоял, чтобы льды для этой постановки были сделаны из стекла. Вероятно, ему очень трудно было этого добиться, но, во всяком случае, замысел его осуществился. «Льдины» привезли со стекольного завода и положили на сцене. Татлин любил оставаться ночью в театре. Он сидел один в зрительном зале, глядя на пустую, освещенную только дежурной лампочкой сцену. И вот, оставшись один в театре, он вдруг услышал звук «дзень», потом еще «дзень», «дзень»... Он бросился на сцену и увидел, что его «льды» распадаются. Не знаю, из-за чего это случилось: то ли температурный режим при изготовлении таких больших блоков стекла, да еще неправильной формы, был не тот, то ли блоки эти, перенесенные с холодной улицы в тепло помещения треснули от неравномерного расширения, во всяком случае, «льды» Татлина превратились в осколки стекла. Татлин рассказывал об этом с мрачноватым юмором...

Он не чуждался публичных выступлений на частых тогда дискуссиях и диспутах. Говорил очень остро, слушали его с большим вниманием, выкриками не перебивали, хотя полемика была бескомпромиссной. Одно из его выступлений я запомнил, может быть, потому, что оно в какой-то мере имело отношение и ко мне.

Горком художников устроил выставку работ молодых художников, чтобы принять лучших из них в Московский Союз художников. На этой выставке проходило сначала широкое общественное обсуждение, после которого ее смотрела официальная комиссия и решала, кто достоин быть принятым в Союз. На общественное обсуждение пришел и Татлин. Шел 1933 год, индустриальная тема в живописи была господствующей. Даже в пейзажном жанре писали в основном фабричные трубы, из которых валил дым. «Дымились» трубы в достаточном количестве и на этой выставке.

На обсуждении нас с Юрой Павильоновым обвинили в полном отсутствии в наших работах индустриальной тематики. На эти обвинения Татлин в своем выступлении сказал: «От этого дыма наша ВКП(б) уже задыхается...» Это было довольно смелое высказывание, но особенно повредить Татлину оно не могло. ВХУТЕМАСа уже не было, мастер нигде не преподавал, никаких постов не занимал.

Его очень беспокоило состояние советского искусства, больше, может быть, чем та атмосфера непризнания и враждебности, которая его окружала.

Последние годы Татлина были очень горькими. Случилось так, что незадолго до его смерти мы с художником Меером Аксельродом встретились с ним около его мастерской на Масловке. Он неожиданно позвал нас к себе, но не в мастерскую, в которую он никого не пускал, а домой. Он жил тут же, в этом же дворе. Мы пошли. Он играл на бандуре, пел, потом стал показывать свои картины. Чувствовалось, что он тяготится одиночеством, покинутостью, что пообщаться с нами ему приятно.

В последние годы Татлин вернулся к живописи. Живопись тех лет не похожа на ту, которой он заявил о себе в молодые годы, ту, что поставила его в первые ряды русских художников. Но поздняя его живопись тоже замечательна. Писал он маслом на досках, покрытых левкасом, подготовка досок была иконная, но живопись никаких стилистических аналогий с древнерусской иконой не имела.

В его картинах ощущалась бережность, даже, можно сказать, ответственность за каждое прикосновение кисти к поверхности, и это было удивительно и даже странно среди художественной безответственности, царившей вокруг него. Я сказал, что мне его живопись очень нравится. Он воскликнул: «Нет, ты что! Ну, ты серьезно? Нет, а тут же все говорят, что это ерунда».

Когда он умер, гражданскую панихиду ему Союз художников не устроил, хотя Татлин был заслуженным деятелем искусств, что в те времена встречалось не часто. На его похоронах было человек восемь. Может быть, я кого-нибудь и забыл, пусть меня извинят, если это так. В крематории у гроба Фаворский (на первый взгляд с Татлиным несовместимый, но на самом деле очень его понимавший и ценивший), сказал: «Татлин любил материал, и материал открывал ему свои тайны».

Виктор ЭЛЬКОНИН

Евгения КУНИНА

Знакомо ли вам чувство: успеть, пока не поздно? Подумайте, Анна Ахматова ушла из жизни в 1966 году — какой можно было фильм снять о ней! Какой могла бы стать передача «Ахматова в концертной студии Останкино»! Впрочем, тогда такой рубрики не было. Но были многие другие. Скажете, невозможно было это сделать в шестидесятых. Никто бы не разрешил? Кто эти «никто»? Знаю одно: захотели бы — сняли. Исхитрились, извертелись бы, как исхитрялись, извертывались для себя.

Если что и осталось, так это голос Ахматовой. Фономастер Лев Алексеевич Шилов вполне официально зафиксировал ахматовское чтение. И не только ее. Работал Шилов в фонотеке Союза писателей СССР. Сидел тихо. Держал его в штате директор Бюро пропаганды Дмитрий Ефимович Ляшкевич, понимая, что впрок работает парень. Думаю, окажись Шилов в неких архивных отделах радио или телевидения того недавнего времени, там он тоже сумел бы невозможное, никого особенно не спрашивая.

С чувством успеть, пока не поздно, готовила я три года назад к изданию рукопись Евгении Куниной, ныне здравствующей нашей девяностолетней современницы, подруги Анастасии Цветаевой. После ряда положительных рецензий эта рукопись была предложена мне для внештатного редактирования. Учитывая преклонный возраст Евгении Филипповны, я быстро подготовила рукопись к печати. Сотрудники издательства «Советский писатель» заверили меня, что рукопись Куниной поставлена в план 1989 года.

Далее, из планов имя Евгении Куниной таинственным образом исчезло.

В планах на 1990 год имени Куниной также не оказалось. Я выступила в ее защиту на последнем заседании правления. Увы...

Вот и решила предложить стихи Евгении Куниной читателям «Огонька». Это строки, по признанию самого автора, звучащие, как письма друзьям, «ни ложью, ни лестью они не отравлены».

Стихи Куниной напоминают мне полевые цветы. Неяркие, но издающие тонкий аромат чистоты и благородства. Ни на что не претендующие, кроме желания затронуть струны другого человеческого сердца. А это ли не самая высокая и честная поэтическая претензия?

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ПОКА НЕ ПОЗДНО

Из цикла «СТАРОСТЬ»

1.

**Дольше всего продержалась душа:
все-то ей чудится — жизнь хороша,
все-то ей люди до боли милы,
все-то ей солнце сияет из мглы.**

**Ум старика — поддается, скрипит,
глохнет, немеет и подолгу спит;
память — лохмотья, изъедена ткань —
первая жалкая возрасту дань.**

**Тело? О теле и не говори —
просит пощады у каждой зари.
Душу-голубку лелею в руках:
пусть ей поется в последних стихах.**

2.

**Старость пришла к девяностому году —
вот и спасибо, что так запоздала!
Нам ведь всегда было времени мало
петь и трудиться в любую погоду.**

**Леность звала себя немоготою,—
слабость звала себя как-то иначе...
Старость подкралась неслышной стопою —
и объяснила мне, что она значит.**

* * *

**Навсегда вживлено в меня детство —
и пугает, и радует очень.
Уживается с ним по соседству
пониманьем живущая осень.**

**И оно, никого не тревожа
и себе позволяя беспечность,
никогда и ни в чем не похоже
на соседку, глядящую в вечность.**

1982

ГРИГ. АЛЬБОМНЫЙ ЛИСТОК

**И пел во мне «Листок альбомный» Грига,
и пел, и слезы сдерживал мои.
Мы расставались. Да, любовь не книга,
не вымысел,— но музыка в крови.**

**Минорная. Отрава поневоле,
по неразумью. Разуму во зло,
она сжимает сердце тою болью,
перед какой бессильно ремесло.**

**Я говорю о ремесле поэта:
искусство декорировать судьбу,
отделывать — и позабыть при этом
страдание, набухшее во лбу.**

**Нет, не всегда нам, горьким, удается
отделкою разделаться в стихах
с отчаяньем, в котором сердце бьется
в последний миг прощанья впопыхах.**

1985

* * *

**Я слишком часто с вами говорю —
(Вы не подозреваете об этом!)
Обычно это связано с рассветом,
с восходом солнца, по календарю.**

**С восходом мысли. Музыкой прибоя
кипящих волн взволнованной крови,
рассветной жаждой — быть вдвоем —
с тобою!
Крылатым ощущением любви.**

**Тогда идут рассказы обо всем:
о самом главном (вам неинтересном),
о море жизни — вам, быть может, пресном,
а мне — соленом, солнечном, своем...**

**Тогда летят, как дымы над огнем,
к вам от меня вопросы — и ответы...
Обычно так бывает пред рассветом —
и никогда
при встрече с вами днем!**

* * *

**Ты глянул таким понимающим взглядом,
как будто мы Богом поставлены рядом,
и Он мне твои доверяет печали,
чтоб я их лечила своими речами.
Да будет дано мне такое наречье,
что болью моею любую излечит.**

БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ

**Угол стекла надбит,
в комнате тусклый свет,
там за столом сидит
самый большой поэт.**

**Мимо его окон,
мимо его забот
тихо плетется конь,
бодро трамвай идет.**

**Не замедляя шаг,
не изменяя путь,
с шапками на ушах
люди бегут.**

**Но умолкает дождь,
делая ветру знак —
здравствуйте, брат и вождь,
Борис Пастернак!**

1928

* * *

**...А может, я еще жива
Вот этими часами: утром —
И перед сном, когда едва,
Подспудно проступает мудрость,
когда, забыв о мелочах,
о том, что «надо» и «не надо»,
не чувствуешь, что уж зачах,
а жизнь уже не стоит взгляда.
Когда свободно, как хотят,
свободные летят мгновенья,
когда не топишь, как котят,
еще слепое вдохновенье.**

ПОСЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В № 4 мы рассказали о результатах экспедиции «Огонька» на острове Голодай. В самом ли деле место тайного погребения пяти повешенных декабристов найдено? Этот вопрос был поставлен в письме группы ленинградских музейных и экскурсионных работников («Ленинградская правда», 26 марта 1989 г.) и в пространной публикации в еженедельнике «Литературная Россия» (№ 16, 21 апреля). Мы услышали и упрек в «псевдосенсации», и даже обвинение в растрате народных «немалых средств». Досталось и ученым: автор российского еженедельника обвинил их в «протекционизме».

Мы получили письмо, подписанное сотрудниками Музея истории Ленинграда М. Вершевской и Г. Урусовой и работниками городского бюро путешествий и экскурсий Л. Бройтман и В. Шубиным. Полностью оно было опубликовано в «Ленинградской правде», но авторы настаивают на его появлении и в «Огоньке»:

«В итоговой публикации А. Чернов, оригинально и весьма своеобразно трактуя рисунки и произведения Пушкина, а также свидетельства очевидцев и современников, утверждает, что им обнаружено место погребения декабристов.

Однако есть основания считать, что данное заявление по крайней мере преждевременно.

Так из акта экспертизы следует, что найдена яма, «выкопанная по крайней мере за несколько десятилетий до засыпки поверхности древнего слоя почвы привозным грунтом». И все. Никаких указаний на 1826 год нет!

В статье приводится заключение судебно-медицинского исследования проб грунта на белок. Но ведь так называемыми «биологическими объектами» могут быть не только люди.

Весьма осторожно говорят эксперты и о мельчайших костных остатках, обнаруженных в «яме». Приведем фразу, странным образом опущенную в публикации: «Определить принадлежность кости к какому-либо виду животного или человеку не представляется возможным».

Вот мнение топографов из НИИ географии, ознакомившихся с планом 1828 года: «Большая часть острова представляет собой болото, часть — луг. Никаких кустарников и деревьев, даже одиночных, на плане не обозначено». Можно ли в таком случае считать, что рисунки Пушкина с изображением крутых склонов, значительных по высоте холмов и высоких деревьев в точности соответствуют, как это полагает автор статьи, реалиям острова Гуноропуло?

Вызывает также сомнение один из главных элементов гипотезы — однозначная расшифровка А. Черновым записи Пушкина как «Гонар», то есть Гоноропуло. (См. прорись, «Огонек», № 4.) К тому же известно, что в документах первой трети XIX века, как и на плане Шуберта, чаще встречается написание Гунаропуло.

Полагаем, что коль скоро гипотеза претендует на то, чтобы считаться научным открытием, необходимо создание комиссии для тщательного и гласного изучения всей проблемы (чего, увы, не было сделано перед публикацией)».

Оставим на совести авторов последнее утверждение: «Огонек» вел свою экспедицию вместе с Музеем истории Ленинграда, и двое из авторов письма не только приняли участие в гласном изучении «всей проблемы», но готовили в Смольном соборе выставку по пушкинским рисункам. И даже водили по ней экскурсии.

Теперь о плане 1828 года. На нем, как следует из описания, кустарник вообще не отмечается. Он есть на планах 1823 и 1865 годов. Зато на территории острова Гоноропуло отмечено несколько одиночных деревьев. Ну а «крутой склон» возвышенности с избушкой рыбаков находится не на самом островке, а за рвом, на Голодае. Можно вести полемику с фактами в руках, можно — вопреки фактам. Авторы письма в «Огонек» выбрали второе.

Итак, слово экспертам, то есть той самой общественной комиссии, создать которую призывали четыре автора письма в «Огонек».

Исследование, проведенное экспедицией журнала «Огонек», заслуживает, по моему мнению, глубокого уважения. Приведено в известность, рассмотрено по степени достоверности и сопоставлено большое число свидетельств современников. Разъяснено немало кажущихся противоречий в этих данных, выяснены явные недоразумения.

Наиболее определенные косвенные свидетельства, взятые в совокупности, с большой степенью вероятности очерчивают границы возможной территории. Очень важно, что именно на эти места указывают также декабристы и Пушкин. Все декабристы, чьи рассказы о захоронении казненных дошли до нас, находились в тот день в Петропавловской крепости и могли иметь самые близкие к фактам сведения от солдат, служивших при крепости, и даже (это не исключено) от своего духовника П. Н. Мысловского. Осведомленность последнего не вызывает сомнений: именно с ним был тесно связан Ф. Миллер, точно знавший, где могила.

Выявление изображений «уединенного острова» в тетрадях поэта, их атрибуция и точная привязка к местности дали возможность указать совершенно определенное место, где, как полагал Пушкин, похоронены казненные. Эвристическое значение этого исследования гораздо шире конкретной задачи поисков могилы. Верность выводов получила безусловное подтверждение, когда съемка в ультрафиолетовых лучах позволила прочесть запись Пушкина «14 июля 1826 Гонар <опуло>». Доказано, таким образом, что поэт, несомненно, считал могилой декабристов то место на острове Гоноропуло, к которому с большой степенью вероятности приводит ряд указаний других современников.

Весомым аргументом в пользу версии служит и факт обнаружения криминалистами в указанной точке острова котлована, а в нем остатков костей со следами извести.

Тем не менее для окончательного решения вопроса нужны документы, прямо подтверждающие эти выводы. Скажем, предписание властей о порядке захоронения, рапорты исполнителей. На мой взгляд, их надо искать в военных архивах, в архивах Петропавловской крепости и петербургской полиции.

Однако то, что уже достигнуто экспедицией, так значительно, что уже сейчас необходимо поставить перед Ленгорисполкомом вопрос о том, чтобы вероятное место могилы на острове Гоноропуло было взято под охрану государства. Место должно быть отмечено памятным знаком.

Сергей МИРОНЕНКО,
старший научный сотрудник
Института истории СССР АН СССР

* * *

Сравнение плана Ф. Шуберта 1828 г. с семью рисунками Пушкина (в тетрадях ПД 836, 838, 845 и на черновике стихотворения «Когда порой воспоминанье...») показывает удивительное соответствие рисунков плану и одновременно их внутреннее соответствие.

Рисунки свидетельствуют об удивительной зрительной памяти Пушкина. Так, изображенный на двух зарисовках 1827 г. камень показан поэтом с разных точек зрения, как бы в двух проекциях. Точно изображено взаимное расположение деревьев, высот и береговой линии. Таким образом, вывод, подтвержденный пробами из скважин, что декабристы похоронены на острове Гоноропуло, не вызывает у меня сомнения.

Академик Б. РАУШЕНБАХ

* * *

В тетрадях Пушкин нередко оставлял краткие пометы о событиях, чем-то особенно для него важных. Иногда пометы шифровались, но не сложно: рядом с датой поэт записывал сокращенно одно или несколько слов, для него внятных. Ряд таких помет и доныне не получил убедительного истолкования.

Так обстояло дело и с записью, сделанной на последнем листе так называемой Третьей кишиневской тетради чрезвычайно бледными чернилами. Отчасти запись перекрыта масляным пятном. Впервые ее зафиксировал В. Е. Якушкин. Он, впрочем, разобрал только дату: «14 juillet 1826». Спустя полвека М. А. Цявловский попытался истолковать слово, скрытое частично пятном. Три первые буквы его «Gon...». Ученый предположил, что, может быть, здесь имеется в виду фамилия португальско-бразильского поэта Т.-А. Гонзаги.

Уже в наше время историк Г. А. Невелев, обнаружив, что записанная Пушкиным дата совпадает с датой тайного погребения казненных декабристов, предложил читать недописанное слово как название острова Голодай.

В ходе голодаевской экспедиции «Огонька» А. Ю. Чернов по-новому прочел эту помету. На мой взгляд, очень убедительно.

При специальном фотографировании, проведенном заведующим Лабораторией консервации и реставрации документов АН СССР Д. П. Эрастовым, удалось прочитать буквы под пятном: «14 juillet 1826 Gonar...»

Предпринятое экспедицией перекрестное сопоставление свидетельств современников сузило район поисков. Здесь особенно важно слово «островок», встречающееся у мемуаристов. А. М. Муравьев говорит об одном из «островков Невы». А. А. Жандр о «пустынном островке Невы», на котором ничего не было, «кроме кустов». (Правда, записавший его рассказ Д. А. Смирнов в писарскую копию внес слова о Голодае, но это комментарий самого Смирнова, кстати, не петербуржца.) Наконец, Ф. И. Миллер в своих письмах к вдове К. Ф. Рылеева пишет об «уединенном острове», куда можно попасть пешком. Из писем ясно, что остров этот где-то недалеко от Смоленского кладбища.

Итак, небольшой островок в системе Голодая. Из анализа плана Ф. Ф. Шуберта следует, что пешком можно попасть лишь на отделенный узкой протокой остров Гуноропуло. (В пушкинское время писалось — и это зафиксировано в печатных источниках — и Гоноропуло, и Гонаропуло.)

К этому же месту приводят нас и путеводитель из повести «Уединенный домик на Васильевском» (1828 г.), и несколько рисунков Пушкина, атрибутированных А. Ю. Черновым. Атрибуция подтверждена реконструкцией пейзажа по плану 1828 г., сделанной архитекторами П. С. Прохоровым и Т. Н. Ознобишиной, и пространственной экспертизой рисунков и плана, проведенной академиком Б. В. Раушенбахом.

Наконец, все это подкрепляется в высшей степени, на мой взгляд, корректной расшифровкой загадочной пометы в Третьей кишиневской тетради: «14 июля 1826 Гонар<опуло>». Это дата и место голодаевской трагедии.

Главное достоинство такого чтения — несомненное качество научности. Этого качества, к сожалению, нет у альтернативных версий, которые не могли не появиться после статей в «Огоньке». Нам то предлагают искать на острове Вольном, то в других местах. Автор одной из гипотез, опубликованной в «Литературной России», договорился до такого: «Северная оконечность рва... служит валом». Попробуйте это вообразить!.. При крайне оскорбительном тоне статьи в этом еженедельнике основная аргументация в защиту собственной гипотезы почерпнута из огоньковских статей. Что ж, есть вещи, недостойные даже и полемики.

Версия экспедиции «Огонька» помогает объяснить множество разнородных фактов, выявить в них обусловленную связь. Отдельные детали в ее разработке могут быть подвергнуты сомнению. Но опровергнуть в целом ее теперь возможно, лишь указав столь же конкретно и более доказательно иное место. И пока это не сделано, место на территории бывшего острова Гоноропуло должно охраняться как культурный и исторический памятник.

С. А. ФОМИЧЕВ,
заведующий отделом
пушкиноведения
Института русской литературы
АН СССР,
доктор филологических наук

* * *

Более всего убеждает в подлинности открытия столь неожиданная и естественная увязка разных звеньев в единую цепь — от пушкинской пометы об

острове Гоноропуло до кусочков сосновой коры, извлеченных из древней ямы там, где эта сосна нарисована поэтом. Поздравляя поисковую группу с открытием, позволю все же остаться при своем прежнем мнении об «Острове Евгения» в «Медном Всаднике» («Наука и религия», 1977, № 2). Пути пушкинского «безумца бедного» — нечто существенно иное, чем трагический маршрут бунтовщиков 14 декабря.

Александр ТАРХОВ

* * *

Рабочие завода, на территории которого оказалась могила казненных декабристов, сами, не дожидаясь никаких решений, поставили над ней памятник. Об этом сообщили газеты «Вечерний Ленинград» и «Советская Россия». Сейчас, когда уже стали раздаваться голоса о переносе праха на другое место, надо сказать, что делать этого категорически нельзя. У нас и без того хватает переписанной истории, взорванных храмов и утраченных памятников. Мы можем доверять Пушкину, а он считал это место святым. Это доказывают рисунки в рабочих тетрадях и французская запись с датой захоронения казненных. Место это, установленное с помощью Пушкина и Ахматовой, должно быть свято и для нас. Легче перенести заводской забор, а не прах, ставший землей, ее культурным слоем. Об этом я говорил участникам экспедиции «Огонька» еще до того, как был получен окончательный результат.

Надо уважать боль своего Отечества. Надо уважать и инициативу рабочих. Памятник, установленный ими, необходимо архитектурно оформить, может быть, приблизить его очертания к пушкинскому эскизу памятника в ПД 836. Но сносить его или переставлять нельзя даже с моральной точки зрения. Люди ставили его от чистого сердца.

Д. С. ЛИХАЧЕВ,
академик

* * *

Мы привели лишь часть откликов и экспертных заключений на материалы голодаевской экспедиции «Огонька». Добавим, что ленинградские археологи дали заключение, подтверждающее корректность результатов, полученных геологами ВСЕГЕИ, ЛГУ и криминалистами ВНИИ МВД СССР. С точки зрения современной археологии выдвинутая версия непротиворечива. Получены данные и по химическому составу: количество обнаруженного в грунте фосфора близко к расчетному. Иными словами, в этом месте действительно могли быть захоронены именно пять человек. Анализ по кальцию показал, что его в аномальном пятне больше, чем ожидалось. Избыток соответствует примерно 32 килограммам негашеной извести. Напомним, что современники (в том числе и преосвященный Исидор) сообщали о захоронении казненных в одной яме с известью. Известь была обнаружена и при исследовании грунта и костных остатков московскими криминалистами.

В экспертном заключении, подписанном заведующим отделом геохимии ВСЕГЕИ Г. М. Беляевым и старшим научным сотрудником В. А. Угаровым, сказано, что при дополнительном исследовании геохимический ореол совпал с белковым, выявленным в этом же месте учеными Ленинградского государственного университета.

Мнение экспертов:

«В совокупности все полученные разносторонние данные согласуются друг с другом и указывают одно и то же место захоронения, укладываются в логическую цепочку, позволяющую последовательно подойти к локализации самой точки захоронения,— все это делает версию экспедиции «Огонька» весьма убедительной».

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

■

Библиотека им. Н. А. Некрасова находится в аварийном состоянии. Отсутствуют самые элементарные средства для транспортировки книг, нет вентиляции. Помещения для проведения культурно-массовых мероприятий настолько мизерны, что не могут вместить и малой доли наших посетителей. Часть фондов Некрасовской библиотеки сейчас разбросана в четырех разных местах города: в Ясеневе, Сокольниках, на Хорошевском шоссе и в Шереметьеве.

Реконструкция и реставрационные работы необходимы библиотеке давно. И вот 10 марта 1988 года наконец было принято решение. Проект (кстати, не согласованный с сотрудниками), мягко говоря, абсурден. По нему пустующие помещения в Сытинском проезде и на Тверском бульваре, некогда составлявшие единый архитектурный ансамбль с теми зданиями, где сейчас размещается библиотека (бывшая усадьба Салтыковых), будут переданы районному общепиту. Библиотеке отдадут лишь небольшую часть этих помещений. А что такое столовая рядом с библиотекой — представить нетрудно. Груды ящиков, сваленных во дворе, пищевые отходы, крысы, мыши, тараканы...

Оставаться равнодушными в такой ситуации мы не могли. Хорошо зная, какая участь постигла Историческую библиотеку, библиотеку им. Тургенева благодаря авторитарному стилю руководства, полной безграмотности тех, кто управлял и продолжает, к сожалению, управлять нашей культурой, мы решили бороться. И это несмотря на отчаянное сопротивление администрации во главе с директором, единственным желанием которой было избежать трений с ГУКом и Моссоветом. Отправили несколько писем в различные инстанции, в частности председателю Мосгорисполкома В. Т. Сайкину и первому секретарю МГК КПСС Л. Н. Зайкову...

17 марта 1989 года Мосгорисполком принял решение «О реорганизации городских библиотек системы Главного управления культуры». То есть слить воедино четыре крупнейшие библиотеки города — ЦГПБ им. Н. А. Некрасова, Центральную городскую юношескую библиотеку им. М. А. Светлова, Центральную городскую детскую библиотеку им. А. П. Гайдара и городскую библиотеку № 2 им. Н. В. Гоголя. В каждой из них давно сложились свои формы работы с читателями, свои традиции. Слияние будет иметь гибельные последствия для культуры. Среди них: резкое ухудшение состава фонда, путаница при составлении справочного аппарата, исчезновение различий в обслуживании читателей разных возрастных групп, усиление административно-командных методов управления.

В очередной раз было проявлено возмутительное чиновничье неуважение к интеллигенции. Не был принят во внимание и печальный опыт централизации библиотек в нашей стране, и, наоборот — успехи библиотечного дела за рубежом, где оно строится на принципах дифференциации и специализации.

До каких же пор культура будет рассматриваться у нас как что-то третьестепенное? По-прежнему на библиотеках, музеях будут экономить в пользу шашлычных, общественных туалетов, гаражей и т. п. Неужели непонятно, что, не подняв в первую очередь культуру, мы никогда не сможем поднять и экономику?

А. СТАХЕВИЧ,
зам. директора по научной части ЦГПБ им. Н. А. Некрасова

■

Во время Всесоюзной переписи населения наша семья попала в так называемую «выборочную перепись».

Муж у меня по национальности немец. На вопрос: «Каким языком народов СССР владеет?» — он ответил: «Русским и немецким». Оказалось, немецкого среди языков народов СССР нет. Такая ситуация мне показалась по меньшей мере парадоксальной.

В стране проживает около двух миллионов немцев. Раз их родной язык не является языком народов СССР, значит, он... иностранный? А советские немцы являются иностранцами на своей собственной Родине?

И вот еще о чем мне подумалось. Зачем же все-таки национальность вносится в паспорт? Может быть, для того, чтобы при стечении определенных обстоятельств знать, кого подлежит подвергнуть дискриминации в первую очередь?..

О. ПОПОВА
Свердловск

■

Подав рапорт об увольнении из рядов Вооруженных Сил в запас, я столкнулся со стеной непонимания и даже угроз. Впервые пришлось по-настоящему осознать свое полное бесправие как офицера перед лицом вышестоящих начальников.

Мое решение об увольнении в запас продиктовано тем, что, несмотря на процессы демократизации и гласности, протекающие во всех сферах советского общества, в армии никаких конкретных процессов в этом направлении не происходит. В ряде случаев усиливается проявление солдафонства, грубое нарушение командным составом этических норм и принципов социальной справедливости.

Девятого марта начальник училища, где я преподаю, подписал рапорт о моем увольнении, а шестого апреля после рассмотрения моего вопроса аттестационной комиссией вдруг вспомнил, что я кандидат наук, и наложил визу: «Отказать в увольнении в связи с малым сроком практической работы после обучения в адъюнктуре».

Тогда я обратился в отдел кадров. Мне ответили, что в соответствии с устным указанием министра обороны с пятого апреля рапорта об увольнении по нежеланию служить не рассматриваются.

Теперь мне начальник факультета полковник Дударев недвусмысленно намекает: в случае моей попытки закончить службу по статьям о служебном несоответствии или дискредитации офицерского звания он лишит меня ученой степени и подведет под трибунал.

Неужели, отслужив в армии без нарушений двенадцать лет, чтобы уволиться в запас, необходимо дискредитировать себя в глазах сослуживцев и командования?

Ю. ГАЙДУКОВ
Рига

■

Я прошел через Маутхаузен. Об этом лагере смерти написаны десятки книг. Не было на свете страшнее места, чем этот ад на земле. Когда 5 мая 1945 года в Маутхаузен пришла свобода, я весил 37 килограммов.

С тех пор минуло немало лет. Можно было бы и забыть все. Да не забывается, потому что не дает покоя мысль: за что меня, тысячи таких, как я, юношей, комсомольцев сороковых годов, не по своей воле оказавшихся на оккупированной территории, не покорившихся фашистам, переживших подвалы СД, концлагеря, сегодня не признают? Почему мы как были в первые послевоенные годы, так и остались сегодня отверженными своей родной страной? Нас не признают участниками войны. Мы все сегодня инвалиды, но нет у нас никаких прав. Документ, в котором написано, что был политическим заключенным и брошен в Маутхаузен по распоряжению начальника Днепропетровского СД, для нашей окостенелой бюрократической машины — пустая бумажка.

Каждый год мы встречаемся с нашими зарубежными товарищами — бывшими узниками концлагерей. Все они почетные люди в своих странах, признаны участниками Сопротивления. Им оказывается необходимая медицинская помощь, выплачиваются пенсии, предоставляются транспортные льготы. Мы не просим всего, что имеют наши зарубежные товарищи. Пенсии мы заработали своим трудом после войны. Мы хотим справедливости: признания нас участниками войны.

Я уверен, что люди не забудут мук, которые мы перенесли в концлагерях и не сломились, а продолжали подпольную борьбу с врагом. Пройдут годы, и о нас напишут, вспомнят добрым словом. Только очень жаль, что никого из нас тогда уже не будет в живых.

А. ШАПОВАЛОВ,
журналист
Киев

■

Согласно ст. 58 Конституции СССР, граждане СССР имеют право обжаловать противоречащие закону действия должностных лиц, государственных и общественных органов.

Но уже часть вторая указанной статьи размывает реальную возможность на обжалование. Существуют пресловутые перечни № 1 и № 2 приложения к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров, в которых перечислен широкий круг советских граждан, лишенных судебной защиты, и которые вынуждены безуспешно обращаться для обжалования противоправных действий лиц и государственных органов в вышестоящие инстанции. А в министерствах и ведомствах они наталкиваются на непробиваемую стену корпоративности.

Фактически граждане, лишенные права на судебную защиту, исчисляются в стране миллионами.

В. СИНАНОВ,
следователь
Свердловск

СЕМЬ АВАНГАРДОВ

Ирина ПОВОЛОЦКАЯ

Острые худые лопатки, не разъелся за жизнь, а затылок мальчишки-подростка, и это уже до конца, пока не свалит, не сокрушит, не сомнет. Летом Авангард Краснознаменский любил ходить в клетчатой рубашке навыпуск, на ногах сандалии. Носки только хлопковые, отечественные, носкам ГДР не доверял, знал точно, что немцы обязательно сунут в нитку что-нибудь синтетическое. С химией у них хорошо, а с натуральными волокнами плохо. Это он понял сперва во враждебной, а потом уже оккупированной Германии, в которой служил еще целых два года после нашей Победы. Всем кепкам в жару предпочитал шляпу. Но не пижонскую в мелком плетении, а обыкновенную соломенную, которую теперь не купишь. А у него такая была. У него было много того, чего в мире давно уже не существовало.

В шляпе из соломки и в ковбойке и увидела его Любовь Петровна через дверной глазок и обомлела. Только что проводила она племянника Борю с женой на Ярославский, а вот теперь этот, покойного мужа Васи двоюродный, Авангард. И хоть бы телеграмму дал или открытку какую-нибудь прислал, а то — Здравствуй, Люба! — двадцать лет носу не казал, а на «ты», и мимо на кухню как к себе домой, и гостинцы вынимает, а она вообще карамель не ест.

Каждый, у кого есть родственники в провинции, поймет бедную Любовь Петровну. Как только лето наступало, всем им позарез была нужна Москва, и они ехали по одному и семьями, и куда только детей тащат, ручки им повыворачивают в метро да в «Детском мире». Встают с солнцем и уже в восемь утра у дверей какой-нибудь «Ганги» или «Власты», а дорогу не знают, и тащись с ними через всю Москву. А у Любы намечен парикмахер и кладбище, и потом дети из Крыма возвращаются, надо квартиру убрать. Лиля, правда, оставила телефон какой-то Марии Степановны из «Зари», но разве чужая так уберет, как родная. Для своих мальчиков, сына и внука, Любе и жизни не жалко, а если Лиля рот скривит, так она восемнадцать лет рот кривит, как замуж вышла. Ну вот зачем Любе сейчас Авангард?!

Это Любовь Петровна про себя думала, а встретила как положено; покормив, спросила привычно:

— ГУМ сам найдешь или отвезти?

Но Авангарду ГУМ был не нужен.

Он намекнул на какие-то сверхважные дела и исчез до вечера. Если бы не внешность, просто Штирлиц, а она думала, что Авангард давно на пенсии. Обедать он не пришел, а объявился только к программе «Время», из-за него Любовь Петровна прослушала погоду. От ужина наотрез отказался и теперь пил сырую воду прямо из-под крана. Спать лег рано, но спал беспокойно. Хорошо, что у Любовь Петровны комнаты смежно-изолированные, но он ее и через стенку будил — щелкал выключателем, гремел посудой на кухне, потом пошел курить на балкон, а под утро на ранней заре стал кричать, да так страшно, что Люба никак не могла в рукава халата попасть, прибежала полуодетая, растолкала. Он вскочил сразу, по-военному; ноги на пол. Сидел на кровати в трусах, долго хлопал глазами, потом, застеснявшись, прикрыл колени. Объяснил:

— Сон снился, Люба, ...будто убегал я. От своих врагов убегал!

И сник, склонил голову набок и стал похож на старую степную птицу.

Он был болен. Серьезно, так считали врачи, а соседи по забору, Мамичевы, купившие недавно новенький автомобиль под древним именем «Лада», считали, что он прежде всего болен на голову, а дочка жалела отца ночами, но злилась днем, что тот болеть не умеет. Но сам Авангард знал, что болен, хотя бы потому, что у него болело, но как настырный читатель всех газет и журналов, которые можно было выписать или приобрести в Новогорске, в том числе брошюр общества «Знание», считал, что болезнь его — дело временное и происходит с ним исключительно от стрессов. Стрессы эти случались с ним постоянно, потому что комбинат имени Розы Люксембург не только утратил былую славу, но и вроде как рассыпался на глазах. Не работали фонтанчики с питьевой водой, и дверные ручки отваливались в туалетах, двери висели скособочившись, как хромые, и пахло кислым из столовой, штукатурка сыпалась на голову, а в красном уголке рядом с бюстом Ильича вместо цветов поставили несгораемый шкаф, и Авангард сам видел, как председатель профкома Храмцов прятал в нем финский сервелат. Бежали с комбината люди. А когда заводской главбух Валентин Генрихович (тоже на пенсию выперли, как Авангарда) привел того к странным геометрическим сугробам на заводском дворе и объяснил, сколько стоит на валюту этот позапрошлогодний снег, Авангард задохнулся. В ту же ночь увезла его «Скорая помощь». Через полтора месяца цветущею весною Авангард вышел из больницы в широкий и деятельный мир с ясным намерением избавиться от стрессов, то есть решительно реконструировать комбинат по проекту инженера Лагутина, который, имея гениальную голову, был слаб мышцами и идейно, как многие новые. К примеру, поссорившись с тем же Храмцовым из-за яслей для своих двойняшек, Таты с Лизочкой, инженер грозился уйти в сторожа продмага или спиться. Тогда и составили Авангард и Валентин Генрихович бумаги и письма; Валентин Генрихович был из немцев и умел это хорошо. С этими бумагами и подоспевшим направлением местных докторов в специальный медицинский Центр для обследования и лечения по надобности Авангард прибыл в Москву спасать здоровье. Ведь он с братьями бетон месил еще когда!.. Еще на безымянном комбинате...

— Никогда бы вас тут не узнала, Авангард,— сказала Любовь Петровна, когда тот достал из бумажника и протянул невестке желтое фото с надписью «Кисловодск, 35», где он сам, молодой, кадыкастый, был снят картинно в профиль, будто оборотясь на зов ли, смех товарищей, а может, просто потому, что ему было хорошо глядеть на тех, а они, в свою очередь, обнимая его за плечи, улыбались объективу в одинаковых футболках. Авангард тогда брился наголо под ноль, как Маяковский, и носил тюбетейку.

— Я тебе эту карточку не показывал? — обрадовался Авангард. — Да ты посмотри, посмотри! Это мы после комсомольских крестин, когда стали мы все Авангардами.

Сегодня он никуда не бежал. То ли в деле была остановка, то ли подустал, бегая, но засел он на кухне прочно и, как мог, мешал Любови Петровне, которая варила обед, а она не любила, когда у нее за спиною торчат. Откуда ей было знать, что в любой момент может появиться сам Лагутин! Тем охотнее разговаривал Авангард.

— Кисловодск. Санаторий Наркомтяжпрома. Теперь имени Серго Орджоникидзе. Санаторий, Люба, дивный! Одно слово — дворец. Мрамор, зеркала, пальмы. В ваннах нарзан! Хочешь — пей, хочешь — плавай. Честное слово! Сидишь в чем мать родила, а вокруг тебя пузырьки попырькивают. И сестрички в белых халатах, как рыбки.

И Авангард показал Любовь Петровне, даже со стула встал специально для такого дела, как ходили-плавали вокруг него, молодого, гордые медицинские сестрички.

— А потом, пожалуйста, хочешь — волейбол, хочешь — бильярд или давай в автобус и кати к домику Лермонтова. А потом танцы, джаз-банда Остапа Поташника. Еще не запрещали! Но главное, Люба, мы все семеро вместе. Семь Авангардов, семь Краснознаменских, семь братьев. Ближе кровных! Вот ты, извини, Люба, с твоим покойным мужем сойдемся или там съедемся и ни о чем таком серьезном ни слова. Только как тетя Шура, дядя Коля, как дети, ваш Игорек, моя Светланка или там старшие сыны мои, Витя с Валентином, ну, жены, конечно, и все. Посидели — разошлись. А мы, Авангарды, были как одно. Вот Васька твой, я знаю, смеялся, со стороны оно, может, смешно...

— Вы Василия не трогайте,— обиделась Любовь Петровна,— Василий был человек занятой, инженер, а уж какой муж — и не говорю. После работы всегда домой, собраний этих не любил. И вообще, никуда без меня не ходил, и отдыхали мы с ним всегда вместе. И зарплату мне до копеечки.— Люба нагнула голову, слезы у нее были близкие.

Нарочно не замечая, как хлюпает носом невестка, Авангард повел пальцем от одного Авангарда к другому.

— В Ленинграде живет. Политехнический в Горьком окончил и пошел. Главный технолог номерного предприятия. До сих пор в строю.

Белобрысый технолог улыбался во все тридцать два зуба.

— На артиста похож,— недоверчиво сказала Люба.

— Вот он, Люба, был бы артист! — Авангард ткнул пальцем в фото.— Хохол! А у них голоса, сама знаешь. Погиб под Курском. А вот его, Люба, в Болгарии убили. Эх, хороша страна Болгария!.. И болгары в войну тоже против нас были!

Авангард задумался. И теперь уже сама Люба спросила:

— А он?

Он — в очках, на снимке с краю, во втором ряду. Толстый, круглый, безбровый. Было понятно, что и ростом не вышел.

— Колобок,— усмехнулась Люба.

— Тут сложно,— вздохнул Авангард,— женился на одной. Хорошая вроде деваха, веселая, простая. Комсомолка. А отец у нее оказался троцкистом.

— Ну,— согласилась Любовь Петровна,— я вот сама кулацкая дочка.— И вдруг рассмеялась. Затряслась мелко-мелко — не поймешь, плачет или смеется, и бусы подрагивают на полной шее. Еще довоенные, из горного хрусталя, Васин подарок.

— Кулачка? — оживился Авангард.

— Да у нас всего одна корова была. Твоих-то троцкистов небось реабилитировали?

— Жену. Родителя ее. Квартиру им дали отличную. В центре Алма-Аты. А нашего посмертно,— в груди у него что-то забулькало,— и могила неизвестно где. А в пятьдесят восьмом мы и комсорга нашего похоронили. Не на войне, но тоже от войны. Осколок в легких. Это он и придумал, что мы будем Авангардами.

В самом центре пожелтевшей фотографии, а понятно, что наш Авангард не расставался с нею никогда, и даже в больнице на прикроватной тумбочке всегда была с ним карточка братьев, где четверо сидят, трое стоят, а в самом центре — этот — бывший комсорг: обнимая двоих за плечи, он обнимал их всех и защищал тоже. Вроде наседки, а может, и орла. И руки его лежали на плечах братьев как крылья.

— А ведь что интересно, Люба, комсорг наш из поповской семьи. Отец его семинарию бросил и в революцию ушел, а дед — протоиерей. Во как! И фамилия у них — Знаменские. А мы все — уже Краснознаменские!

— Господи,— ахнула Любовь Петровна,— я думала, ты один Авангард, а вон вас сколько. Слушай, а как вы друг дружку-то звали, Авангарды?

Она опять готова была смеяться; отпятив локоть, глядела в упор не в карточку, а на самого Авангарда.

— А сколько мы вместе были, Люба? — Авангард вздохнул, задумался.— Считай год. А там двое —

в Красную Армию, потом еще двое. А время — сама понимаешь! Халхин-Гол опять же. Одна война. Другая... А звали как? Так сперва ошибались, потом привыкли, и ничего. Но между собой больше по отчеству. Петрович там, Степаныч, Нуруллиевич. Правда, накладка была: Петровичей двое. А так везде и на людях мы — Авангарды. Ясненько?

— Чего уж яснее... Значит, трое вас осталось.

— Трое. Я, вот он,— Авангард показал на технолога,— и он. У вас здесь живет. В Электростали.

— С усиками? Интересный.

— Семью в войну потерял, так и не женился. Остался одиноким, а теперь мы все сравнялись. Я без Зины пять лет.

Тут Любовь Петровна и заплакала.

— Ну, Люба, Люба, нехорошо,— забеспокоился Авангард,— держаться надо. Ты с какого года?

— С двадцатого.

— Я думал, моложе. А я с семнадцатого. Еще в октябрятах на линейке вожатый крикнет: «Кто ровесник Октября?» Я сразу шаг вперед и руку тяну: «Я ровесник Октября!» «Будь готов!» «Всегда готов!». Я тебя с нашими познакомлю Люба. Это такие люди... Сейчас у меня сложные дни. А потом махну в Электросталь. А может, и в Ленинград. К Авангарду Николаевичу.

— Слушай,— вдруг спросила Люба,— а тебя по-настоящему как зовут?

— Авангард.— Он удивился.

— Да я не о том,— она махнула рукой,— как мать крестила?

Авангард рассердился:

— Авангард!

Все это время Лагутин жил на вокзале.

Вызванный в помощь через Валентина Генриховича, инженер ухитрился-таки, правда, опять со скандалом, оформить десятидневный отпуск за свой счет и прибыл в столицу. Жена Галя находилась в Луцке у родителей; двойняшки, конечно, при ней. У Гали отпуск был настоящий, и осторожный Лагутин позвонил ей уже из Москвы, наврал, что в командировке. Галя удивилась, но велела Лагутину взять ручку в руки и записать торговые поручения.

— Ты пишешь? — строго спрашивала Галя,— Лагутин, ты записываешь?

— Пишу! — весело говорил Лагутин и не писал. У него была замечательная память, это во-первых, во-вторых, денег не было, но жизнь была прекрасна.

Правда, его приметила милиция, но он поменял Курский на Киевский. У родственницы Авангарда останавливаться было совестно, а в общежитие гостиницы «Южная» не хотелось — там пришлось бы разговаривать с другими, такими же, как он, а Лагутин заболел нагрянувшей свободой... Никто его не дергал, не посылал за молоком и картошкой, не говорил, что купленная им манка с жучками, и сам он не мучился своей бесполезностью в хозяйстве и не раздражал жену Галю, которая выбивалась из сил, борясь с Лагутиным и его детьми за порядок. А главное — голова вскипала идеями.

Поскольку начальники, к которым должны были попасть Лагутин с Краснознаменским, сперва уехали на необходимый симпозиум, а вернувшись, разбирались с необходимыми делами, и среди этих дел встреча с Краснознаменским и Лагутиным вовсе не была обозначена, инженер целыми днями слонялся по городу или работал в тенечке прямо на лавочке. Лагутин так и не узнал, что полюбившееся ему место в столице называется Гоголевским бульваром. Это потом, снова попав в Москву, он вышел к бодрому памятнику и направился к тем же скамейкам, но обернулся, как будто его окликнули, а его, конечно, и не окликал никто, а оказавшаяся рядом невыселенная арбатская бабушка, безошибочно разгадав в нем провинциала из любознательных, объяснила, где он находится, и велела идти к другому Гоголю, который сидит во дворе поблизости. Он послушно перешел площадь и увидел того, другого, и в носу у Лагутина защипало, как от аллергии. Но вспомнил он не школьную программу, а Авангарда, потому что пожилые сидят похоже, когда у них болит что-нибудь... А в то лето — лето с Авангардом — когда ноги затекали, он вставал с лавочки и, счастливый, то есть свободный, шел куда глаза глядят. Глядели они сперва в липовые аллеи, а на площади, где был вырыт бассейн, глядели или направо — и Лагутин сворачивал в музей, или прямо — и он спускался к реке. Обедал он в столовой, диетической, на проспекте Калинина и там же встречался с Авангардом, стойко и постоянно дежурившим по министерскому главку.

Воспитанный на скудные средства матери-одиночки, Лагутин боялся и уважал женщин, а Авангарду доверял. Рядом с ним, колготным и несерьезным во мнении большинства, он сразу успокаивался, и казалось ему, что он многое может и что от его, лагутинского, таланта в окружающей и будущей жизни могут произойти прекрасные изменения.

— Здравствуй, Федор! — встречаясь ежедневно, всегда торжественно говорил Авангард, и они обменивались крепким рукопожатием мужчин. Затем они шли вдвоем по главному московскому проспекту. В отличие от Лагутина, которому все новые дома казались на одно лицо — он родился и рос при них и с ними, блочными и панельными, каркасными и вибро, у Авангарда дух захватывало от открывающейся сердцу роскошной панорамы многоэтажного стеклобетона. И в какой раз шагая рядом с Лагутиным, сосредоточенно прыгающим по плитам столичного тротуара в пестрых кроссовках новогорского производства, он объяснял одно и то же и самолюбиво выставлял крутой подбородок над несильною шеей в расстегнутой от жары ковбойке:

— Это, конечно, только в будущем можно так всю страну застроить. Только в будущем! Сейчас средств нет. Но ведь умеем, когда хотим...

А будущее наступало ему на ноги. Наступало, обступало, теснило. Требовало дорогу. Посторонись! Посторонись! Стальная тележка — и кто врассыпную, кто — к забору, к краю, а он, Авангард, знай вымахивает шаги, и походка как под пионерский барабан, такой мужик был — не свернет, не оглянется, дурак, что ли... Вот и Лиля, жена Любиного Игорька, скривила рот, как Люба предсказывала, это когда Авангард обрадовался, что парень у них — металлист. Так и сказал: «А что?! Молодец, Вася! Тебя в честь деда назвали. Металлургия — дело горячее». А Любе, чтобы та не плакала, когда они домой вернулись, Любе:

— Лиля ваша на рыбку похожа!

— Да у тебя все рыбки,— отмахнулась Люба.

— В уксусе вымоченную.

Ведь как они ей квартиру убрали, Лиле! Правда, случались неполадки: у трехногой табуретки с ногами-лапами зверя, наверное, льва, перекладина отпала сама собой; это когда Авангард тер шваброй пол профессорской квартиры; Любин Игорек профессор был, и что интересно — по Маяковскому, по Владим Владимычу, любимому поэту — «Я знаю, город будет!...» Но и ворчал Авангард на профессора, что вроде в доме и мужик живет, а если живет, то негодный, безрукий, потому что бронзовая наклепка от шкафа для книг тоже отвалилась. Наклепку Авангард приставил, а вот с ножкой льва не получилось. А вообще удался субботник. Вдвоем дело делалось у них ловко, согласно — это не перед телевизором спорить, кто лучше — Ротару или Толкунова Валентина; работали вместе как без труда, весело.

— Дирижабль запускаем! Три! Два! Один! — объявлял Авангард местным старухам с лавочки у подъезда и набежавшим городским детям, томящимся в ожидании родительских отпусков. И высоко взлетали, туго надуваясь от переполнившего их воздуха, одеяла и пледы, шторы и занавески. В крепких еще руках билась материя, как живая, пылал шелк пламенем, и старухи завистливо чихали от едкой портьерной пыли. И все-таки ввернул Авангард: «Ку-

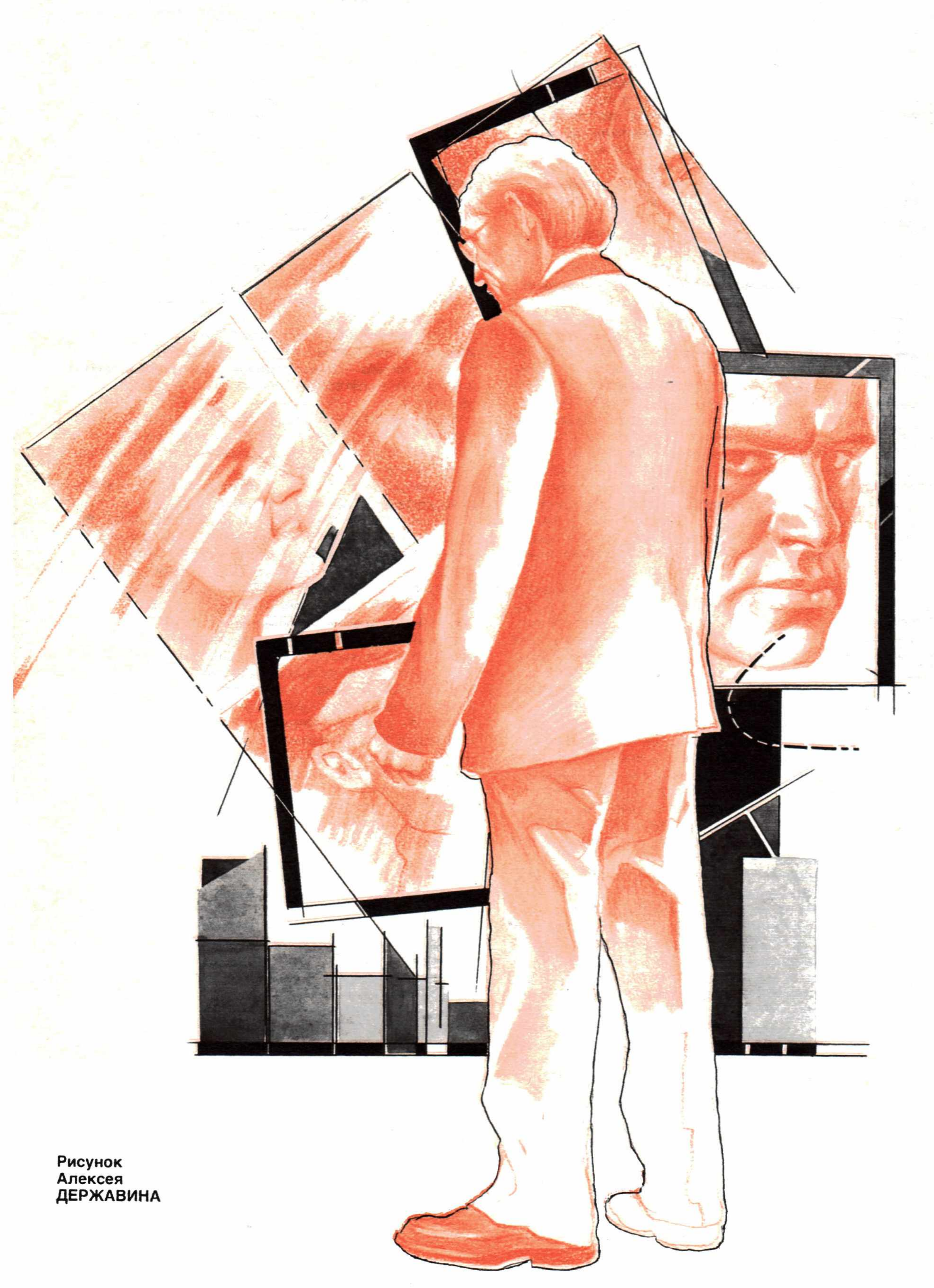

Рисунок Алексея ДЕРЖАВИНА

лачка!» — и с удовольствием ввернул: по два раза, сбиваясь, пересчитывала Любовь Петровна сыновнее имущество, коврики да занавески. И забыть чего можно, и для сохранности.

Она ведь знала Лилю. Та и не скажет ничего, а видно сразу — недовольна. Такой характер, а ведь неплохая собой, и работа у ней — в ВТО на Горького сидеть, кофе пить да окурки гасить в тарелки с винегретом. Любовь Петровна один раз всего и была на работе у невестки, путевку у них получала в дом отдыха под Москву. Лиля устроила, ничего не скажешь, а потом в кафе повела, в том же доме кафе, где работа, и даже из подъезда выходить не надо. Сели они за столик вдвоем, Люба думала: первый раз в жизни про жизнь поговорят — расспросить хотелось невестку, а налетели Лилины подруги. Тучей. Подружек этих у Лили видимо-невидимо. Налетели и зачирикали — ушам больно, каждая свое чирикает, а птичкам этим под сорок, а какой птице и больше. И любая Лиле дороже свекрови. А поблагодарила бы мать за мужа-профессора. Она ведь за профессора вышла; конечно, не всегда Игорек профессором был, но все равно получилось — за профессора!

Еще от лифта Лиля с тоскою услышала за дверью урчанье включенного телевизора и обернулась к окаменевшему от дорожной мигрени мужу.

— Ура! Бабка! — живо сообразил металлист. Но бабка была не одна...

Она и тот, другой, в ковбойке, даже не обернулись. Не услышали. Глядели концерт. Плечом к плечу на двух сдвинутых стульях сидели перед цветным экраном, где, точно как они, и тоже плечом к плечу сидели певец Богатиков и красавица диктор Ангелина Вовк; только перед теми был не телевизор, а низкий полированный столик, на котором стояла хрустальная ваза с георгинами, и Богатиков пел прямо с места, громко и под оркестр.

Кто не любит Богатикова, тому, может, все равно, что Лиля телевизор выключила, когда здороваться и знакомиться стали, но спросить надо было, тем более что человек старше, который смотрит. Правда, Лиля пригласила на кухню фрукты есть с юга, но Авангард к этому равнодушен был, у них на базаре узбеки еще слаще продают, а он все равно огурчик больше ценит. Но поговорить и посидеть с родственниками хотелось. Только профессор вместо разговору в ванную отправился. А Люба только что белье постирала и там развесила, стали белье на лоджию выносить, и увидела Лиля, что перекладина от табуретки отдельно лежит. Ну, Авангард объяснил, как можно табуретку починить, и что, если бы он дома был, он бы сам починил, а здесь инструмент отсутствует, но если они достанут, починить легко. А Лиля эти речи вполуха — и стала у свекрови выпытывать про какую-то Марию Степановну из «Зари», что она ее телефон оставляла, а Авангарду всё: «Ешьте виноград, ешьте, пожалуйста!» — А конфорку под щами не подожгла, а их Люба варила — мужикам голодовать ни к чему, так Любовь Петровна невестке и сказала, и огонь запалила. У Любовь Петровны характер, конечно, но разве мать виновата, если хочет, чтобы сын ее стряпни поел... Вышел профессор из ванны, Любовь Петровна тарелку на стол, а в дверь звонок, сосед с собакой пришел. Свет в окошках увидел и пришел, а собака с медведя, и тоже на кухню. А тут и Лилины подружки подкатили. Какие уж тут щи? Какой разговор? Профессор вообще на подоконник уселся.

А Лиля:

— Гарюша! — Это она так Игорька — Гарюшею.— Гарюша, может, ты немного в спальне полежишь? Гости тебя простят. У Гарюши мигрень такая!

Гости! А какие же Люба и Авангард — гости? Вот сосед и его собака — гости. И подружки Лилины. И еще девушка, которая потом к Васе пришла, Вася-то ей по плечо — она тоже пока гости.

Встали Люба и Авангард, попрощались и поехали к себе с двумя пересадками. И никто их не задерживал, и никто провожать не пошел. Люба говорила, Вася бы обязательно их до метро переулками проводил, да внука Васи и его лошади уже и следов не было — испарились оба.

— Дети, Люба, наше будущее. Так на это дело и надо смотреть,— успокаивал Авангард разбушевавшуюся Любовь Петровну, когда они после семейного ужина возвращались к себе с двумя пересадками.

— Да ладно! — Люба и пассажиров не стеснялась, до них ли ей, Любе.— Стараешься из последних сил, а тебе одни тычки!

— Обидно, конечно,— тут Авангард не спорил,— но, с другой стороны, мы их воспитали в тяжелое время и дело свое доверили. Тут надо шире подходить.

— А,— отмахнулась Люба,— я бы к тебе подошла и посмотрела, как бы ты со своими сынами и внуками вместе жил. Спохватятся, когда помрем. И пожалеют. Только не нас, а себя, что сироты... А так пугала мы для них огородные,— она даже обрадовалась,— пу-га-ла! Честное слово. И я, домашняя хозяйка, всю жизнь у плиты волокусь, и ты в своем строю трубишь, а из тебя уже песок сыпется. Мать моя покойница всегда на огороде парочку такую ставила. Один вроде мужик, а другая вроде баба, с метелкой.— И Люба вдруг стала хохотать, а отхохотавшись, сказала Авангарду: — Иди ты лучше на пенсию, пока не попросили. Тебе ж повезло. Ты со Светкой вдвоем, а она женщина свободная, нестарая. Чего вам делить?

Теперь Авангард насупился, замолк. По его понятию, Люба расстраивалась из-за ерунды, как женщины вообще. Ну, утек не попрощавшись, выпросив у бабки пятерку, Вася-металлист, ну, профессор не стал есть на ночь Любины щи, ну, ходила вздадвперед, без толку нося перед собою оторванную перекладину от трехногой табуретки невестка Лиля, а если львиная эта табуретка ей досталась тяжело? Хотя Лиля, неродственная, из-за нее не удалось расспросить толком Игоря Васильевича, почему застрелился Маяковский, и потом худобой и бесцветием — хоть бы губы накрасила! — напоминала Авангарду нелюбимую им закуску — кто же сельдь в уксусе вымачивает,— но Светкину жизнь Люба зря задела, да походя, как со зла. И про песок тоже вроде ни к чему...

И заболело у Авангарда сердце. И болело всю ночь, не отпуская. А когда огромный лохматый шар солнца выкатился навстречу Авангарду — а он, Авангард, уже давно поджидал его на балконе, завернувшись в одеяло поверх майки с трусами,— не сошла к нему радость, и облегчение не наступило в этот самый любимый Авангардом час — время восхода. Наоборот — красное, как на плакатах, светило предвещало ветер и перемену погоды. Неумолимо начинался для Авангарда еще один столичный понедельник, но не было на него сил, а надо было сил, чтобы секретаршу спросить, когда. Но и на когда сил у него не стало. И, едва дождавшись семи утра, он позвонил в Электросталь, а потом в Ленинград, и долго звенели в утренней пустоте Авангардовы позывные, но ни в Электростали, ни в Ленинграде никто не снял трубку.

А за понедельником пришел вторник.

— Вторник — потворник,— весело приговаривал оклемавшийся Авангард; их с Лагутиным, как две щепочки, вертело в людском служебном водовороте. Обоих била дрожь — сказывалась-таки провинциальная оторопь. Секретарша вчера сказала Авангарду, что сегодня им назначено... Наконец вошли; милиционер, проверив список, узаконил их пребывание под этими сводами, а Лагутин присвистнул:

— Коммунизм!

И повторил: «Коммунизм»,— когда в местном буфете, а время им отсрочили из-за неожиданного визита чешских товарищей, съел подряд три пирожных, хитро выделанные под грибки-мухоморы, с мармеладною шапочкой в сливочный горошек... А в коридорах нежно дули кондишены, и бесшумные лифты, сладким звоном отмечая прибытие на искомый этаж, возносили высоко и плавно опускали. А как пружинили под ногою мягкие синтетические ковры! Ходить по ним, не переобувшись в тапочки, честное слово, совестно было. А ведь ходили, бойко вкручивали в ковер острые каблучки местные бабенки, плотные, одна к одной, и мосластые девицы, вроде той секретарши, которой каждое утро звонил Авангард.

Но случилась катастрофа! Храмцовская команда нанесла точный удар. К тем же лицам, между кабинетами которых вышагивал Авангард и ждал приема, а добившись, что примут, вызвал инженера, и они опять ждали в жару и на нервах, к тем же лицам прислали с комбината своего человека, но с официальными бланками, напечатанными по нужной форме и, главное, украшенными подписями самого и его шестерки, директора и главного инженера. И тоже про реконструкцию было в письмах, но безо всякого упоминания проекта Лагутина. А живого Лагутина принимавший их моложавый брюнет и не заметил, а Лагутину, если б не гениальность, в баскетбол играть, и кроссовки новогорские светились, а вот не заметил и Авангарду посоветовал, как коммунисту и пенсионеру, держаться поближе к трудовой и общественной жизни коллектива:

— А то можете гол забить в свои же ворота, товарищ Краснознаменский!

И предложил боржом. Боржом, по новым веяниям, только боржом стоял во встроенном — пластик под дерево — холодильнике, тридцать бутылок бесподобного для понижения кислотности напитка пузырились, запотевшие. Но Авангард пить не стал, догадка осветила местность, как сигнальная ракета, и он увидел сам себя и Лагутина среди чуждого ландшафта и понял, что предали, и ударил кулаком по столу. И взвыли кондишены, отключился холодильник, застопорились лифты, устремленные в поднебесья и спускающие в вестибюль, где маялся здоровенный парень в милицейской форме. Ему ли списки сверять с паспортами? Нет! Ему рыть котлованы, прокладывать трассы, искать что-нибудь ископаемое, хотя бы снежного человека. И милиционер двадцати девяти лет, родом из Горьковской области, село Старосвятское, это понял — как ток прошел по электроцепи от нашего Авангарда, и, самовольно покинув пост, парень рванул в соответствующее ведомство, чтобы увольняться... Но не прогремел Краснознаменский кулаком по столу. Только что пить боржом не стал. А как вышли, Лагутин сказал, что приезжает завтра в Москву из Луцка Галя с двойняшками. И еще сказал Лагутин:

— Все!

И купил себе мороженое.

Любовь Петровна Галю пустила без уговоров, потому что мужики — они всегда без соображения! Зато Галя выложила Авангарду, что она о нем думает и что о нем думают некоторые, которых она уважает.

— Дайте людям пожить нормально! — кричала обезумевшая от мужниного непослушания женщина.— И не так, как вы хотите, а так, как им хочется. Вот! Будущее комбината! Будущее! У меня ваше будущее вот где сидит! Мне свое будущее надо! Свое! И такое, как положено, как у нормальных людей, а не у этих, которые... Извините, конечно. А Лагутина я в Луцк отвезу. Пусть в таксопарк идет, и ему, и семье на пользу, потому что он человек слабый. Он вообще ничего знать не может.— Галя выбиралась из стресса, куда ее ввергнул супруг, медленно, но неуклонно, как по спирали выбиралась,— а деньги, которые он тут проел, ему же на пальто были отложены. Вот тебе, Алексей, и будущее.— Она наконец оставила Авангарда в покое.— Теперь будешь в старом пальто куковать. А если еще раз кому скажешь, что в сторожа пойдешь, или с кем таким свяжешься, я тебя выгоню! Да! Не сама уйду, а выгоню, и детей своих никогда не увидишь. Я тебя, Лагутин, через суд от них отлучу, так и знай, Лагутин.

И она зарыдала навзрыд, однако носом уже учуяла победу... Авангард вышел из комнаты. Молча мимо Любы, та была белее мела, и на вокзал — брать Лагутиным билеты домой по удостоверению участника войны.

Билеты Авангард отдал Гале, и она их приняла, конечно: во-первых, Авангард был виноват, что Лагутин пальто проел, а во-вторых, Галя для себя давно решила, что тот относится к ее мужу — безотцовщине,— как настоящий отец, а у родителей деньги брать не стыдно, на то они и родители. Она Тате с Лизочкой тоже будет все отдавать, когда вырастут. Авангард так и не увидел, как они шли по перрону, вяло доругиваясь, таща в руках двойняшек и вещи,— он уже ехал в Электросталь к брату. Лагутин добил его, когда Галя орала. Разве Алексей Лагутин — муж, мужик, если слова не проронил, а только носом шмыгал, как детсадовский, и клонил к коленям немощную свою акселератскую головенку?

Галя, несмотря на ограниченность времени, с помощью той же Любови Петровны успела-таки ухватить от столичной торговой жизни лыжи себе и Лагутину, детский велосипед — на вырост, электрическую мясорубку рижского производства — и для Москвы дефицит. Галя была хозяйка не в пример мужу, и двести рублей, торжественно врученные ей в Луцке, знала на что тратить для своей семьи. В купе они оказались одни: Авангард опять учудил, купил четыре билета! Москва еще тянулась вдоль железной дороги шупальцами бесконечных панельных кварталов, а может, это и не Москва была, хотя какая разница, но девочки уже посапывали, а Галя в импортном халатике ела Любин пирожок, аккуратно намазывая его маслом из банки, и запивала только что купленным молоком. Лагутин хмуро глядел в окно. Тогда Галя села рядом, повернула мужа к себе, и они стали целоваться.

В Электростали Авангард узнал, что брата его Авангарда Краснознаменского по полной его непригодности к самообслуживанию сдал в дом престарелых внезапно объявившийся племянник из Минска. А главный врач этого скорбного заведения, порывшись в документах, объявил, что Краснознаменский умер еще в апреле. Теперь стало понятно, почему не пришло из Электростали поздравление с Днем Победы.

Какая-то совсем старая бабушка повела его на кладбище. Он так и шел за нею, с тортом и букетом пионов...

Кладбище было новое — не выросли еще на этой земле густолистные деревья, да и сама земля была не черной, жирной, как положено, а сухая, вроде спрессованной пыли. Авангард положил на серый холмик пионы и стоял, все еще не веря кривым буквам на кладбищенской дощечке. Он отдал старухе, проводившей его к могиле, торт и деньги, какие у него при себе были — тридцать восемь рублей; сказал, что вышлет еще.

— Крестик поставим! — пообещала старуха.

— Креста не надо,— велел Авангард,— надо звезду.

— И звезду попросим,— быстро согласилась она и стала поправлять цветы на могиле, чтоб он убедился самолично — деньги не зря оставляет. Потом шла

за ним, хотя ей было в другую сторону — дом престарелых на окраине; Авангарду надо на станцию, но она не отставала. Просто как приклеилась да еще учила на ходу. А зубы ей, видно, вставлял местный мастер, бесплатно. И жарища была, а она все шла за ним, шла.

— Дома для старичков так надо возводить,— говорила старуха,— чтоб они как раз напротив сиротских стояли. Старички с детишками гулять станут, и какому старичку весело, и дитя под присмотром. Вот вы, сразу видно, партийный, вот вы и постарайтесь. Начальству своему докажите!

В автобусе Авангард задохнулся... Вместе с железным полом качнулась земля, и, замирая от невесомости, взлетело к самому небу бедное сердце Авангарда.

— Посадите дедушку! Поддержите его! — закричали пассажиры, когда неприметный пожилой дядечка в ковбойке и соломенной шляпе как птица замахал руками — это Авангард никак не мог поймать поручни в полете, не поймал и стал тихо клониться вниз. Шляпа из соломки упала...

Ему подали шляпу. Сунули валидол. Открыли окно пошире. Из автобуса он вышел сам, и, стараясь поровней и потверже ставить ноги, так, ножка за ножку, как детей своих в малолетстве учил ходить, так — десять шагов по солнцепеку — до первой скамейки в пристанционном сквере, потом до второй, с передышками, и к третьей, спасительной, которая в тени. Тут он сел и стал дышать — вроде получалось дышать, а что слаще воздуха — и, надышавшись, застыл сумрачным изваянием рядом с вечным гипсовым пионером.

А в Москве, куда он вернулся ночью, у Любы ждала его прилетевшая на два дня Светлана Авангардовна, и почему-то профессор был с Васей, который металлист. И обрадовались они ему, как подарку. Он это им и сказал, но обе женщины были с заплаканными глазами, а на столе рядом с тортом «Птичье молоко», который Светка привезла, в Новогорске давно уже по столичному примеру выпускали такой торт,— душили его, правда, слишком. Рядом с тортом, как вещественное доказательство его, Авангарда, преступного легкомыслия, лежало невостребованное направление в Центр.

— В чемодане рылась? Нехорошо,— сказал он дочери, но уж больно та страдала, и он подмигнул ей:

— Ладно, собирай вещи! Пойду сдаваться.

А профессору — знай наших! — профессору:

— В этой жизни умереть не трудно...

И опять обступило Авангарда будущее. Обступило, обхватило, заграбастало. Нацелились на его жалкую плоть компьютеры и электронные пушки. Померк свет. И зажглись фосфоресцирующие циферблаты, задрожали стрелки, замигали лампочки, и рослое существо с вялыми, теплыми руками стало его вертеть, поворачивать в разные стороны, а потом повлекло за собою в пахнущую грозой черноту, где вспыхивали электрические искры. Он послушно взгромоздился куда-то, поддерживаемый этими же, знающими, что ему нужно делать сейчас, руками и лег, покорный, на что-то жесткое горизонтальное и закрыл глаза. И все то, живое и живущее, что составляло кровь и жизнь нашего героя, было измерено до какого-то одного ничтожного лейкоцита, просвечено, подсчитано, записано на перфокарты и брошено на весы.

И пока весы еще колеблются, а существо с розовым пластмассовым лицом разматывает бесконечные бумажные ленты, он курит свой «Памир» сперва в роскошном туалете Центра, потом в уголке под лестницей. Он одет, как на парад или праздник, в чешский, даренный Светкой костюм, который ему безнадежно велик в плечах, но крахмальный ворот рубашки туго стягивает горло. И еще Авангард в галстуке, а на лацкане — наградные колодки. Он стряхивает пепел, и руки его дрожат... Что ожидало его? Он этого не мог знать, поскольку, откроем тайну, этого не знал и врач, который все еще медлил над компьютерным заключением.

А Авангард курил и думал, что вот Валентин Генрихович зря ждет от него весточки...

Новогорск далеко. Сшибаются над ним различные ветры, сухие — азийские и влажные — из России. Зимой приходит холод с Океана, летом закручиваются над желтой землей колючие вихри. Снег в Новогорске — черный, зелень по осени — серая. Это дымит на последнем издыхании родная Роза Люксембург. В узбекской тюбетейке Валентин Генрихович идет, простукивая палочкой вспухший по весне асфальт, по той стороне улицы Мира, где лежит на тротуаре утлая тень от карагача. Конспирацию развели, хотели, чтоб тайна, поэтому до востребования, поэтому по два раза ко дню спрашивает на почте бывший главбух комбината корреспонденцию на свое имя, а потом вежливо, склонив лысую голову: «Благодарю за беспокойство!» Красиво говорит по-русски Валентин Генрихович. Сердце Авангарда заболело — это он вспомнил о Лагутине, подкаблучнике и слабаке. Она еще едет в Новогорск, спортивная семья Лагутиных. Сам, конечно, лежит на верхней полке в синих трикотажных штанах и по обычаю своему читает или мечтает, задрав к потолку вихрастую аксельратскую головенку. И как это в такое, тощее существо, как молния, ударила гениальность? Светланка прилетит в Новогорск раньше их. Авангардовна любит скорость и чтоб все было по-современному. Красивая у него дочка. А что у нее, у Светки, есть, кроме отца? Один Дворец культуры. С ревизиями. Пока на свете живет Авангард, Светка — дочка и, в общем, баба нестарая. Вон как заблистал очками профессор, когда увидел рыжеволосую пышную Авангардовну. Это так он величает Любкиного Игорька, а вообще-то он все равно ему Игорек, как бы Лиля рот ни кривила. Он его еще на плечах таскал, нес через Красную площадь, а тот, вцепившись в дядькину шею, флажком намахивал трибунам. И тут Авангард стал думать о Любе. Она, конечно, будет ходить к нему сюда, носить компоты и все другое, что понадобится. Но он этого не хотел. Лучше бы он ее сводил куда-нибудь, в кино или даже в ресторан. И еще он подумал, что таких жен, как была его Зина или вот Васина Люба, таких больше нет. Не рождаются больше такие женщины.

И тут грохнуло!

— Краснознаменский!

Больных здесь вызывали через громкоговоритель. Он сперва как не услышал, потом, поспешно выбросил курево и, подняв плечи к ушам, под перекрестными взглядами лиц обоего пола, как космонавт, вступил на ковровую дорожку. Он еще прошел по ней шагов двадцать и успел подмигнуть медсестре в голубых шальварах, которая уже раскрыла перед Авангардом высокую дверь, но помедлив мгновение, круто развернулся и зашагал на выход, потому что в старой жизни у него осталось слишком много.

И запели в вышине пионерские горны, забили барабаны, выкрикнул вожатый осипшим голосом:

— Раз-два! Раз-два!

— Кто ровесник Октября?

— Я — ровесник Октября!

— Раз-два! Раз-два!..

И, верно, оценив его выбор, благосклонная теперь судьба улыбнулась нашему герою.

...Вот он стоит перед Авангардом. Поседевший, постаревший, единственный на свете. Брат. Авангард Николаевич Краснознаменский. Технолог из Ленинграда. В сбившемся от столичной спешки галстуке, с необъятным портфелем командировочного под мышкой. И улыбка, как на том фото.

— Зубы вставил, черт,— говорит наш Авангард. И кидается первым, и замирает у того на плече. Все это происходит ввиду величественного фонтана «Дружба народов», и присутствующая здесь Любовь Петровна сморкается в платочек.

И если не летят по небу блестящие черные автомобили, все равно эти радужные картинки напоминают видения будущего по Авангарду Краснознаменскому где-нибудь на исходе трудных тридцатых, перед сороковыми роковыми...

О чем говорят эти три человека в последнюю свою встречу?.. Вот захмелевшая с непривычки от одного бокала Любовь Петровна признается, что она десять лет назад, в ресторане была, еще с Васей. А дети не зовут. И смеется, в общем, некстати, но ведь она, Люба, всегда так — или плачет, или смеется...

А Авангард Николаевич вдруг рассказывает про своего дядю, знаменитого конструктора первых дирижаблей, одинокого человека, в квартире которого жили родственники с детьми от разных колен. Квартира была похожа на коммуналку, так много народу в ней обитало, и дядя никогда не знал, чьи дети сидят на горшках в прихожей перед туалетом. А на кованом сундуке в коридоре спала сумасшедшая Маргоша, бывшая жена дяди, которая бросила его еще до той войны. Ночами она раскладывала пасьянс, а утром в бумажных папильотках шла через темный двор за молоком и булками для дяди, а потом снова ложилась на сундук, и ее длинное тело подрагивало во сне. И не замечая Маргоши, бегали мимо ее сундука многочисленные мальчики и девочки и играли в лошадки, как было принято тогда у детей, и, разогнавшись, иногда влетали в комнату, где за большим письменным столом работал конструктор дирижаблей. И, ловко поймав кого-нибудь, выскальзывающего, как уж, он спрашивал всегда с любопытством: «Ты чей?» Он кормил их всех, а потом умер в блокаду от голода...

А Люба — про маму. Как у них в тридцатом корову забирали. Ночку. Любиного отца и братьев на Восток отправили, а их с матерью пожалели. Мать больная была, и Люба при ней. А вот Ночку велели сдать.

А Ночка не идет с чужими, упирается, а потом на колени встала. Но ее все равно увели. А как утро и светать стало, в дверь кто-то торк. Мать всполошилась, Любу спрятала, велела в случае чего дворами убегать, а сама к окошку и топор в руках держит. А на улице — а рассвело уже — прямо перед крыльцом Ночка стоит, и веревка на шее оборванная. Выскочила тут мать из избы, обняла Ночку, и Люба выскочила, а Ночка увидела их, родных своих, и слезы у нее градом — и стали они тут вместе плакать. А Ночка прямо языком слезы Любины подбирала...

И Любовь Петровна наконец заплакала — глаза у нее, правда, были на мокром месте.

— Вот,— сказал торжественно расчувствовавшийся Авангард,— вот, она плакала из-за коровы, а теперь сын у нее профессор.

И добавил:

— Революция дала нам все, Люба!

А чтоб Люба быстрей смеяться стала, про Любу рассказал, какая она была красавица, просто Любовь Орлова. Вылитая! Честное слово. Он, Авангард, как раз за год до войны в Москву приехал, и с вокзала прямо к брату Василию, а Василий тогда жил на Маросейке.

— На Маросейке,— грустно подтвердила Любовь Петровна,— теперь имени Богдана Хмельницкого.

— А! А я думал, куда она подевалась, Маросейка? А она имени Богдана Хмельницкого,— счастливо глядя на Любу говорил Авангард,— ну, вот, звоню, а было рано еще. Совсем-совсем утречко! Звоню, а на звонок мне старушка открывает... Маленькая такая, а въедливая! И все-то ей надо знать — и к кому я, и кто. «Бабуся,— говорю,— что такое комсомол, слыхали? Значок на груди — вот он. Среди комсомольцев, бабуся, бандитов нету!» А она за мною по коридору шпарит. А я у Василия уже был, комнату его знаю, стучусь к нему, а бабушка прямо из-под руки. «Не будите, он,— говорит,— вчера женился». А?! Каков! А тут дверь открывается, а на пороге... Да! А коса до пояса. А глаза! Любовь Орлова. Голос певучий: «Вася, это к тебе!» А Вася ее еще храпака задавал на раскладушке. А на вас, Любовь Петровна, было пальто. Я и сейчас помню — такое синее, драповое. Васино. И босиком вы были. Руку протянули мне — Любовь!.. Ну, думаю, может, правда, Орлова. А я ей — Авангард.

И наш Авангард все-таки рассказал, что больше всего любил рассказывать, как в августе тридцать пятого они всей бригадою на строительстве комбината имени Розы Люксембург взяли одинаковые имена, и все семеро стали Авангардами Краснознаменскими. Чтоб, когда придет мировая революция, которая освободит всех угнетенных, всех обездоленных, всех несчастных и построит на земле светлое Царство Труда, Правды и Справедливости, где не будет ни горя, ни болезней, ни самой смерти, и все люди будут просто как братья и сестры, так вот, когда придет эта самая Великая и Последняя Революция, всегда быть в авангарде, и под Красным Знаменем, как велит выбранное имя.

— А скажите, Авангард Николаевич,— вдруг спросила Люба ленинградского Авангарда,— какое у вас настоящее имя?

— Настоящее,— тот даже не понял, а потом заулыбался, как он это здорово умел,— а, вот вы про что, Любовь Петровна... Знаете, родители меня назвали Евграфом, а дома я был Граней. А когда мы стали Авангардами, я все равно остался Граней. Авангард-Граня. Дома, конечно. Время такое было, Любовь Петровна, сами понимаете.

— Понятно.— Люба кивнула.— Скажите, пожалуйста,— лицо ее стало хитрым-хитрым,— а как нашего зовут?

— Не говори! — крикнул Авангард с таким отчаянием, что бывший Евграф смутился.

— Вот дурак! — сказала в сердцах Любовь Петровна, но провожать поехала все равно — сперва одного Авангарда на Ленинградский, а потом — своего — на Курский.

И когда Авангард отнес чемодан в купе и плащ с пиджаком тоже, и стоял перед Любовь Петровной, как приехал в столицу для борьбы — в ковбойке и соломенной шляпе — только галстук был, потому что на вокзале, где поезда дальнего следования, всегда торжественно в мирное время, особенно если билет у тебя есть,— поняла Любовь Петровна, что видит Авангарда Краснознаменского в последний раз, и нездешний свет полыхнул по худому лицу навсегда отъезжавшего Авангарда. Дернулись вагоны, Авангард вскочил на подножку, и Люба пошла, торопясь, рядом с начинающими свой многодневный путь колесами, а еще совсем близкий Авангард, нелепо высовываясь из-за плеча недовольной проводницы, тревожился: «Осторожно, Люба! Не споткнись, Люба!» А потом, странно морща губы: «До свидания, Люба!» А поезд набирал ход, и тогда наконец, совсем наконец догадалась Любовь Петровна, догадалась, а может, вспомнила, с запоздалым прозрением крикнула:

— Прощай, Ваня!

И по тому, как Авангард зачем-то снял шляпу и махнул рукой, мол, что там, или: вот, бабы, но все равно стало понятно, что догадалась. Иван. А фамилия? Фамилия, как у Любови Петровны. Они ведь родственники по мужу — Шумаковы они.

ПОВОРОТ

20-е годы, эпоха нэпа. История этих лет по-настоящему еще не написана. Вряд ли какой-либо другой период советской истории вызывал столь противоречивые оценки и суждения.

Утрата революционных идеалов, спад и уныние на фоне торжества новой буржуазии — таким видели нэп многие современники. Возможно, подсознательно возникала какая-то аналогия с термидором. Действительно, у этих двух периодов немало общего: ослабление революционного натиска, появление новых богачей, социальное расслоение, упадок общественной морали.

До поры до времени почти все большевистские руководители понимали необходимость и неизбежность нэпа. «Без свободного рынка,— писал Троцкий в 1922 году,— крестьянин не находит своего места в хозяйстве, теряет стимул к улучшению и расширению производства». «Оказалось, что мы придем к социализму только через рыночные отношения»,— утверждал Бухарин в 1925 году.

Ускоренное развитие тяжелой промышленности, госкапитализм в городе с привлечением иностранных предприятий, концессии, кооперация в деревне и постепенный переход к социалистическим формам хозяйствования — этот курс на первом этапе нэпа, казалось, восприняло большинство членов партии, хотя многие и рассматривали такую политику как вынужденную меру.

Подъем экономики начался к концу 1922 года. Уже в 1927 году удалось превзойти довоенный объем производства промышленной продукции. Зарплата в промышленности также достигла довоенного уровня. В 1925 году уже вновь возделываются все ранее заброшенные земли. И все это без займов и какой-либо существенной помощи извне. Посредством нэпа было восстановлено в максимально короткие сроки разрушенное хозяйство, насыщен потребительский рынок, ликвидирована угроза голода в деревне.

Перед руководителями страны тех лет стояло немало вопросов. Каковы оптимальные темпы социалистического строительства? Как долго продлится период мирного сосуществования с капиталистическим миром? Насколько опасно укрепление капиталистических элементов, не грозит ли оно буржуазным перерождением страны?

По вопросу о ресурсах социалистического строительства мнения в партии разделились. Бухарин видел два пути решения проблемы: повышение производительности труда и сокращение непроизводительных расходов, постепенное накопление в деревне. Можно развиваться только теми темпами, которые вытекают из реального экономического положения страны, искусственно форсировать промышленное развитие — бесперспективное дело. Однако такой подход не устраивал

В мясном отделе продовольственного магазина Москвы в годы нэпа.

Выдача продуктов членам сельскохозяйственной коммуны. 1925 г. В годы нэпа коллективные хозяйства не получили значительного распространения, доля коммун, совхозов и колхозов была крайне незначительна, они состояли главным образом из бедняков.

Спецраспределитель ОГПУ. 1928 г.

Первая продукция колхозных хозяйств.

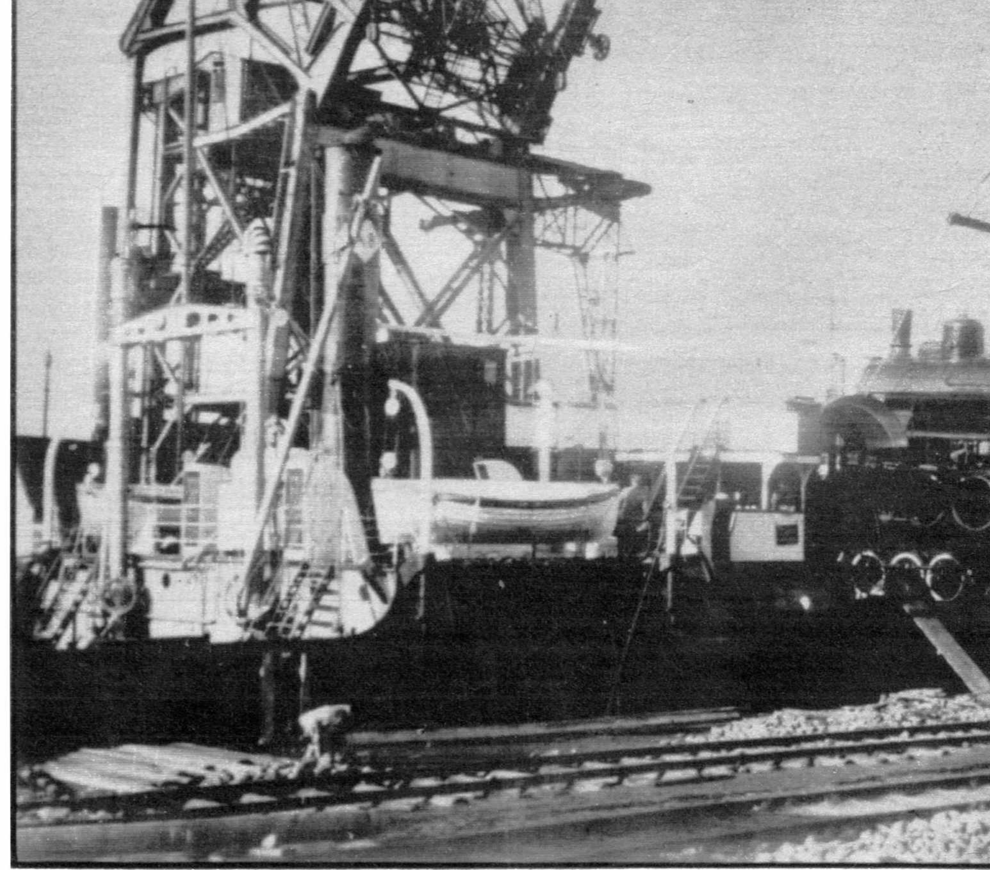
Москва, 1928 г. На бирже труда. В 1927—1929 гг. общее число безработных по стране превысило один миллион человек.

многих. И вот уже появляется теория «неэквивалентного обмена», то есть перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность, которая будто бы неизбежна для периода «первоначального социалистического накопления», согласно терминологии автора этой теории — экономиста Преображенского. Данную концепцию впоследствии возьмет на вооружение Сталин и доведет до экономического абсурда, разрушив тем самым все достижения нэпа.

Крушение нэпа связано еще и с тем, что относительная свобода в экономике сопровождалась свертыванием демократизации в политической сфере.

Стала набирать силу теория обострения классовой борьбы. Даже Бухарин

Автомат для продажи папирос. 20-е годы.

Выгрузка иностранных паровозов в Петроградском порту. 1923 г.

В меховом отделении Торгсина. Москва. 1932 г.

Выселение семьи кулака. Одесская область. 1930 г. Статистика 1926—1927 гг. относила к «кулацким» 5 процентов крестьянских дворов, или около 1,2 млн. По официальным сообщениям, с начала 1930 г. по осень 1932 г. было выслано более 240 тыс. кулацких семей. Согласно подсчетам Роя Медведева, в 1930—1932 гг. было выслано 6—7 млн. кулаков и 3—4 млн. т. н. «подкулачников». Сталинская задача «ликвидации кулачества как класса» на основе сплошной коллективизации была выполнена.

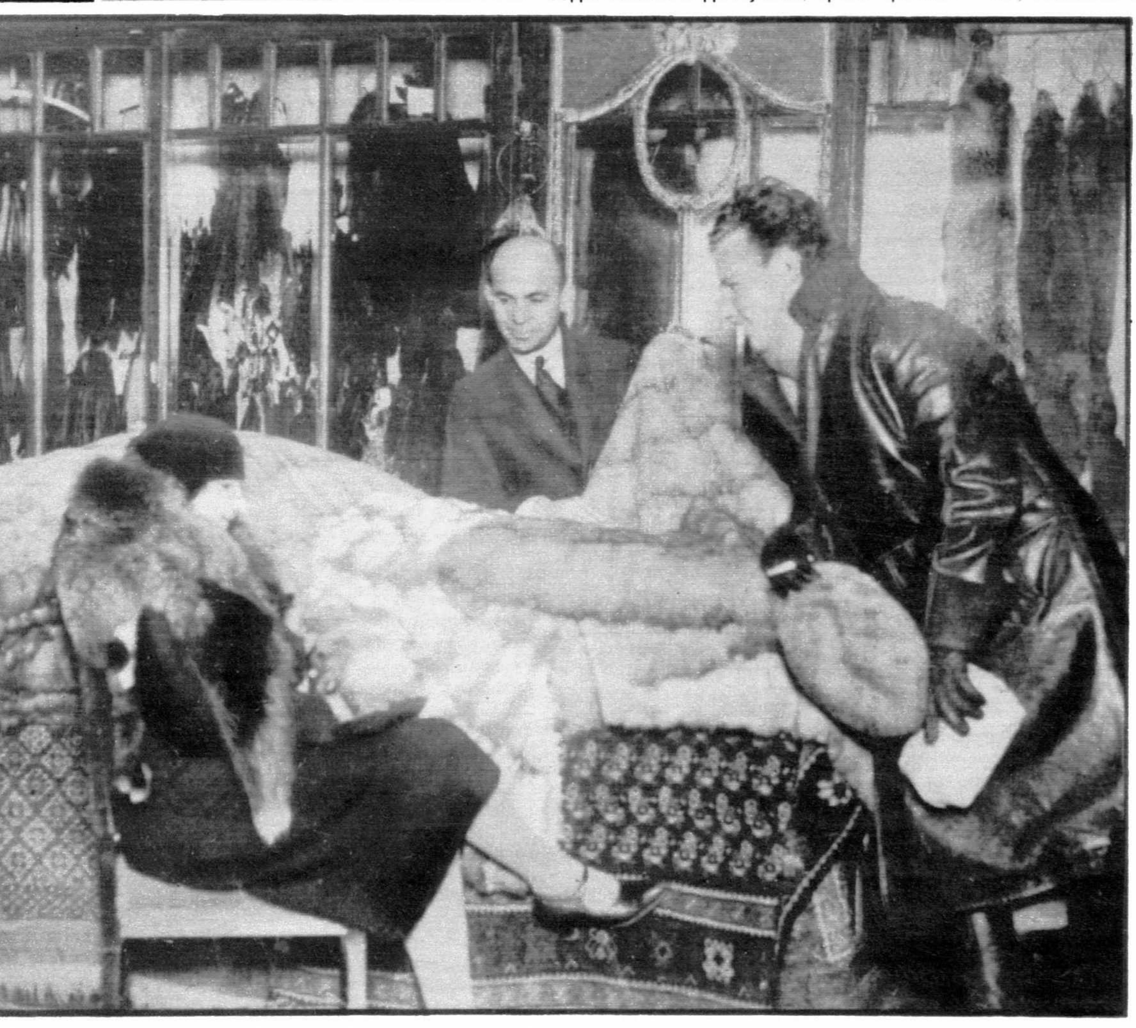
в 1928 году не исключал возможности такого обострения. В самой партии свертывание демократии в те годы шло последовательно и неуклонно, от съезда к съезду. Еще на XIII съезде один из делегатов заявил: «Когда мы дадим возможность всем голосовать, разведем демократию, тогда наша партия начнет разлагаться, как разлагались когда-то эсеры».

Умело играя на противоречиях, Сталин шаг за шагом укреплял свою власть в партии и стране. Вожди сменяющих друг друга оппозиций, оказавшись в меньшинстве, неизменно становились самыми пламенными сторонниками внутрипартийной демократии. Накануне X съезда Коллонтай, возглавлявшая «Рабочую оппозицию», настойчиво требовала полного осуществления всех демократических принципов. Широкое распространение информации, свободы мнений и дискуссий, право критики внутри партии и среди членов профсоюзов — вот решительные шаги, которые, по мнению Коллонтай, могут положить конец господствующей бюрократической системе. Впоследствии на позиции защиты широкой внутрипартийной демократии будут последовательно переходить Зиновьев, Каменев, Троцкий, Бухарин, Рыков.

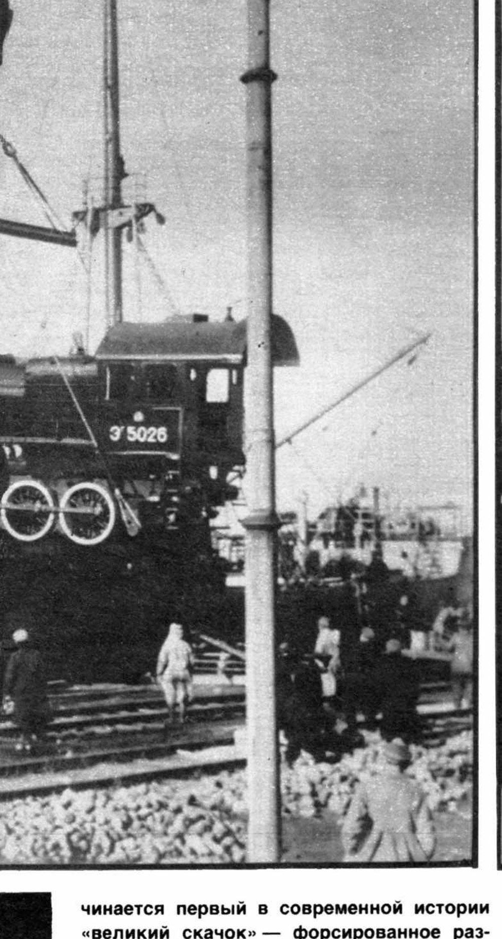
Тягостное впечатление производит «борьба с оппозицией» на XV партийной конференции и XV съезде партии. Выступления представителей оппозиции прерываются невообразимым гвалтом, выкриками «позор», «контрреволюция», «кончай, довольно», «из партии исключать пора» и т. п.

Решительный поворот во внутренней политике намечается к 1927 году. Принято считать, что нэп ликвидировал Сталин, но еще раньше многие руководители страны, опасаясь возможных негативных последствий нэпа, намечали его постепенное свертывание. «Свобода торговли, в известных пределах нами сохраняемая... есть основа нэпа»,— заявлял Зиновьев с трибуны XIII съезда. Это уже явный шаг назад, отход от ленинских идей о госкапитализме как основе нэпа в городе и кооперации как главном элементе этой политики на селе. Еще не развернув всех возможностей нэпа, ведущие руководители страны уже испугались его последствий.

В 1927 году начинается общий кризис. «Период «мирного сожительства» отходит в прошлое»,— утверждает Сталин в своем выступлении на XV партсъезде. Вновь, как и в эпоху военного коммунизма, терминология выступлений партийных руководителей напоминает военные сводки; говорят о заготовительном фронте, чрезвычайных мерах, беспощадной борьбе против классовых врагов. Одновременно на-

чинается первый в современной истории «великий скачок» — форсированное развитие тяжелой индустрии. Иностранцев поражает не только размах великих строек и массовый героизм простых рабочих, но и отсутствие самого необходимого, огромные потери, хаос, бесхозяйственность и неразбериха. Один за другим оказываются «разоблаченными» органами ОГПУ «вредители» в различных отраслях промышленности. За «шахтинским делом» следует череда более мелких процессов, которые завершаются судилищем над «Промпартией». В обвинительном заключении по этому делу говорится: «Одна за другой в целом ряде отраслей промышленности за истекшие два года раскрывались усилиями ОГПУ вредительские организации... За вредительством на транспорте последовало раскрытие вредительских организаций в военной, текстильной, судостроительной промышленности, в машиностроении, в химической, золотой, нефтяной и др. отраслях промышленности».

Процесс «Промпартии» — это не репетиция будущих «процессов ведьм», как это иногда утверждается,— это уже сталинский политический процесс, проведенный по всем канонам. Фантастические обвинения — массовое вредительство, связь с французским генеральным штабом, планы распродажи СССР иностранным державам. Зловещая фигура Вышинского. Поразительная готовность обвиняемых сотрудничать с обвинением. Беспомощность защитников.

По тем же правилам, что и впоследствии, нагнетается массовая истерия «единодушного одобрения». Как всегда, на месте Безыменский:

Построятся в ряд боевые года,
Привстанет на миг председатель
суда,
И голосом тысяч рабочих колонн
Потребует список враждебных имен.

Позднее на вредительство будут списывать все провалы, а Каганович дойдет до утверждения, что троцкистские, фашистские и японские агенты проникли во все звенья возглавляемого им наркомата.

Но это будет потом. А тогда, в 1930 году, заканчивался последний этап слома нэпа, политики, так и не обретшей четких очертаний, а потому не поддающейся однозначной оценке. «И если мы придерживаемся нэпа,— говорил Сталин,— то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к черту». Сталин так и не смог заставить нэп в полной мере служить делу социализма. Было ли это вообще возможно? Были ли «троцкизм» и идеи Бухарина альтернативой сталинизму? А может быть, была еще какая-то альтернатива? Эти вопросы так и остаются без ответа.

Н. ГУЛЬБИНСКИЙ

Обвиняемые по «шахтинскому делу». Москва. 1928 г. Первый крупный процесс над «вредителями» в промышленности. К делу было привлечено 50 советских горных инженеров и три немецких специалиста, работавших консультантами в угольной промышленности Донбасса. Вынесено пять смертных приговоров. Сразу после процесса было арестовано не менее двух тысяч технических специалистов. На процессе председательствовал А. Я. Вышинский.

Колонный зал Дома союзов. Москва. 1930 г. Специальное Присутствие Верховного суда СССР, рассматривавшее дело «Промпартии». Председатель Специального Присутствия — А. Я. Вышинский (в центре).

Подбор фотографий подготовила сотрудница ЦГАКФД СССР В. БОРИСОВА.

ЗАТМЕНИЕ

Анатолий ГОЛОВКОВ **Фото Игоря ГАВРИЛОВА**

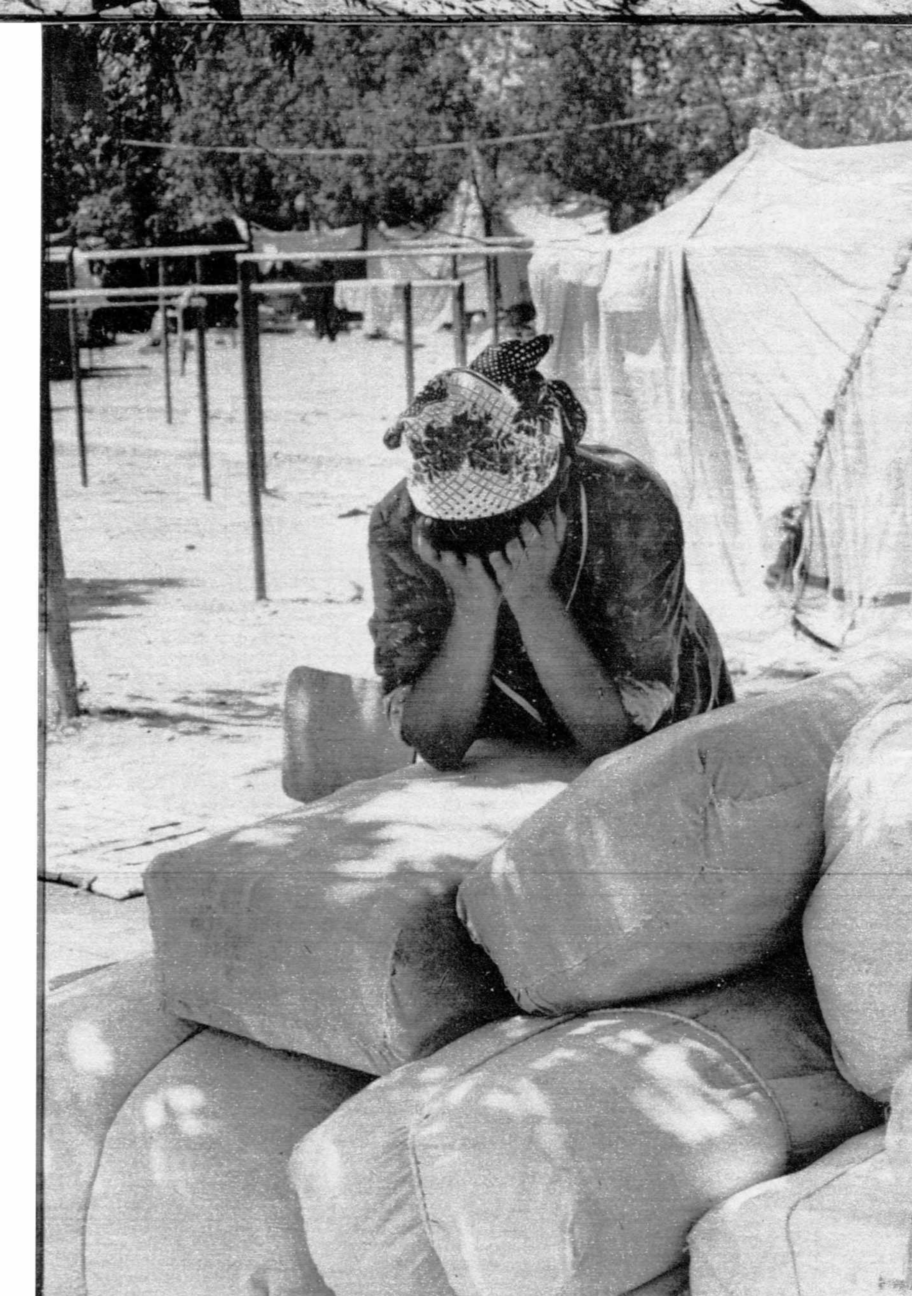
Пишу, а вслух слова не выговариваются, застревают в горле. Неужели такое — в Узбекистане, который стал домом для многих народностей, который всегда славился добротой и гостеприимством? Нет, я не о «дастарханной дипломатии», когда местные сиятельные вельможи потчуют московских в тени чинар. Я о том, что сам многократно видел и испытал: если в семье узбекского дехканина осталась всего одна лепешка, он разломит ее на половинки, поделится с гостем... Я не о тех, кто за годы приписок и тотального воровства нахапал миллионы и теперь не знает, как их «отмыть», кто по-прежнему норовит сунуть сверток с банкнотами первому же инспектору угрозыска... Я о тех, кто оказался в положении безгласности, беззащитности. У кого одно право — гнуть спину на хлопковых плантациях по 14—16 часов в сутки, право влачить существование на выжженной земле, на дне убитого Арала; о тех, кого десятилетиями воспитывали в духе преданности, покорности мелкому и крупному начальству... О девушках, которые, выйдя замуж, вынуждены рожать столько детей, сколько выдержит организм, а потом едва сводить концы с концами — аборты запрещены Кораном. О женщинах, которые, попав в невыносимые условия жизни, обливают себя бензином и подносят горящую спичку к одежде... Я — о диковинной разновидности жизни под красными знаменами.

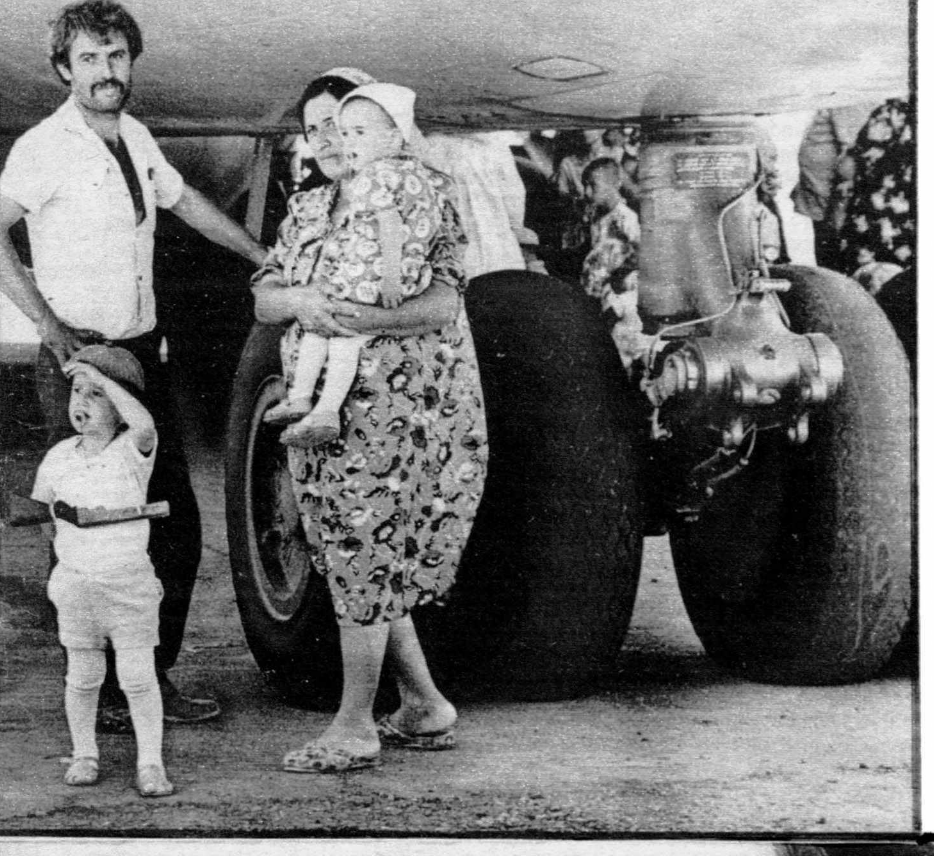
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ ГЕНЕРАЛА

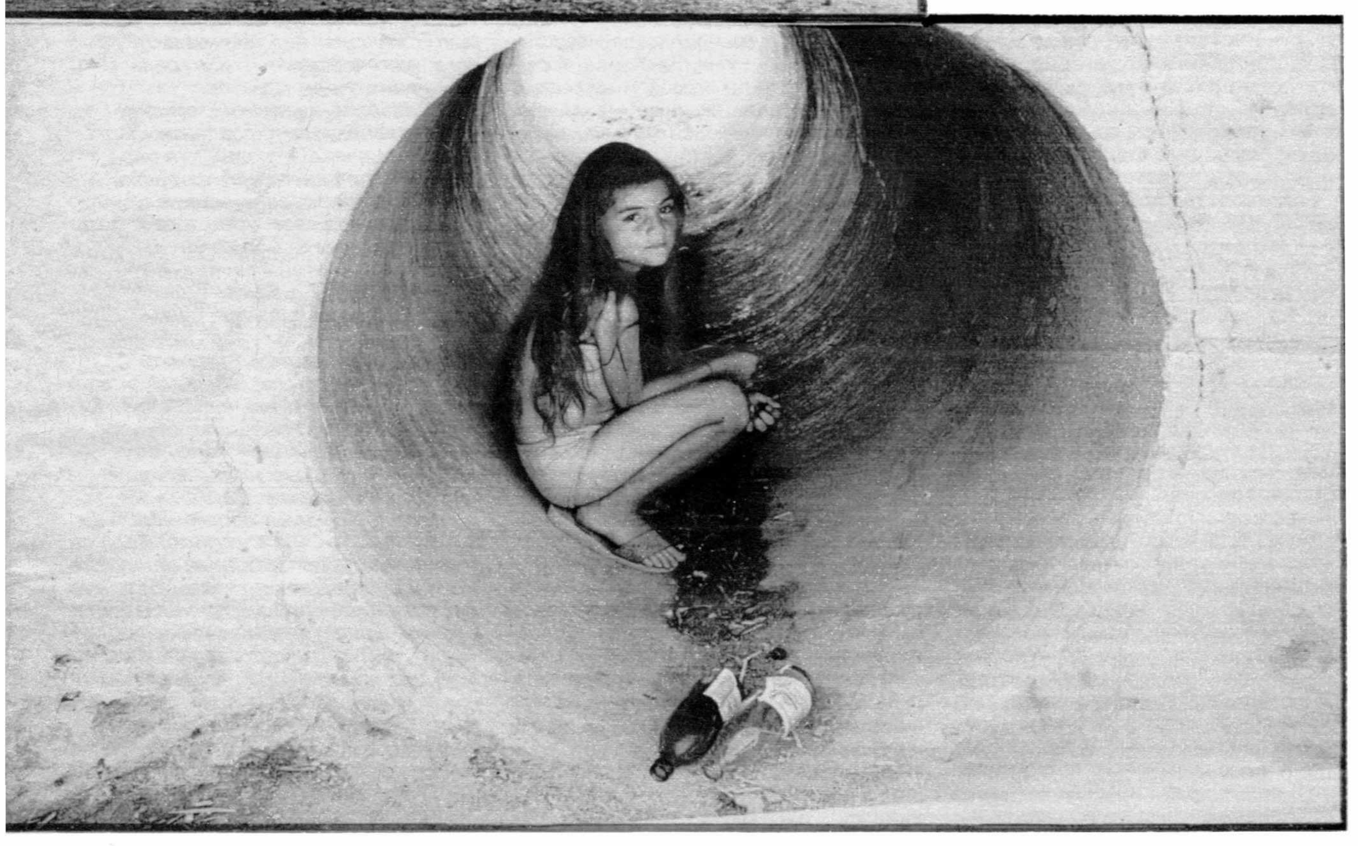
Если теперь, по прошествии месяца после начала трагедии, перечитать строчки официальных заявлений по поводу Ферганы, вновь возникнет ощущение, что для местного руководства события явились полной неожиданностью. «Все началось с незначительных конфликтов, я бы сказал, бытовых ссор...» С «тарелки клубники», опрокинутой на рынке и ставшей причиной «вандализма узбекской молодежи»...

Разумеется, оценки изменились. О «клубнике» стало уже просто неприлично вспоминать, когда на стол легли отчеты о погромах. На 19 июня обнаружено трупов — 98, в том числе турок-месхетинцев — 69, узбеков — 19, таджиков — 1, неустановленных — 9. Сожжено 753 жилых дома, 27 государственных объектов, 275 единиц транспорта. Изъято оружия — 8 970 единиц. Вывезено в области РСФСР 16 282 турка-месхетинца. Во время боевых операций пострадало 136 военнослужащих внутренних войск, 57 работников милиции, 41 человек госпитализирован. И все-таки пришла пора отвечать перед народом на вопросы типа «какая уж тут клубника, если, судя по размаху бесчинств в Ферганской долине, произошло нечто вроде гражданской войны?».

Первый секретарь Ферганского обкома партии Ш. М. Юлдашев полгода назад сменил арестованного предшественника — Умарова. «Когда впервые осознал то, что произошло,— сказал Юлдашев корреспонденту

«Правды»,— не скрою, мысль об отставке возникла. Потом более трезво обдумал. Как расценить поступок капитана, покинувшего корабль в сложнейшей аварийной ситуации?.. Поймите, я за кресло не держусь. Да и домашние, наверное, вздохнули бы облегченно...»

Замечательная вещь — коллективная ответственность! И вправду сказать, какой спрос с «капитана», если не он сам, а его «команда» оказалась не в состоянии обеспечить безопасность туркам-месхетинцам?

Наверное, в связи с многолетним взаимопроникновением культур узбекистанские бюрократы так хорошо усвоили русскую пословицу: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. А пророков не жалуют во всем нашем обширном Отечестве, не только в Узбекистане. Уж коль скоро наверху «сложилось мнение», то худо пророку: хочешь — бейся головой об стенку, хочешь — пиши в высшие инстанции, хочешь — лезь на амбразуру...

Да, я, если можно так выразиться,— о пророке.

Первый заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР, генерал-майор милиции Э. А. Дидоренко был направлен в Ташкент для борьбы с организованной преступностью в 1984 году. Как он выразился сам, «сразу после XVI пленума ЦК Компартии республики, наконец-то оборвавшего сеанс гипноза». И, надо сказать, был принят без особой радости. Какая уж тут радость, если Эдуард Алексеевич первым делом принялся за кадры. 114 сотрудников уголовного розыска подлежали увольнению, более 30 процентов — аттестованы условно. Стал Эдуард Алексеевич «неудобным».

Тем не менее за пять лет работы Дидоренко и его товарищей в Узбекистане разоблачено 20 бандитских формирований, выявлено и обезврежено 7 тысяч преступных групп, которые совершили более 14 тысяч преступлений. У бандитов было изъято 300 единиц оружия, 500 килограммов наркотиков, около 100 автомашин, а также денег и ценностей на сумму свыше 15 миллионов рублей.

Можно сколько угодно полемизировать по результатам деятельности угрозыска МВД Узбекской ССР, но глупо было бы думать, что после удара по коррумпированным кругам и мафии последние не предпримут ответных шагов. Они не заставили себя долго ждать. И Дидоренко заметил, что на смену «привычному» противодействию следственным органам, угрозам и шантажу пришла сладкая, «прорашидовская» демагогия, заигрывание с населением по поводу национального вопроса. Узбекской общественности келейно и печатно внушалась мысль, что во всем виноваты «европейцы», направленные в республику для наведения порядка.

Эдуард Алексеевич несколько раз высказывался об этом на заседаниях Бюро ЦК Компартии Узбекистана, писал письма в Москву... Наконец, 23 февраля 1989 года дал интервью «Ташкентской правде» — «По дороге в тупик ведут те, кто обостряет национальные отношения». И сказал все, о чем мучительно думал последние месяцы.

Например: «Все настойчивее звучат заявления о том, что Узбекистан быстрее справится со своими проблемами, если приезжее русскоязычное население покинет его пределы». Некоторые маститые ученые, писал далее Дидоренко, преследуют цель «отвлечь внимание общественности от разоблачительных процессов, негативных явлений прошлого и сегодняшнего дня, попытаться в какой-то мере обелить, если не реабилитировать Рашидова и его последователей». И еще: «Сейчас многие стараются стричь купоны с весьма чувствительного национального вопроса. Каждая неформальная группировка хочет поставить под свои знамена не только максимум сочувствующих, но и присоединить уже сформировавшиеся в своем мировоззрении антисоциальные элементы, располагающие широкими связями в различных слоях общества».

Что за этим последовало — нетрудно угадать. Через день, 25 февраля, «Правда Востока» напечатала анонимный ответ, придав ему видимость редакционной статьи. Ее перепечатали некоторые местные газеты. На Бюро ЦК Компартии Узбекистана Эдуарду Алексеевичу намекнули, чтобы он воздержался «от написания статей с политической оценкой межнациональной ситуации в республике».

— Многие партийные работники,— вспоминал генерал-майор Дидоренко,— по глазам видел, сочувствовали. Другие спрашивали: «И зачем тебе только нужно было такое обнажать?» Третьи предпочли остаться наблюдателями, четвертые публично, на собраниях, как в сталинское время, стремились откреститься как от меня, так и от содержания моего интервью. Я уже не говорю о том, что пришлось пережить журналистам...

Под предлогом, что интервью якобы «шельмует национальные кадры», размножается в самиздате, предложили вернуться в Ворошиловград. Дидоренко стал «персоной нон грата», вокруг него образовался политический вакуум. По его собственному признанию, это напоминало состояние пассажира, которого активно подталкивают к отлетающему самолету. Но тут грянули события в Ферганской долине, и Эдуарда Алексеевича назначили начальником объединенного оперативного штаба по расследованию преступлений.

ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

На чем же основывались предостережения генерала? Вст хроника из некоторых материалов, любезно предоставленных «Огоньку» Министерством внутренних дел Узбекистана.

4 декабря 1988 года. Многотысячный митинг в массиве Тансыкбаева в Ташкенте. На транспарантах лозунги: «Русские, уезжайте в свою Россию, а крымские татары сами уберутся в Крым!»

Конец декабря. Активизируется реакционное движение мусульман «ваххабистов» в Ферганской долине. Программа: очищение ислама, ограничения прав женщин, создание исламской армии... В городах Намангане и Учкургане проводятся многочисленные сборища панисламского направления.

14 декабря. В Андижане изъяты листовки на узбекском языке со следующим призывом: «Внимание, дорогие друзья! Если вы являетесь истинными сынами узбекского народа, не уступайте русскому народу... Они забыли, что в тяжелые годы приехали без штанов. Этому свидетели все узбеки. В Узбекистане им нет места. Давайте сплачиваться и объединяться!»

18 февраля 1989 года. В Куйбышевском районе г. Ташкента группа молодых рабочих-узбеков, около 100 человек, вооруженная палками, обрезками труб и камнями, попыталась учинить расправу над лицами неузбекского происхождения. Попытку удалось пресечь силами милиции.

23 февраля. В Ташкенте возле завода «Ташсельмаш» более сотни узбеков блокировали движение трамвая, принудили выйти наружу 20 пассажиров, избили их, выкрикивая: «Русских зарежем! Русские в Узбекистане всем надоели, их нужно вешать на фонарных столбах!»

22 апреля. Драка между студентами коренной национальности и иностранными студентами, обучающимися в СССР, возле общежитий №№ 84 и 85 Ташкентского вузгородка, в которой приняло участие более 1000 человек. Раненые с обеих сторон, причинен значительный материальный ущерб.

23—24 мая. Столкновения между узбеками и турками-месхетинцами в г. Кувасае Ферганской области. С 3 июня начались массовые беспорядки на основе межнациональной неприязни.

Этот, конечно, далеко не полный перечень фактов, из которых можно понять, что примерно со второй половины прошлого года в республике стали преобладать националистические настроения. Но почему же все-таки лозунг «Узбекистан — для узбеков!» нашел столь широкий отклик среди различных групп населения, особенно молодежи?

Прежде всего «нашли друг друга» определенная часть узбекской интеллигенции, которой, во всяком случае на данном этапе, не по душе интернационализм и которая лелеет мечту о создании «мусульманской республики», и коррумпированные круги бюрократии, сильно напуганные активностью след-

ственных групп и бригад из Москвы. Они-то, очевидно, и представляют собой разветвленный «теневой штаб противников перестройки», о котором писал Дидоренко. Способ воздействия на массы этому штабу упростила сама перестройка, когда стали возникать неформальные объединения. В Ташкенте это «Узбекистан» и «Бирлик». Конечно, не все члены «Бирлика» думают и говорят одинаково. Но, к сожалению, некоторые «неформалы» «Бирлика» и «Узбекистана» компрометируют благородные устремления своих коллег обширными контактами с реакционной и уголовной средой. Они ведут активную работу и среди националистов Каракалпакии, и среди «ваххабистов» Наманганской области, и среди верующих мусульман Андижана.

Их охотно слушает молодежь. Подростков они соблазняют идеей подрыва советской государственности и созданием собственного национального образования. Студентов — «спасением» узбекского языка. Рабочих — пропагандой о мнимых привилегиях русскоязычного населения. Крестьян — обвинениями в адрес всех лиц некоренной национальности, которые якобы «сидят на шее» у бедных дехкан... Ну как тут не прислушаться, как не прельститься на такой ясный, простой способ решить одним махом все проблемы! Сама рука потянется к дубине! Предложить убраться «неузбекам» восвояси (а если не уберутся — устроить локальную резню), чтобы уже затем спокойно, своим миром решить будущее Узбекистана в пользу отнюдь не советского, а панисламского «социализма», который, впрочем, простые узбеки весьма смутно себе представляют!

Мне уже как-то приходилось писать о том, какую мощную энергию несет в себе националистическая идея. Ни одна другая сила не способна сконцентрировать вокруг себя столь разных людей, особенно если они консолидируются по признаку одной религии. Ни одна другая сила не в состоянии столь эффективно воздействовать на сознание даже малокультурных, малообразованных людей одной национальности, если им показали «образ врага», а также путь, по которому (пусть и через трупы!) нация сможет достичь сияющих вершин всеобщего достатка и благоденствия! Но самое, пожалуй, печальное, что таким людям не объяснишь: освободившись от остатков сталинского тоталитаризма (рудименты которого до сих пор так и выпирают из-под перестроечных одежд) путем создания «панисламского государства», не идейные вдохновители националистических погромов, а в первую голову узбекский народ подвергнется еще большему унижению и бесправию и скорее всего окажется в еще более жестоком режиме.

Тем не менее ревнители «национальной идеи», преследуя свои цели с завидной последовательностью, понимают, что прежде всего Узбекистану требуется прочный союз всех мусульман.

В конце 1988 и начале 1989 года «эмиссары» из Ташкента встречались с лидерами Комитета по возвращению турок-месхетинцев на родину. «Вы мусульмане и мы тоже,— горячо убеждали они турок.— Объединимся же ради священной идеи!» Турки, посоветовавшись со своими аксакалами, отказались от «союза». Вот тогда им и намекнули на возможную расправу, дав время на размышление.

Между тем турок-месхетинцев вполне устраивает Советская власть, особенно в связи с надеждами, которые открыла политика перестройки, турки, с чаяниями и мечтами длиной в сорок пять лет вернуться на свою историческую родину, чтобы помочь ей духом и трудом, твердо стояли на своем. «Разве мы не советские люди? — рассуждали они, еще не ведая, что им вынесен приговор.— Разве государство не в состоянии нас защитить?»

А в это время на предприятиях Ферганской области уже приступили к массовому производству оружия — остро заточенных пик из кусков арматуры, ножей, металлических трубок, заполненных свинцом и связанных цепочкой, самодельных бомб, гранат, удавок, обрезов... Уже начальники «не замечали», как их подчиненные, побрив головы (басмаческий признак гнева и мести), готовили поддельные номера для грузовиков, нагло сливали в канистры государственный бензин, чтобы начинять им по ночам бутылки с зажигательной смесью... Уже были нарезаны разноцветные лоскуты для обозначения домов, чтоб не дай Бог не перепутать дом турка с узбекским... Уже были готовы списки **всех** турок-месхетинцев, проживающих в области... Разработан подробнейший план действий, составлены карты и схемы, настроены рации «радиолюбителей» для устойчивой связи между группами боевиков... Закуплены ящики водки, килограммы гашиша, намечены первые дома для поджогов...

Кто же это? Бандиты-уголовники? Мафия? Не совсем. Позже сотрудники МВД Узбекистана провели выборочное региональное изучение одной из групп: 18 процентов — интеллигенция, 27 — жители села (среди которых 97 процентов — члены одного колхоза), 13 — водители (в том числе более половины работают на одном автопредприятии). И только 20—25 процентов — ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности лица!

Из рукописной листовки, распространенной накануне трагедии: «Убивайте турок, иначе будете наказаны! Оказывайте помощь поджигателям!.. Юноши, собирайтесь, не будьте последней ногой у собаки! Если хоть один юноша останется дома, не будет действовать, он может умереть под ударами камней! Бог даст, сегодня — загорится дом турка!

Союз узбеков».

МЯТЕЖ

3 июня. В 11.00 в г. Ташлаке начала собираться толпа, которая к 15 часам достигла более 1000 человек и, переворачивая на ходу автомобили, избивая прохожих и поджигая дома, двинулась в поселок Комсомольский. Местной милиции рассеять толпу не удалось.

4 июня. С 6 часов утра на Ферганский аэродром стали приземляться первые самолеты с частями внутренних войск. С 13 часов более двух тысяч мятежников окружили здание райотдела милиции, около восьми тысяч собрались в центре Ташлака. Ни на выстрелы в воздух, ни на увещевания через радиомегафоны никто не реагировал: упорно рвались к оружию. В этой операции был тяжело ранен, а потом скончался в больнице милиционер Т. Суванкулов. Ранили дробью в глаза командира части внутренних войск подполковника Огольца. К 20 часам 50 минутам, когда прибыло подкрепление из Ашхабада и Душанбе, удалось локализовать массовые столкновения.

5 июня. К 8 часам утра численность внутренних войск и милиции, достигла 5189 человек. Операцию возглавил полковник Евгений Александрович Нечаев. Ночью было относительно спокойно.

6 июня. Главные усилия войска сосредоточили на наведении порядка в Фергане, Маргилане, Ташлаке, Киргили, Кувасае, в селах Ахунбабаевского района и в совхозе имени Юсупова.

7 июня. С 14 часов мятежники стали собираться в Коканде и окрестностях. Через час толпа (около 3 тысяч человек) напала на следственный изолятор, чтобы освободить арестованных. На помощь в Коканд Нечаев направил из Ферганы подкрепление. В это время уже почти 15-тысячная толпа осаждала горотдел милиции, госбанк, железнодорожный вокзал, административные здания. Восставшие вылили на землю горючее одной из трех цистерн, угрожая поджечь вокзал. Все атаки удалось отбить. Тогда вооруженные отряды боевиков из Риштана и Багдада (более двух с половиной тысяч человек) выступили на подмогу в Коканд. Повсюду в предместьях шли поджоги, погромы, грабежи и убийства. Только к исходу дня, к 20 часам удалось пресечь беспорядки при помощи десанта — группы «краповых беретов». В кокандской операции пострадало несколько журналистов.

С точки зрения местных властей, «политическая провокация» не удалась, поскольку «экстремисты» просчитались в главном — в том, что мятеж вызовет широкомасштабную дестабилизацию во всем Среднеазиатском регионе. А мятежники, несмотря на потери, чувствовали себя победителями: даже в скорбный день, когда турки-месхетинцы опускали в братскую могилу останки своих собратьев, кое-где в Фергане играла музыка, шла оживленная торговля на рынке. И факт остается фактом — более 16 тысяч турецких беженцев погрузили в самолеты и отправили в Россию.

...Приехав в Фергану, я ходил по городу, встречался с разными начальниками и поначалу задавал всем однотипные вопросы. Как получилось, что руководство, у которого даже после событий в Кувасае было 9—10 дней на размышление, допустило уничтожение турок-месхетинцев? Почему вместо того, чтобы забить тревогу — ведь достаточно было одной телеграммы в Кремль, где шел Съезд народных депутатов,— власти сидели и выжидали?..

А о чем, вы думаете, писала «Ферганская правда» 5 июня 1989 года после того, как садисты грабили турецкие дома, насиловали женщин на глазах у мужей, сжигали людей живьем, выкалывали им глаза и отрубали головы?.. О чем же писала газета? «В трудовых коллективах, по месту жительства, в махаллях следует вести работу по разъяснению основ законодательства, **крепить дружбу народов СССР, пресекать любые проявления национализма».** (Выделено мною.— **А. Г.**) Замечательный рецепт от контрреволюционных мятежей! На другой странице, словно в издевку над бедой, обрушившейся на турок,— крупный заголовок другой статьи — «Больше тепла, доброты, милосердия»...

«ТБИЛИССКИЙ СИНДРОМ» В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ?

Итак, предположим, местное руководство ничего не знало и не ведало, пребывая в благостном состоянии. Зато турки-месхетинцы знали! Они-то отлично понимали, **что** их ждет в ближайшие дни. Целыми делегациями навещали райкомы и горкомы партии, умоляли едва ли не на коленях: сделайте же хоть что-нибудь, нас собираются убивать!.. Приносили найденные во дворе листовки. Приглашали в махаллю: посмотрите, мол, сами, на деревьях висят разноцветные лоскуты, наши дома уже помечены для поджогов... Сначала их успокаивали и просили разойтись по домам. Когда поняли, что дело худо, укрыли в зданиях райкомов и горкомов. Так было по всей области. Так было и в Ферганском обкоме партии.

Допустим также, что от своего народа можно отмахнуться: подумаешь там, паникеры слухи распускают! А от официальной, проверенной информации?

К. Б. Баймурадов, заместитель начальника УКГБ по Ферганской области, подполковник госбезопасности:

— Мы заблаговременно поставили в известность партийные органы. И Ташлакский райком, и Маргиланский горком, и Ферганский обком партии о готовящейся акции. Лично начальник УКГБ генерал-майор Лесков 2 июня (обратите внимание на дату! — А. Г.) на бюро обкома выразил тревогу. Он сказал, что завтра же могут начаться события, которые могут иметь непредсказуемые последствия. Мы, сказал Лесков, должны готовиться к этому всем миром. Всеми силами, которые у нас имеются. Наши оперативные средства уже подключены для этой цели.

С. Ю. Бурханов, начальник Ферганского облуправления внутренних дел, генерал-майор милиции:

Вопрос: ***После событий в Кувасае вы запрашивали какую-либо помощь?***

Ответ: ***Я говорил, что момент критический, нужна помощь...***

Вопрос: ***К кому конкретно вы обращались?***

Ответ: ***К министру внутренних дел Узбекистана. На другой день прилетел его заместитель, который курирует Ферганскую зону.***

Вопрос: ***С 23 мая было достаточно времени, чтобы позаботиться о подкреплении. Почему этого не было сделано?***

Ответ: ***Потому что этот вопрос не сам я решаю. МВД республики было в курсе. МВД Союза тоже было в курсе. Они знали, какими силами мы располагаем...* (и так далее).**

Раз все всё знали и ничего не предприняли, стало быть, решили спокойно посмотреть, как мятежники будут уничтожать турок-месхетинцев? Диковато было бы представить...

Е. А. Нечаев, заместитель начальника Политуправления внутренних войск страны, полковник:

— Что касается местных властей, то это доводы в пользу бедных — мол, ситуацию недооценили... Кроме того, установлено, что в беспорядках участвовали сами представители партийных и советских органов! И, естественно, нам население задает вопросы: вчера — турки, кто следующий? Мы-то, внутренние войска, открытое сопротивление сломаем, у нас сейчас все для этого есть. Хотя главное — обойтись меньшей кровью, я об этом говорил и говорю своим офицерам. Была, правда, операция, когда банда, человек 400, пыталась захватить турок, укрывшихся в пансионате. Мы стреляли не по толпе. Вот когда группа выделилась и совершила прямое нападение, мы уложили двух человек, убили на месте. Пятерых ранили. Это помогло остановить вооруженных бандитов... Я с 4 июня здесь в Фергане. Да, мы опоздали. Но не по своей вине! Как, кстати сказать, и в Сумгаите. Ведь за то, что местные партийные органы не могли правильно оценить обстановку, командование внутренних войск ответственности не несет.

И. Ф. Шилов, заместитель министра внутренних дел СССР, генерал-лейтенант:

— Когда требуется ввести внутренние войска в тот или иной регион, инициативу должны проявить местные власти. Таков порядок. 24 мая мы, естественно, получили информацию о столкновениях в Кувасае, это был первый звонок. А с 25 мая мы с министром были на Съезде народных депутатов, встречались с представителями Узбекистана. Однако они особого беспокойства по поводу напряженности в Ферганской долине не проявляли. И лишь в ночь с 3 на 4 июня было решено действовать. Сразу же подключили военную транспортную авиацию для переброски войск...

А все же в городе говорят: «Ах, если б эти ребята прибыли сюда чуточку раньше!» Не час — минута могла бы спасти жизнь женщине, юноше, старику... Сам ищу — и не могу найти сколь-нибудь логического довода в пользу этого драматического опоздания. Спрашиваю — и не могу получить ответ: кто отдал приказ местной милиции «ни в коем случае» не применять оружия, даже резиновые дубинки?

Ну, допустим опять-таки, что до 4 июня местная милиция находилась в замешательстве и была не в состоянии дать отпор сразу в нескольких городах мобильным, хорошо вооруженным отрядам мятежников. А четвертого вечером, когда потребовалось защитить Фергану, когда начали прибывать основные силы внутренних войск?

Участковые милиционеры рассказывали мне, в какой ситуации они оказались, когда в районах старой толкучки и хлопкозавода бесчинствовали толпы, грабя и поджигая дома. Приказ — не стрелять, но стрелять было бесполезно даже в воздух: тут же разорвут в клочки. Звонили в горотдел милиции: пришлите подкрепление. Отвечали: справляйтесь своими силами.

Иду в горотдел: «Почему бросили своих участковых, один — на толпу; ведь они чудом остались живы, одному даже вилы к горлу приставили, чтобы не вмешивался?» Отвечают: «Так распорядились в областном управлении». Встречаю подполковника Н. Мадиярова, который дежурил в облуправлении: «Когда к вам обращались четвертого вечером из горотдела насчет того, что в Фергане безнаказанно жгут турецкие дома, вы могли защитить людей?» «Я доложил руководству. Сказали, пусть держатся своими силами. Резерва не было».

Между прочим, перед отлетом из Ферганы мне позвонили в гостиницу насмерть перепуганные участковые, те самые. Их, оказывается, разыскали, вызвали к начальству, пригрозили: «Вот возьмем у корреспондента кассету, послушаем, что вы там ему наговорили...» «Ради бога,— просили меня участковые,— не называйте в статье наши имена! У нас ведь семьи, дети!..»

Внутренние войска действовали мужественно. Без преувеличения: они спасли жизнь тысячам людей. Я не говорю уже о профессионалах в «краповых беретах» из подразделения Сергея Ивановича Лысюка. Девятнадцатилетние мальчишки-солдаты спасали турецкие семьи, предотвратили поджог санитарного вертолета, освобождали захваченных в плен в качестве заложников советских и партийных работников, рискуя жизнью. Хочется назвать некоторые имена: рядовые Виктор Шелец, Сергей Буров, Александр Дедушенков, Виктор Гнедец, Владимир Незнамов, Александр Лазаренко... Их командиры, подполковники Виктор Еловский, Владимир Васильев, Владимир Енягин, не раз оказывались в гуще озверевшей, обкуренной наркотиками толпы, пытаясь урезонить мятежников, чтобы не пролилась лишняя кровь... Спасибо им всем за это!

Но, мысленно перелистывая в памяти хронику ферганского мятежа, убеждаешься в том (и это не пытаются скрыть командиры), что и на нерешительных действиях местной милиции, и на опоздании внутренних войск, и на крайней осторожности, с которой применялось огнестрельное оружие,— на всем этом так или иначе сказались недавние события в Грузии. Ведь в Фергане постоянно дислоцируется воинская часть, которая могла бы лишь своими силами подавить мятеж. Увы, свежа память о Тбилиси, слишком горек урок вмешательства частей Советской Армии... Тбилисское эхо витало по Ферганской долине, заставляя начальников проявлять осмотрительность, некоторые колебания даже там, где требовалось безусловное применение силы. Здесь называют это «тбилисским синдромом».

Вспоминаю разговор с командиром части внутренних войск подполковником В. А. Мальцевым. Он тоже находился в Тбилиси в трагические апрельские дни. Правда, его часть была не на проспекте Руставели, ей приказали охранять телецентр. По вопросу о тбилисских событиях мы с Владимиром Александровичем, разумеется, остались на различных точках зрения. Меня до сих пор не покидает твердое убеждение, что в Грузии не было необходимости применять силу, что внутренние войска и подразделения Советской Армии были вызваны в Тбилиси теми, кто опасался не столько за судьбу Грузии, сколько за собственные кресла. Мальцев горячо спорил, приводил свои доводы, рассуждая о «хулиганствующей толпе», «пытавшейся прорваться в Гостелерадио», хотя намерения толпы он определил лишь по дерзким плакатам и лозунгам, которые держали люди.

— Ваше присутствие в Фергане, безусловно, необходимо,— сказал я Мальцеву.— Но на памяти старшего поколения — жесточайшие подавления выступлений в Норильске в 1953 году, митингов в Новочеркасске... Представьте себе, что завтра вам прикажут выступить против бастующих рабочих, то есть против народа, который борется за свои права. И вы тоже, не раздумывая, бросите свою бригаду на подавление?

— Я верю в разум нашего командования, верю, что на внутренние войска такие задачи не будут возложены.

Мне тут же вспомнилось высказывание полковника Нечаева: «Что войска? Мы только грубая сила. Куда прикажут, туда и летим! Пусть другие думают о том, где, как и когда эту силу применять!» Тут Нечаев абсолютно прав, как профессиональный военный. Но я, в отличие от подполковника Мальцева, поверю «в разум командования» лишь в том случае, если внутренние войска будут подчинены не партийно-бюрократическому аппарату, не нескольким людям, которые пока самолично решают, куда перебросить «грубую силу», а самому народу, вернее — Верховному Совету СССР, подотчетному Съезду народных депутатов. Или, еще лучше, Президенту, а в случае его отсутствия — первому заместителю. Лишь в этом случае можно надеяться, что войска не появятся в новом Звартноце или новом Тбилиси. И не станут медлить, когда не дай Бог снова вспыхнет насилие, как это было в Сумгаите и Фергане.

ПРОНИКАЮЩЕЕ РАНЕНИЕ

Фергана зализывает раны. В России спасенные турки-месхетинцы могут наконец перевести дух. Толпы мятежников разбежались по городам и кишлакам, растворились среди народа. Началось кропотливое расследование причин и механизма трагедии. Но с политической оценкой не спешат. И вновь приходится наблюдать закономерность последствий, которые наступают после волнений в «тревожных регионах». Бюрократический аппарат от страха и растерянности переходит к самообороне. Власть, по сути дела, в руках военных, которые некоренному населению — русским, евреям, крымским татарам, немцам, корейцам, грекам, курдам — гарантируют мир и покой. Правительство, как это уже водится, «под трагедию» выбивает из центра дополнительные ассигнования...

Спору нет, проблем в Ферганской области, как и во всем Узбекистане, накопилось множество: это и удушение республики монокультурой хлопчатника, и безработица, и экология. Экономическая программа, которую наметил Совет Министров Узбекской ССР, стоит 62 миллиарда рублей, из которых две трети республика изыскивает сама. И вот правительственная комиссия во главе с Г. Х. Кадыровым поглощена планами возведения в районах модульных цехов, чтобы ликвидировать безработицу. Возможно, и хорошее дело, но почему в Фергане то и дело натыкаешься на типовые плакаты «Требуются, требуются, требуются...»? Эвакуировали турок-месхетинцев, многие из которых трудились на тяжелейшей работе по укладке асфальта,— открылись вакансии! Но молодежь почему-то занять их не спешит. Другое дело — торговля, кооперативы, снабжение...

Спору нет, экономику республики нужно поднимать, позаботившись прежде всего о живых людях. Подняв уровень их жизни хотя бы до той черты, за которой можно сносно жить, содержать семьи... Ну, а как с главной проблемой — проблемой стабильности и безопасности в регионе? И в ЦК Компартии Узбекистана, и в правительстве отлично знают: дай националисту хоть золотые горы, он все равно останется националистом. Раздай эти 62 миллиарда по семьям,— а завтра не дай Бог снова покатятся по улицам обкуренные, оголтелые толпы, убивая все живое, что им попадется на пути?!

Гайрат Хабидуллаевич Кадыров, премьер-министр республики, рассчитывает на то, что можно будет съездить в Россию, еще раз извиниться перед турками-месхетинцами (это, наверное, выглядело бы так: «Извините, что вас, турок, немножко поубивали, а потом заставили второй раз на протяжении полувека перебираться на новое место!»). Кадыров считает: «Решить потребности лиц, которые были сселены в Узбекистан во время войны,— турок-месхетинцев, крымских татар, немцев Поволжья — безусловно, надо». Но как? «Надо,— говорит Кадыров,— сначала проработать эти вопросы, потом вынести предложения на Съезд народных депутатов».

Ближайший съезд — осенью. До него несколько месяцев. Выход ли это, когда уже сегодня в Верховный Совет поступают от групп депутатов подробные **программы** по **кардинально новому** федеральному устройству Союза ССР, программы, которые позволили бы превратить нашу страну из единоутробной «державы» в нормальное демократическое государство, в котором любой малочисленный народ мог бы выбрать себе судьбу сам — от места проживания до формы автономии? Грустно было бы представить, что из-за промедления в решении этого, может быть, самого важного вопроса (поскольку нет ничего важнее безопасности людей!) республики Прибалтики будут настаивать на выходе из состава Союза ССР, карабахские армяне отчаятся воссоединиться с Арменией, а в среднеазиатском регионе сформируется «панисламское государство»...

Говорящий сегодня да задумается над произносимым!

Роковым бывает слово, когда оседает в сознании, неспособном к анализу, превращается в догму («Ну, раз такой уважаемый человек говорит, значит, правда...»). В эпоху гласности устное слово бесцензурно, как песня под гитару, бесконтрольно. Радикалы всех мастей наступают — партийные работники оправдываются в печати едва ли не анонимно. А сожаления наступают обычно потом, когда беда уже стряслась, когда и тем, и другим очевидно, что ни одну политическую программу нельзя ставить на чашу весов, если на другой чаше — человеческие жизни. И экономическую, кстати, тоже!

В Каракалпакии дети умирают в «экологическом концлагере» (по выражению В. Селюнина). И это все тот же Узбекистан без ферганского толкования «Узбекистан». В Сумгаите тоже — без политического значения «Сумгаит»: азербайджанским детям приходится расплачиваться за идиотизм плановиков, устроивших из «великой стройки» химическую душегубку.

Говорящий сегодня да примет на себя ответственность за то, где и как его слово отзовется!

Ферганский мятеж ужаснул многих в Узбекистане. Можно понять представителей духовенства, которые нынче печатно заявляют, что «конфликт... не имеет никакого отношения к исламу». И неформалы от «вспышки экстремизма» открещиваются. Но ведь дело не в исламе как религии, а в тех верующих крайне правого толка, которые еще не так давно призывали изгнать из республики инородцев, поднимая над головой зеленые знамена... Дело не в демократических позициях, которые разделяют многие члены объединения «Бирлик», а в тех неформалах, которые открыто смыкаются со сторонниками национализма. Теперь кое-кому хотелось бы забыть, что всего лишь на пятый день после первых столкновений в Кувасае, в Ташкенте в Доме литераторов одна поэтесса призывала «не приглашать руководящие кадры извне», а один уважаемый профессор, предложив изъять из программы «Бирлика» слова «шовинизм», «национализм» и «интернационализм», ставил в пример Тимура («хотя он был завоевателем») и людей «типа Мадамин-бека», который «воевал за свой народ».

Говорящий сегодня да очнется и отрешится от обманчивого чувства «единства с народом», когда, спекулируя на истинной народной боли, исполняет танец вокруг национально-государственной идеи!

Для определенной части интеллигенции это стало уже не просто модной манерой, но устойчивой тенденцией — консолидируя народ по этническому признаку, брать на себя право устрашать слушателей образом врага. Такая обработка не проходит даром. И вот уже массовое сознание постепенно ориентируется на национальный изоляционизм. Если этот процесс будет нарастать, не помогут ни пленумы ЦК, ни Съезды народных депутатов, ни административное, а тем более силовое вмешательство центра. Сложившиеся десятилетиями, веками феодальные структуры, которые, как ни странно, не исчезли, а лишь приняли еще более уродливые формы в рамках административно-командной системы, достаточно устойчивы. Попытка видоизменить их силой непременно вызовет обратную реакцию. Найдутся и те, кто придаст этой реакции форму «национально-освободительного движения». Подогретая толпа, будьте уверены, способна на кое-что посерьезнее, чем ферганский мятеж. И уже никаких внутренних войск не хватит, чтобы локализовать очередное столкновение, остановить кровопролитие.

Вот почему болит сердце за Фергану. Вот почему обидно за тех, кто либо по недомыслию, либо преднамеренно пытается выставить июньские события в Ферганской долине как «вылазку бандитов» под руководством каких-то там «таинственных сил». Вот откуда берутся основания считать эти события последним серьезным предупреждением всем нам — и узбекам, и «неузбекам».

Мы стали жить уже не только в предчувствии трагедий. Мы впиваемся в утренние газеты и невольно замираем, когда по радио звучат названия городов, где из-за стихийных или организованных столкновений льется кровь... Опасна и постыдна привычка последнего времени читать сводки из очередных «особых районов». Терпимо и покорно, словно фатум, воспринимать гибель своих сограждан. Еще не так давно национальные беды наши можно было уместить в двух-трех строчках. Теперь — нет. И не только потому, что человеческими жизнями приходится расплачиваться за ненадежный реактор, плохо сваренный шов газопровода, за выстроенные на живую нитку дома в сейсмически опасной зоне. В перечне адресов появились и такие, где люди одной национальности противостоят людям другой. Где подчас выгодно раздуваемая вражда то втихомолку, из-за угла, предательски и подло, то открыто мстит нам за нерешительность и множит список жертв.

...Когда самолет лег на обратный курс, всем казалось, что запах гари, йода, сожженной человеческой кожи еще витает над головой. Солдаты спали на тюках одеял, на скатках шинелей в обнимку, как дети, дремали, облокотившись о разбитые пластиковые щиты и ящики с боеприпасами. Не спал лишь юноша, турок-месхетинец, которого когда-то нарекли по имени могучей религии его народа,— Исламом.

Солдаты летели домой. Ислам — от дома. Он глядел в одну точку и думал.

Он вернулся в Фергану, тоже отслужив в армии, с «дембельским» чемоданом, в котором вез гостинцы родне и соседям по махалле, где родился и вырос. Он увидел вместо дома обугленные развалины. Тогда Ислам заплакал. Потом пришли соседи-узбеки, а также соседи-евреи и соседи-татары и, пряча глаза, сказали, что его семья теперь живет где-то под Смоленском.

От имени правительства ему выдали деньги и помогли пристроиться в военный транспортный самолет. Это все, что республика могла для него сделать, а он и не просил большего.

Фергана — Москва

ПРОСТИТЕ НАС, Ж

Игорь СТАДНИК,
Василий ШАПОВАЛОВ (фото)

«Не пила я, не пила я!.. Меня... домой шла!..» Второй Вражский переулок, медицинский вытрезвитель. Женский. Все делается быстро: записали личные данные, раздели, увели в палату, уложили на кровать. Ценные вещи и деньги — в мешочек с номером койки. ...Шел я сюда с твердым убеждением: женщин водворять в медвытрезвитель не стоит. Женщина — в каком бы состоянии ни была — не перестает быть женщиной. Несчастную надо бы отвезти домой, и только. Пусть с последующей оплатой за доставку. Развозят же по домам пьяных несовершеннолетних! Но мне объяснили: часто везти клиентку некуда. И даже если удается выяснить адрес, то неизвестно, какая встреча ждет ее дома... Впрочем, многие давно не живут по месту прописки. Скитаются по случайным знакомым, и забота одна — выпить. Работа если есть, то такая, что бросить не жалко — уборщица, посудомойка, санитарка. Коек здесь всего двадцать одна. На всю столицу. Среди доставленных немало таких, кого уже давно здесь знают... Кто-то попадает сюда впервые. Но истории этих женщин: и тех, кто стал постоянным клиентом этого учреждения, и тех, кто попал сюда вроде бы случайно, очень похожи. Непонимание, отчаяние, горе горькое, обман. И как следствие — одиночество. И житейская неустроенность. Муж? У таких если есть он, то давно чужой человек.

Потеря своего женского достоинства — начало конца. А все-таки все женщины стараются сохранить его, личное свое достоинство, даже в вытрезвителе. По-своему, конечно. Это и подчеркнуто независимый вид тех, кому пребывание здесь не в диковинку; и заученный набор оправданий случившегося. Да и буйствуют при задержании так, что куда до них сильному полу... Агрессивность для многих несчастных — единственное средство самозащиты. От унижения. Медвытрезвитель — учреждение «позорное». Попадешь сюда — обязательно сообщат на работу. Горе, беда, обида — все равно, так требует инструкция. А сама доставка? Сколь ни называй ее «услугой» (так в инструкции МВД), ничем она не отличается от ареста. А плата за «услугу»? Тот же штраф. Да и каковы те услуги? Привезут из любого конца Москвы да уложат на койку (в случае буйства к ней же и привяжут «широкой мягкой повязкой»), а если тяжелая степень опьянения, отравления,— отправят в больницу. Хорошо, если не плюнут лишний раз в пьяную душу.

Пьющие женщины... Меры милицейского пресечения — неужели это все, что может им дать общество? «А что,— слышу хор оппонентов,— общество что-то еще должно? Нечего цацкаться!»

Общество задыхается от дефицита милосердия. Мы слишком долго не цацкались,— ни со всеми вместе, ни с каждым в отдельности. Загляните в подсобки общепита, где моет посудомойка грязные тарелки голыми руками, стоя на хлюпающем жирном полу. Можно закрыть глаза: ну и что? Завод устарел, загажен, душевые полвека без ремонта? Ну и что... Никто не торопится объяснить мальчишкам в школе, что такое мужское достоинство и честь? Сойдет и так... И все эти далеко не радужные картинки нашей повседневности бьют по женщинам. Самых слабых фильтрует

ЕНЩИНЫ!

быт и скотское отношение мужчин. А ведь с ними, кто на дне, «цацкаться» следует прежде всего. Ибо уровень милосердия общества определяется его отношением не к преуспевающим и сильным, а к тем, кто слаб. Женщина слаба. Слабей мужчины изначально.

Знаете ли вы, каким видится иностранцам образ зимнего советского города? Снежные горки? Русские тройки? Гирлянды новогодних огней? Как бы не так... В одном из первых телемостов американский художник показал нам — пожилая женщина со снеговой лопатой... А кто ремонтирует железнодорожные пути? Кто кувалдой заколачивает костыли?

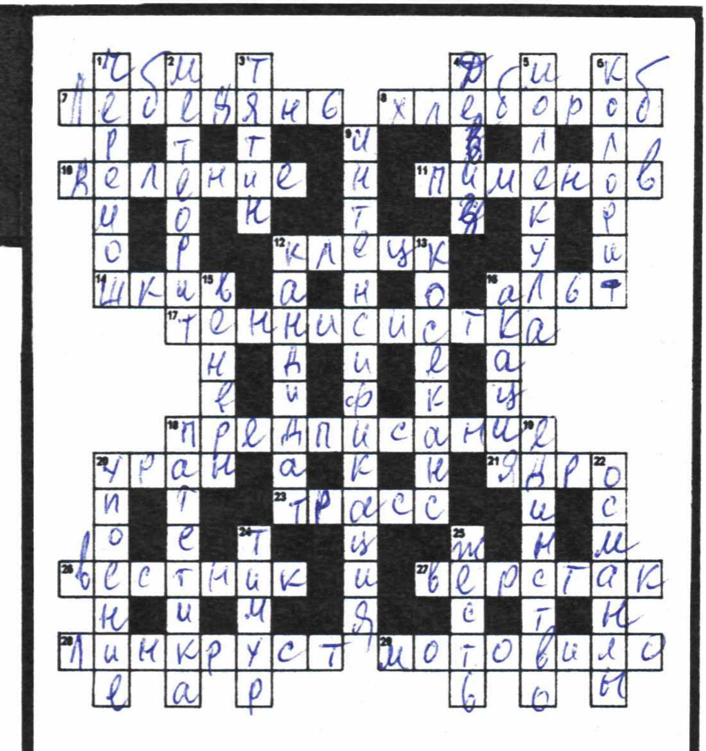
Пьющие женщины, простите всех нас! Всех, кто оставил вас со своей слабостью наедине! Самим вам не подняться. А как вам помочь? Можно спасти этих людей, только открыв им другой мир; а значит, в первую очередь нужен не медвытрезвитель, но приют. Там не будет сотрудников в погонах, там женщина проведет минимум сутки, придет в себя, отдышится, и, быть может, кто-то из них почувствует, что еще есть иная жизнь.

Им нужно дать шанс. Отсюда второе — помочь несчастным женщинам, желающим выбраться из трясины, объединиться в достаточно замкнутые сообщества, товарищества... Общий грех избавит от комплекса неполноценности, да и с общей бедой справиться больше надежд, если вместе. Для них, всегда одиноких, всегда брошеных, сама попытка сделать что-то вместе будет важным шагом. Есть же опыт зарубежья, когда бывшие алкоголички помогают другим встать на ноги!

Кому бы заняться этим? Есть теперь в Верховном Совете СССР депутаты от женских организаций. Есть и Комитет советских женщин. Дойдут ли у них руки? Раньше не доходили. Пока же пьющие женщины испытывают на себе только милицейское милосердие. И дай бог, чтоб сотрудницы единственного медвытрезвителя не вымещали на них свои собственные женские горести.

Личные данные, опись одежды, номерок...

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 8. Крестьянин, земледелец. 10. Арифметическое действие. 11. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 12. Город в Минской области. 14. Колесо, деталь ременной передачи. 16. Низкий детский голос. 17. Спортсменка, участница игры с мячом. 18. Рассказ А. П. Чехова. 20. Химический элемент, ядерное топливо. 21. Спортивный снаряд для толкания. 23. Горная порода, разновидность вулканического туфа. 26. Название некоторых периодических изданий. 27. Специальный стол для слесарной, столярной работы. 28. Рулонный отделочный материал. 29. Рабочий орган уборочных машин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приток реки Прут. 2. Космическое тело, падающее на Землю. 3. Действующее лицо в пьесе М. Горького «Егор Булычов и другие». 4. Краткое изречение, выражающее руководящую идею. 5. Наименьшая частица вещества. 6. Соотношение красок в картине по тону. 9. Усиление, увеличение производительности, действенности. 12. Лицо, выдвигаемое для избрания в депутаты. 13. Тригонометрическая функция. 15. Озеро на юге Швеции. 16. Декоративное древесное растение. 18. Взволнованный, исполненный пафоса тон. 19. Цельность, сплоченность. 20. Состояние восторга, восхищения. 22. Азербайджанский актер, народный артист СССР. 24. Герой повести А. П. Гайдара. 25. Тонкая листовая сталь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Монтегюс. 8. Санкюлот. 10. Пролетариат. 11. Шадрин. 12. Лавров. 15. Конвент. 16. Делиб. 19. Пикап. 22. Декабрист. 23. «Революция». 25. Фраза. 27. Атака. 29. Шекспир. 32. Госсек. 33. Пастер. 36. Координация. 37. Делакруа. 38. Котильон.

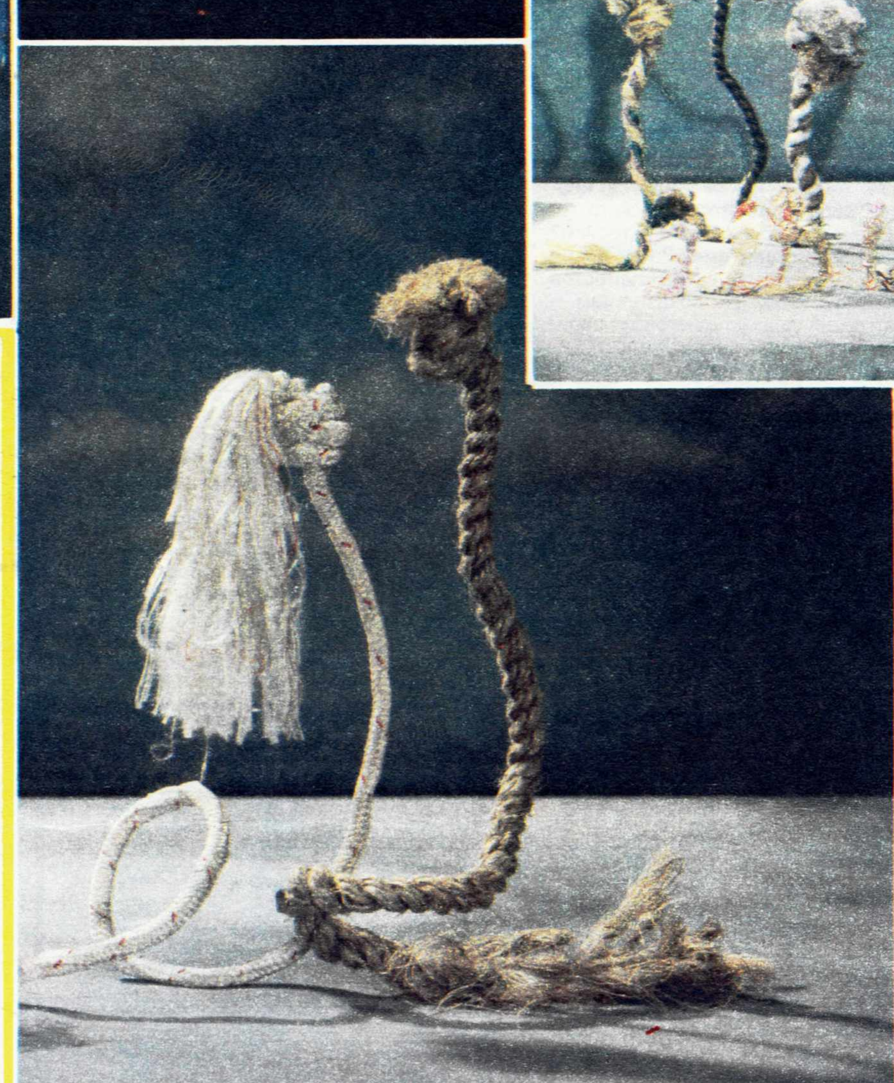
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Восстание. 2. Георгин. 3. Дюкло. 4. Лаура. 5. Аксакал. 6. Толстовка. 9. Сталевар. 13. Робеспьер. 14. Инспекция. 16. Дрейф. 17. Луара. 18. Бирма. 19. Проза. 20. Каюта. 21. Прима. 24. Бастилия. 26. Револьвер. 28. Кабельтов. 30. «Девочка». 31. Сатирик. 34. Браун. 35. Фасон.

●

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА.

— Говорят, что вам достаточно молочного пакета, чтобы снять фильм. Это правда?

Мы сидели в павильоне, где рядом, на съемочном столе, Гарри Бардин заканчивал работу над своим новым фильмом «Выкрутасы». А действительно, смог бы этот человек, который для каждой новой работы всякий раз берет какие-нибудь неожиданные материалы, снять фильм, используя подвернувшийся под руку предмет? Смог бы, если бы того потребовало содержание фильма.

Фильмы последних лет у Бардина — своего рода притчи, а притча, если вспомнить, требует предельной концентрации мысли и лаконичной образности. Великий Чаплин сказал как-то: «Мой герой — это не реальный человек, а юмористическая идея, комическая абстракция». Такие комические абстракции и живут в полюбившихся зрителям фильмах мультипликатора Бардина: «Конфликт», «Тяп-ляп, маляры», «Брэк!», «Банкет», «Брак»...

Последние два года для режиссера стали особенно памятными: приз жюри и приз публики на Штутгартском международном кинофестивале, «Золотой голубь» на Лейпцигском МКФ, два приза на Международном кинофестивале спортивных фильмов во Франции и там же, на другом киносмотре, приз жюри и приз европейского телевидения. И вот недавно приз-победитель на Международном фестивале «Праздник мультипликации» в Лос-Анджелесе.

Татьяна НЕМЧИНСКАЯ.

ОГОНЁК

40 коп.
Индекс 70663

